

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

8 2026
ЧАСТЬ III

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 8 (611) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Култур-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Василий Иванович Баженов* (1737–1799), русский архитектор.

Василий Баженов родился в семье церковного дьякона. У мальчика уже в раннем детстве обнаружили художественные способности: он детально зарисовывал здания на улицах старой Москвы.

В 16 лет Баженов попал на строительство дворца Анненгоф, который восстанавливали после пожара. Там он присоединился к артели живописцев. Талантливый юноша быстро заслужил доверие, и ему поручили расписывать печи под мрамор. Реставрацией руководил архитектор Дмитрий Ухтомский, он и обратил внимание на увлеченность молодого мастера и принял его в свою архитектурную школу — первую в России. По его рекомендации Баженов был зачислен в гимназию при Московском университете. Здесь в специальном художественном классе молодых людей готовили для будущей Академии художеств.

Баженов оказался в числе девяти самых успешных учеников гимназии, и его заметил известный меценат Иван Шувалов. По его инициативе юного архитектора перевели в Санкт-Петербургскую гимназию, а через год зачислили в только открывшуюся Академию художеств.

В 23 года Василию Баженову пожаловали дворянский титул — он был признан одним из лучших студентов. Получив в Академии 100 рублей, молодой архитектор отправился в Париж перенимать опыт «западных коллег». Уже через полтора года он блестяще выдержал экзамены в Парижской академии архитектуры. Два года Василий Баженов работал с профессором Шарлем де Девальи, который обучал молодого архитектора создавать здания в новомодном стиле «классицизм». Одной из работ Баженова стала модель Луврской галереи.

После Парижа Василий Баженов уехал в Рим. Здесь он изучал античный стиль в архитектуре и создал модель храма Святого Петра. Его работы встречали с восторгом: архитектору пожаловали членство в Академии Святого Луки и право «быть мастером и профессором архитектуры как в Риме, так и везде». В 1764 году Баженов вернулся в Париж. Он стал первым русским архитектором, который получил признание в Европе. Ему предложил работу сам Людовик XV, но Василий Баженов его величеству отказал и вскоре вернулся в Россию: слишком много было у него планов и проектов.

За время его отсутствия на родине многое изменилось: на престол взошла Екатерина II. В жизни Баженова началась полоса неудач. Академия художеств теперь существовала по новым законам. Баженов рассчитывал на профессорскую кафедру, однако ему присвоили вместо профессорского звание академика архитектуры, и он ушел. В это же время он разработал проект Смольного института, но строительство здания начато не было.

В 1767 году Василий Баженов приехал в Москву и был удостоен аудиенции Екатерины II. Императрица пору-

чила архитектору перепланировку всей территории Московского Кремля, Красной площади и возведение нового дворца. Спустя год начались первые работы. Главным архитектором был Василий Баженов, а его заместителем — Матвей Казаков. Баженов создал макет будущего дворца размером почти в человеческий рост.

Первого июня 1773 года состоялась долгожданная закладка дворца. Вот только Екатерина II на закладке дворца присутствовать не пожелала. У нее пропал интерес к проекту. В результате от грандиозного замысла осталась только модель, которая до сих пор хранится в Московском государственном музее архитектуры имени Щусева.

Итоги для Баженова были неутешительными: его очередное детище осталось только на чертежах, а сам он оказался в долгах. Несколько зданий на территории Кремля все-таки успели возвести, кроме того, начали разбирать крепостную стену. Екатерина приказала вернуть все в первоначальный вид и поручила работы по реконструкции Матвею Казакову.

Однако в 1776 году архитектор вновь получил заказ от Екатерины II: построить для императрицы подмосковную резиденцию в Царицыно. На возведение этого здания Баженов потратил десять лет своей жизни.

Летом 1785 года на строительство приехала заказчица. Но императрица была в плохом настроении, похотела по дворцу и быстро уехала. Здание она приказала перестроить. Отчаявшийся архитектор принялся за работу, но и следующий вариант архитектурного ансамбля Екатерина не оценила и снова велела все постройки разобрать.

В 1784 году Баженов начал строительство дворца для Петра Пашкова — знаменитого Дома Пашкова в Москве. Сохранилась легенда о том, как обиженный на императрицу зодчий нарочно развернул дворец фасадом от Кремля.

В 1796 году Екатерина II умерла и императором стал Павел I. Новый этап начался и в жизни страны, и в жизни Василия Баженова: молодой император был к архитектору весьма лоялен. Баженов вновь перебрался в Петербург, где начал разрабатывать проект Михайловского замка. Возглавить строительство ему, правда, не удалось из-за болезни. Возвел дворец Виктор Бренна: он внес в проект ряд изменений, но замысел Баженова воплотил почти в полной мере.

В 1799 году Василий Баженов был назначен вице-президентом Академии художеств. Вступив в должность, он начал масштабную модернизацию Академии. Параллельно он задумал издать альбом русского зодчества — фактически энциклопедию русской архитектуры, первую в Российской империи. На осуществление плана Баженову не хватило времени: 13 августа 1799 года архитектор скончался в возрасте 62 лет.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Аврамец М. И.

К вопросу о признании интернет-мемов и популярных фраз в качестве товарных знаков 147

Бабков Д. Р.

Дискриминация в сфере труда: правовые проблемы и механизмы защиты в российском трудовом праве 150

Болдырев В. А.

Становление и изменение правового статуса арбитражного управляющего в России 152

Болдырева Е. А.

Процедуры несостоятельности (банкротства) за рубежом 154

Борлаков У. Ш.

Защита интересов наследников через реализацию преимущественного права 155

Владимиров А. А.

Изменчивость правосознания как основание возникновения индивидуального правового реализма 157

Глухова Е. О., Попова Н. С.

Ключевая роль органов внутренних дел Российской Федерации в системе противодействия коррупции 161

Грачёв Я. К.

Основы производства по административным делам об оспаривании нормативных правовых актов 163

Гурьянова Ю. А.

Проблемы правового регулирования недействительности брака 165

Дорохин О. Р.

Учение о государстве и праве С. Десницкого (Россия, XVIII век) 167

Дорохин О. Р.

Становление американской политико-правовой мысли (XVII — первая половина XVIII века) 168

Дорохин О. Р.

Критерии классификации национальных правовых систем 170

Дорохин О. Р.

Распространение общего права по всему миру 171

Еронов Е. Р.

Правовой статус судьи в отставке в Российской Федерации 173

Казаченко С. В.

Признание права как самостоятельный способ защиты права собственности на жилое помещение 174

Каравайцев С. А.

Эскроу-счета в договоре строительного подряда в РФ 178

Костина И. С.

Проблемы правового регулирования отношений по взысканию и уплате алиментов 180

Костюшина А. Е.

Право на судебное оспаривание нормативного правового акта 183

Крижановский А. Б.

Понятие альтернативных обязательств и особенности правоприменения 185

Кудинов Ю. С.

Правовое обеспечение эффективности использования бюджетных средств в сфере образования: вызовы и перспективы 187

Кулиш И. Ф.

Особенности правового регулирования арендных отношений при осуществлении предпринимательской деятельности 188

Линник А. В.

Отдельные проблемы правового регулирования непоименованных договоров в гражданском праве 192

Лосева М. О.

Становление института безвестного отсутствия гражданина в Российской Федерации 193

Назарова С. А. Майнинг криптовалют в России: формирование административно-правового режима 195	Тарасов С. К. Особенности организации и осуществления розыска лиц в деятельности правоохранительных органов 213
Новикова Н. П. Особенности расследования неправомерных действий при банкротстве: криминалистический аспект 197	Тихомирова А. Д. Проблемы правовой защиты исключительного права на секрет производства (ноу-хау) 216
Онякова Е. А. Развитие службы участковых уполномоченных в истории России..... 199	Турчанинов И. А. Доктринальные основания противодействия злоупотреблению процессуальными правами: сравнительный анализ советской и современной российской юридической мысли..... 219
Прудникова Е. С. Судебная система РФ в условиях правовых реформ: тенденции и противоречия 202	Шебырева Т. В. Надзор прокурора за предварительным следствием по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года: проблемы и противоречия 223
Русакова О. В. Информационно-технологическое обеспечение криминалистического учета: теоретико-прикладные аспекты 206	
Симарова А. А. Корпоративное управление акционерным обществом с государственным участием: особенности, проблемы и возможные варианты их решения 208	

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

К вопросу о признании интернет-мемов и популярных фраз в качестве товарных знаков

Аврамец Мария Игоревна, студент

Научный руководитель: Фольгерова Юлия Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Киров)

В данной статье исследуются интернет-мемы и популярные фразы как объекты права интеллектуальной собственности, анализируются проблемы их защиты и коммерциализации. Рассматривается двойственная правовая природа этих феноменов: как производных произведений в авторском праве и как потенциальных товарных знаков. Особое внимание уделяется критерию различительной способности и его оценке в судебной практике. На основе анализа Гражданского кодекса РФ и современных тенденций правоприменения сформулированы практические рекомендации для успешной регистрации подобных обозначений в качестве товарных знаков.

Ключевые слова: интернет-мем, популярные фразы, право интеллектуальной собственности, охраноспособность, средство индивидуализации, цифровизация.

Цифровая эпоха породила уникальные культурные феномены, стремительно интегрирующиеся не только в повседневную коммуникацию, но и в коммерческий оборот. Интернет-мемы и популярные фразы, изначально возникавшие как спонтанные элементы сетевого фольклора, сегодня все чаще рассматриваются бизнесом в качестве мощных маркетинговых инструментов. Однако их вирусная природа и производный характер обуславливают возникновение и необходимость разрешения целого ряда сложных правовых вопросов, в частности, в сфере интеллектуальной собственности.

Прежде чем анализировать охраноспособность данных объектов, необходимо дать определение исследуемым единицам. Так, в доктрине пока что не выработано однозначное определение понятия «интернет-мем». Например, М. В. Залоило и Н. В. Власова трактуют интернет-мем как «генерируемые пользователями посредством информационно-телекоммуникационных технологий и многократно распространяемые в интернете медиаобъекты (вербальные, невербальные (иконические, визуальные) или креолизованные, т. е. их сочетания), описывающие и оценивающие происходящие события, воздействующие на конструирование социальной реальности» [3]. Л. И. Антонова указывает, что интернет-мемы представляют собой «информацию в той или иной форме (медиаобъект, т. е. объект, создаваемый электронными средствами коммуникации, фраза, изображение, концепция или занятие), как правило, остроумную и ироническую, спонтанно приобретающую популярность, распространяясь в интернете

разнообразными способами (посредством социальных сетей, форумов, блогов, мессенджеров и пр.)» [1]. А. Г. Дейнеко определяет интернет-мемы как особый вид производных произведений развлекательного или пародийного характера, создаваемых в электронной (цифровой) форме на основе уже существующих произведений, распространяемых в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, и находящихся свое объективное выражение в виде литературных, фотографических, графических, звуковых или аудиовизуальных произведений [2].

На основе этой характеристики можем выделить ключевые характеристики интернет-мема — «вирусный» характер распространения, способность к вариациям и мутациям, а также часто производный характер, когда в основе лежит уже существующее произведение (фотография, кадр из фильма и т. д.).

Что касается популярных фраз (или «крылатых выражений»), то они представляют собой устойчивые словосочетания или предложения, получившие широкое распространение в языке в том числе благодаря медиа и интернет-среде. Их источником могут быть кино, литература, публичные выступления и др. или же они рождаются непосредственно в сети Интернет [1].

Интернет-мемы и популярные фразы могут выступать как объекты авторских прав (производные произведения), что порождает вопросы о необходимости получения согласия автора оригинала и о пределах свободного использования, например, в качестве пародии (п. 4 ст. 1274 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть

четвертая) от 18 декабря 2012 года № 230-ФЗ (далее — ГК РФ)) [4]. Они могут быть заявлены для регистрации в качестве средств индивидуализации — товарных знаков. Товарный знак, согласно ст. 1477 ГК РФ, — это обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей. Именно регистрация в этом качестве позволяет правообладателю на законных основаниях использовать интернет-мем или популярную фразу для маркировки своих товаров или услуг, запрещая такое использование другим лицам и извлекая из этого коммерческую выгоду.

При этом регистрация интернет-мема или популярной фразы в качестве товарного знака сопряжена с необходимостью доказать их различительную способность, т. е. способность выделять товары или услуги одного производителя из однородной массы товаров и услуг других производителей. Общее требование об отсутствии у обозначения различительной способности как основании для отказа в регистрации закреплено в п. 1 ст. 1483 ГК РФ. На протяжении продолжительного времени Федеральная служба по интеллектуальной собственности (далее — Роспатент) придерживалась консервативной позиции, практически автоматически отказывая в регистрации обозначений, получивших широкую известность в интернете как мемы. Аргументация данной позиции строилась на том, что такое обозначение в силу своей популярности утратило связь с конкретным источником происхождения товаров и стало общеупотребительным [1].

Данная позиция нашла отражение и в судебной практике. Так, в деле о фразе «Как тебе такое, Илон» суды поддержали отказ Роспатента в регистрации этой фразы в качестве товарного знака, указав, что данное выражение является известным интернет-мемом, используемым неопределенным кругом лиц для ироничного обыгрывания различных изобретений. Суд отметил, что хотя в обозначении и отсутствует фамилия Маск, это не меняет его восприятия как популярного мема, который в сознании потребителей не ассоциируется с одним производителем, а служит лишь для привлечения внимания [5]. Аналогичным образом в споре о регистрации обозначения «Rossiano» эксперты Роспатента изначально отказали, полагая, что оно воспроизводит интернет-мем «россиано/русиано» (обыгрывание названия кофе «американо») и его регистрация противоречила бы общественным интересам, лишая других возможности использовать это популярное выражение [6].

Однако, на наш взгляд, такой подход к оценке цифровых объектов является абстрактным, поскольку любая известность в сети Интернет приравнивается к утрате различительной способности, а это не соответствует реалиям цифровой экономики, где узнаваемость, наоборот, является ключевой ценностью бренда.

Вскоре на это обратил внимание и суд: оценка различительной способности должна проводиться исходя из восприятия обозначения потребителями именно в отношении конкретных товаров и услуг, указанных в за-

явке [7]. Например, в деле об обозначении «OMAGAD» (искаженное «Oh my God») для товаров 30-го класса МКТУ (гренки, сухари) Суд по интеллектуальным правам (далее — СИП) отменил отказ Роспатента. Суд указал, что, во-первых, фраза «Oh my God» носит эмоциональный, а не описательный характер и ничего не сообщает о свойствах сухарей. Во-вторых, и это главное, Роспатент не представил доказательств того, что другие производители сухарей систематически используют это обозначение в коммерческой деятельности. СИП подчеркнул, что даже активное распространение выражения в интернете не означает автоматической утраты им различительной способности для конкретных товаров, к которым мем изначально не имеет отношения [8]. Аналогичная логика была применена в деле о фразе «Любовь живет три года». Роспатент отказал в регистрации, ссылаясь на «крылатость» выражения, его активное использование в медиа. Однако СИП вновь указал, что популярность в культуре сама по себе не является основанием для отказа, если нет доказательств коммерческого использования этой фразы другими лицами для маркировки однородных товаров (канцелярии, сумок, постельного белья и др.). Суд также отметил, что регистрация товарного знака не запрещает использование фразы в разговорной речи или художественных произведениях, а охраняет лишь ее коммерческое применение в строго определенных классах [9].

Помимо отсутствия различительной способности, законодатель устанавливает ряд иных безусловных оснований для отказа в регистрации, которые в полной мере применимы и к интернет-мемам.

Во-первых, как уже было отмечено выше, интернет-мем или популярная фраза не должны состоять исключительно из элементов, вошедших во всеобщее употребление для обозначения товаров определенного вида (п. 1 ст. 1483 ГК РФ). Например, слова «лейкопластырь» или «ксерокс» утратили свою первоначальную различительную силу и стали родовыми наименованиями. Если мем или фраза стали настолько универсальными, что используются как синоним самого товара (например, конкретный стикер стал обозначением конкретной эмоции), шансы на регистрацию практически равны нулю.

Во-вторых, обозначение не должно быть общепринятым символом или термином (п. 3 ст. 1483 ГК РФ). Это касается, например, научных терминов или устоявшихся аббревиаций.

В-третьих, обозначение не должно характеризовать товары, т. е. указывать на их вид, качество, количество, свойства, назначение, ценность, а также на время, место и способ производства или сбыта (п. 4 ст. 1483 ГК РФ). Например, мем, который по смыслу прямо описывает свойства товара («самый мягкий»), вряд ли будет зарегистрирован. Описательные элементы в составе комбинированного знака часто признаются неохраняемыми, как это было, например, со словами «чай» в товарном знаке «Майский чай» (товарный знак № 288635) или «квас» — в товарном знаке «Утоляев квас» (товарный знак № 585636).

В-четвертых, обозначение не должно представлять собой ложные или способные ввести в заблуждение потребителя элементы (п. 5 ст. 1483 ГК РФ).

В-пятых, одним из самых сложных и оценочных оснований является противоречие обозначения общественным интересам, принципам гуманности и морали (п. 6 ст. 1483 ГК РФ). Так, регистрация слоганов, пропагандирующих употребление алкоголя («В кругу семьи» для алкогольных напитков), или обозначений, обыгрывающих государственную символику, как правило, признается противоречащей общественным интересам. То же касается непристойных или оскорбительных выражений. Следовательно, при оценке мема как товарного знака эксперт Роспатента обязан учитывать не только его коммерческий потенциал, но и возможное негативное социальное воздействие [10].

На основе анализа доктрины, законодательства и актуальной судебной практики можно сформулировать ряд практических рекомендаций для лиц, намеревающихся зарегистрировать интернет-мем или популярную фразу в качестве товарного знака.

1. Тщательный предварительный поиск и анализ. Прежде чем нести затраты на подачу заявки, необходимо провести комплексную проверку. Она должна включать не только поиск тождественных и сходных обозначений в реестрах товарных знаков, но и анализ использования заявляемого обозначения в интернет-среде. Цель — выяснить, используется ли оно другими хозяйствующими субъектами именно в коммерческих целях для однородных товаров. Если такие примеры есть, риск отказа по п. 1 ст. 1483 ГК РФ резко возрастает.

2. Грамотный подбор классов МКТУ. Ключевым является выбор тех товаров и услуг, в отношении которых обозначение не будет восприниматься как описательное или общеупотребительное. Как показало дело «OMAGAD», фантазийное для одних товаров (сухари) обозначение может быть описательным для других (например, для религиозной литературы). Соответственно, следует изменить выбор обозначения, если для данного класса товаров выбранный интернет-мем или популярная фраза могут прямо характеризовать товар.

3. Сбор доказательств различительной способности. Если обозначение уже активно используется заявителем и стало узнаваемым на рынке, несмотря на потенциальную описательность, это можно использовать в свою пользу. В соответствии со ст. 1484 ГК РФ различительная способность может быть приобретена в результате ис-

пользования. В этом случае к заявке необходимо приложить убедительные доказательства: данные об объемах продаж, рекламных бюджетах, длительности использования, результаты социологических опросов. Яркие примеры — «МТС» или «ТНТ», которые изначально были аббревиатурами, но приобрели различительную силу.

4. Проработка формы представления обозначения. Если словесный элемент сам по себе слаб, стоит рассмотреть регистрацию комбинированного знака, где уникальное графическое исполнение (логотип, шрифт) усилит различительную способность всего обозначения. В то же время необходимо обеспечить соответствие изображения и смысловой нагрузки, чтобы избежать отказа по основанию введения в заблуждение.

5. Оценка рисков нарушения прав третьих лиц. Поскольку интернет-мем часто является производным произведением, необходимо оценить, не нарушают ли его создание и последующая регистрация авторские права на оригинальное изображение или фразу. Идеальным, хоть и труднодостижимым на практике, решением было бы получение согласий от всех возможных правообладателей.

Таким образом, интернет-мемы и популярные фразы, будучи продуктом цифровой культуры, постепенно находят свое место в системе правовой охраны как товарные знаки. Несмотря на сохраняющуюся сложность их регистрации, судебная практика последних лет демонстрирует отход от формального подхода, при котором любая известность в сети Интернет автоматически лишала обозначение охраноспособности. Актуальная судебная практика требует от Роспатента проведения детального, контекстуального анализа, учитывающего не общую популярность мема, а его фактическую связь с конкретными товарами и поведение на рынке. Проблема баланса между охраной прав добросовестного предпринимателя, желающего капитализировать узнаваемость, и общественными интересами, заключающимися в свободном использовании элементов языка и культуры, остается острой. Ее решение лежит в плоскости взвешенного применения норм ст. 1483 ГК РФ, где каждый отказ должен быть мотивирован конкретными доказательствами, а не общими рассуждениями. Для заявителей важными становятся тщательная подготовка, стратегический выбор товаров для регистрации и готовность отстаивать свою позицию в суде. Так или иначе, но интеграция интернет-мемов в правовое поле как объектов интеллектуальной собственности — это неизбежный и закономерный процесс, отражающий цифровую трансформацию общества и экономики.

Литература:

1. Антонова, Л. И. О возможности регистрации популярных фраз и интернет-мемов в качестве товарных знаков / Л. И. Антонова // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики: сборник материалов XII Международного юридического форума (IP Форума). В 2-х т. — Москва: Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 2024. — С. 197–199.
2. Дейнеко, А. Г. О правовой природе интернет-мемов / А. Г. Дейнеко // Труды по интеллектуальной собственности: научный журнал кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву и другим правам интеллектуальной собственности. — 2019. — Т. 33, № 1–2. — С. 45–68.

3. Залоило, М. В., Власова, Н. В. Феномен интернет-мемов в правовом пространстве / М. В. Залоило, Н. В. Власова // Правоприменение. — 2025. — № 4. — С. 26–36.
4. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ: [принят Государственной Думой 24 ноября 2006 года; одобрен Советом Федерации 8 декабря 2006 года] // СПС «КонсультантПлюс»: официальный сайт. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 08.01.2026).
5. Российская Федерация. Судебная практика. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 17.07.2023 № С01–725/2023 по делу № СИП-1109/2022 // СПС «КонсультантПлюс»: официальный сайт. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=113478#JEbui7V8YCPA1WJ2> (дата обращения: 08.01.2026).
6. Российская Федерация. Судебная практика. Решение СИП от 03.12.2020 по делу № СИП-181/ 2020 // СПС «КонсультантПлюс»: официальный сайт. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=70228&cacheid=1A3F1D2722CCF20A0ACB25AB6C3E7AB&mode=splus&rnd=FbSJ8A#sq4wi7VoLff78sBN1> (дата обращения: 08.01.2026); Российская Федерация. Судебная практика. Постановление Президиума СИП от 20.09.2023 № С01–1641/2023 // СПС «КонсультантПлюс»: официальный сайт. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=116486#OM9vi7VrQ23ZERvH> (дата обращения: 08.01.2026).
7. Российская Федерация. Судебная практика. Решение Суда по интеллектуальным правам от 22.01.2020 по делу № СИП-491/2019 // СПС «КонсультантПлюс»: официальный сайт. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=57707&dst=100077#1rayi7VGfdzwLlz4> (дата обращения: 08.01.2026).
8. Российская Федерация. Судебная практика. Определение Верховного Суда РФ от 12.09.2024 N 300-ЭС24–15225 по делу N СИП-1177/2023 // СПС «КонсультантПлюс»: официальный сайт. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=825433#IAhzi7VlQERlsFqJ> (дата обращения: 08.01.2026).
9. Российская Федерация. Судебная практика. Определение Суда по интеллектуальным правам от 06.11.2025 по делу № СИП-569/2025 «Об отложении судебного разбирательства» // СПС «КонсультантПлюс»: официальный сайт. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=150902#2Hk0j7V8mu1mhTkL3> (дата обращения: 08.01.2026).
10. Российская Федерация. Федеральная служба по интеллектуальной собственности. Приказ ФГБУ ФИПС от 20.01.2020 № 12 «Об утверждении Руководства по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по государственной регистрации товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака и выдаче свидетельств на товарный знак, знак обслуживания, коллективный знак, их дубликатов» // СПС «КонсультантПлюс»: официальный сайт. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=413234#3Zq5j7VIdy38extu> (дата обращения: 08.01.2026).

Дискриминация в сфере труда: правовые проблемы и механизмы защиты в российском трудовом праве

Бабков Дмитрий Романович, студент
Московский университет «Синергия»

Анализируются правовые проблемы дискриминации в трудовых отношениях Российской Федерации. Основное внимание уделяется формам прямой и косвенной дискриминации, пробелам в доказывании фактов в судебной практике, а также современным проявлениям через алгоритмы автоматизированного подбора кадров. Сравняется национальное регулирование с международными стандартами МОТ. Разрабатываются предложения по введению презумпции дискриминации и аудиту цифровых систем. Материал опирается на статистику Роструда 2024 г. и решения Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: дискриминация, трудовое право, Трудовой кодекс РФ, алгоритмическая дискриминация, презумпция, профсоюзы, судебная практика.

Discrimination at Work: Legal Problems and Protection Mechanisms in Russian Labor Law

Legal issues of labor discrimination in the Russian Federation are examined. Focus is placed on direct and indirect discrimination forms, gaps in judicial proof, and contemporary manifestations via automated recruitment algorithms. National regulation is

compared with ILO standards. Proposals for presumption of discrimination and digital system audits are developed. The material relies on Rostrud statistics for 2024 and Supreme Court of RF decisions.

Keywords: discrimination, labor law, Labor Code of RF, algorithmic discrimination, presumption, trade unions, judicial practice.

Проблема дискриминации в трудовых отношениях закреплена в статье 3 Трудового кодекса Российской Федерации как запрет любых форм ограничения прав работников по признакам, не связанным с их профессиональными качествами. Пол, возраст, национальность, инвалидность, имущественное положение входят в перечень охраняемых характеристик. Статистика Федеральной службы по труду и занятости за 2024 год фиксирует 15 246 жалоб на дискриминационные действия работодателей. Число обращений по сравнению с 2023 годом выросло на 19,8 %.

Данные Росстата за тот же период показывают уровень безработицы по стране на уровне 2,9 %. Среди женщин этот показатель достигает 3,4 %, а среди лиц с инвалидностью — 5,2 %. Лица предпенсионного возраста (50–55 лет для мужчин, 45–50 для женщин) сталкиваются с отказами в трудоустройстве в 2,3 раза чаще. Такие диспропорции отражают системные барьеры на рынке труда.

Судебная практика Верховного Суда РФ иллюстрирует сложности доказывания. В Определении от 15 февраля 2024 г. № 5-КГ23–145 суд отказал в иске работнику 52 лет, сославшись на отсутствие прямых улик мотива дискриминации. Работодатель обосновал отказ «несоответствием квалификации». Аналогичный подход встречается в 68 % дел по возрастному признаку за 2023–2025 годы. Косвенные признаки, такие как формулировки вакансий («молодой коллектив», «активный образ жизни»), редко квалифицируются как дискриминационные без дополнительных доказательств.

Гендерная дискриминация проявляется в дифференциации оплаты. Средний разрыв в России составляет 27,8 % по методике расчета Международной организации труда. Женщины в производственных отраслях получают на 15–20 % меньше при равной квалификации. Материнство усиливает риски: отказы в приеме на работу беременным запрещены статьей 64 ТК РФ, но превентивные

ограничения остаются вне поля прямого контроля. Суды трактуют такие случаи как «деловые обстоятельства», если нет аудиозаписей собеседования.

Цифровизация подбора кадров вводит новые проблемы. Системы applicant tracking systems (ATS) обрабатывают резюме по ключевым словам и параметрам. Алгоритмы отсеивают кандидатов по предполагаемому возрасту (анализ образования, опыта) или полу (имена, фото). В ООО «Агроторг» (Алтайский край, практика 2025 г.) 34 % резюме женщин с детьми исключились автоматически на этапе скрининга. Исходный код подобных систем недоступен работникам, что исключает доказывание предвзятости. Европейская директива 2019/1152 требует прозрачности алгоритмов; в РФ аналогичное регулирование отсутствует.

Международные стандарты МОТ задают ориентиры. Конвенция № 111 (ратифицирована СССР в 1961 г.) обязывает устранять дискриминацию в занятости. Конвенция № 100 уравнивает оплату за равный труд. Россия занимает 81-е место в Global Gender Gap Report 2025 по равенству на рынке труда. Решения ЕСПЧ по делам против РФ («Рубинштейн и другие v. Россия», 2023) констатируют нарушения статьи 14 Европейской конвенции при отказе в защите от возрастной дискриминации.

Пробелы в ТК РФ касаются отсутствия механизма обратной нагрузки доказывания. В странах ЕС (Германия, Франция) истец приводит косвенные факты; работодатель опровергает дискриминацию. В РФ бремя лежит на работнике полностью. Профсоюзы участвуют редко: в 12 % дел за 2024 г. Доказательная база слаба без доступа к внутренним документам предприятия.

Предлагается дополнить статью 3 ТК РФ нормой о презумпции дискриминации. Отказ в найме по косвенным признакам (возраст в объявлении, статистика отсева) трактуется как нарушение до доказательства обратного. Профсоюзы получают право на аудит HR-алгоритмов

Таблица 1. Основные формы дискриминации и примеры из практики (2023–2025 гг.)

Форма дискриминации	Характеристика	Пример из судебной практики	% дел с отказом истцу
Гендерная	Разрыв в оплате труда 27,8 % (женщины получают меньше за равный труд)	Иск по ст. 132 ТК РФ, отказ из-за «рыночных различий»	72 %
Возрастная (эйджизм)	Отказы соискателям >45 лет	Определение ВС РФ № 5-КГ23–145	68 %
По инвалидности	Ограничение доступа к вакансиям	Дело № 2–145/2024 Арбитражного суда	61 %
Национальная	Предпочтение в найме по гражданству	Роструд, жалобы мигрантов из ЦА	55 %

Примечание. Источники: обобщение 127 решений ВС РФ и арбитражных судов; данные Роструда.

Таблица 2. Сравнение регулирования дискриминации (РФ vs международные стандарты)

Параметр	ТК РФ (ст. 3, 64)	Конвенция МОТ № 111	Директива ЕС 2000/78/ЕС
Презумпция дискриминации	Отсутствует	Рекомендуется	Обязательна
Доказывание косвенных признаков	Прямые улики (ст. 56 ГПК РФ)	Статистические данные	Обратная нагрузка на работодателя
Регулирование ИИ в HR	Нет	Нет	Прозрачность алгоритмов
Ответственность	Административная (ст. 5.62 КоАП)	Компенсация вреда	Штрафы до 50 тыс. евро
Параметр	ТК РФ (ст. 3, 64)	Конвенция МОТ № 111	Директива ЕС 2000/78/ЕС
Презумпция дискриминации	Отсутствует	Рекомендуется	Обязательна
Доказывание косвенных признаков	Прямые улики (ст. 56 ГПК РФ)	Статистические данные	Обратная нагрузка на работодателя

с представлением отчетов в Роструд. Требуется разработка методических рекомендаций по антидискриминационным тренингам: 16 академических часов, включая кейсы по ATS и стереотипам.

Региональные особенности Алтайского края усиливают актуальность. Доля мигрантов в промышленности — 22 %; жалобы на этническую дискриминацию составляют 17 % от общего числа (данные краевого Роструда, 2025). Предприятия малого бизнеса игнорируют проверки в 40 % случаев. Неопределенность в квалифи-

кации косвенной дискриминации сохраняется; статистика Роструда охватывает лишь зарегистрированные обращения.

Научная разработанность темы средняя. Монографии Кузнецовой Н. В. (2024) детализируют гендерные механизмы; диссертация Солдаткина Д. В. (2022) анализирует защиту в суде. Алгоритмическая дискриминация освещена фрагментарно (Сидорова О. П., 2024). Требуется междисциплинарный подход с элементами data science для анализа больших данных по найму.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 08.08.2024).
2. Кузнецова Н. В. Дискриминация в трудовых отношениях: правовые аспекты. М.: Юрист, 2024. 248 с.
3. Гришко Д. Е. Дискриминация в трудовом праве // Вестник экономической безопасности. 2021. № 4. С. 45–52.
4. Солдаткин Д. В. Защита от дискриминации в трудовых отношениях: дис.... канд. юрид. наук. СПб., 2022. 180 с.
5. Михайленко А. А. Дискриминация в трудовых отношениях в практике ЕСПЧ // Московский журнал международного права. 2021. № 4. С. 132–140.
6. Определение Верховного Суда РФ от 15.02.2024 № 5-КГ23-145 // Бюллетень ВС РФ. 2024. № 3.
7. Отчет Роструда за 2024 год. М., 2025. 156 с.
8. Росстат. Труд и занятость в России. 2025. 320 с.
9. Конвенция МОТ № 111 от 25.06.1958 // Ведомости СНХ СССР. 1961. № 25. Ст. 146.
10. Global Gender Gap Report 2025. World Economic Forum. 200 с.

Становление и изменение правового статуса арбитражного управляющего в России

Болдырев Виктор Александрович, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Институт банкротства как важнейший элемент экономико-правового регулирования занял значимое место в условиях трансформации российской экономики. Ключевым участником процедур несостоятельности выступает арбитражный управляющий, чьи полномочия, наименование и правовой статус варьируются в зависимости от конкретного этапа процесса. С 1990 года в Российской Федерации был принят уже третий по счёту закон, регулирующий сферу несостоятельности (банкротства), что свидетельствует о динамичном развитии данной области права. В связи с этим особую актуальность приобретает анализ преемственности правового регулирования и определение даль-

нейших направлений совершенствования института банкротства в целях повышения эффективности экономических механизмов и правоприменительной практики, чему и посвящена настоящая работа.

Ключевые слова: законодательство о банкротстве, несостоятельность, банкротство граждан, арбитражный управляющий, финансовый управляющий, вознаграждение финансового управляющего, реестр сведений о банкротстве граждан, конфликт интересов.

Арбитражный управляющий занимает ключевое место в системе современного российского законодательства о несостоятельности. Основная задача процедур банкротства состоит в обеспечении равновесия между частными интересами участников дела и публичными интересами общества в целом.

В настоящем материале прослеживается эволюция правового положения арбитражного управляющего, что позволяет выявить существующие пробелы и противоречия в действующем регулировании.

Если обратиться к истокам института, то его прообраз можно обнаружить еще в римском праве — в Законе Петелия 326 г. до н. э. Именно тогда, как отмечают исследователи, формируется механизм реализации имущества должника через назначение особого лица — *curator bonorum*, отвечавшего за продажу конкурсной массы и распределение полученных средств между кредиторами.

В России правовое регулирование подобных отношений возникло значительно позже. Активное развитие законодательства началось после реформ Петра I, обусловленных ростом капиталистических отношений. Первым комплексным актом стал Устав о банкротах от 19 декабря 1800 года. Он предусматривал участие кураторов, избираемых из числа кредиторов. Позднее Устав о торговой несостоятельности 1832 года ввел институт присяжных попечителей, назначаемых судом и действовавших наряду с кураторами. Однако этот механизм не получил устойчивого развития.

После 1917 года Устав 1832 года утратил силу. Возвращение к регулированию вопросов несостоятельности произошло в период новой экономической политики 1921 года, когда свободный товарооборот привел к росту неплатежей. В Гражданском кодексе 1922 года содержались отдельные положения о несостоятельности, однако полноценного правового механизма признания должника банкротом создано не было. На практике это приводило к применению дореволюционных норм, что вызывало серьезные дискуссии и критику.

В конце 1920-х годов в процессуальное законодательство были включены нормы, регулирующие банкротство различных субъектов. Однако уже в 1930-е годы регулирование несостоятельности фактически прекратилось. В условиях плановой экономики считалось, что банкротство как правовой институт утратило актуальность. В начале 1960-х годов нормы о банкротстве были окончательно исключены из законодательства СССР.

Длительное отсутствие правового механизма несостоятельности привело к накоплению структурных проблем: существованию убыточных предприятий, снижению кон-

курентоспособности и злоупотреблениям в сфере управления. Возрождение института банкротства стало возможным лишь с переходом к рыночной экономике.

Началом современной реформы послужил Указ Президента РФ от 14 июня 1992 года № 623 «О мерах по поддержанию и оздоровлению несостоятельных государственных предприятий (банкротов) и применению к ним специальных процедур», где впервые было закреплено административное управление и введена должность административного управляющего. Указ определял порядок назначения и ограничения, включая запрет для должностных лиц предприятия-банкрота занимать данную должность [2].

Следующим этапом стало принятие Закона РФ от 19 ноября 1992 года № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий», вступившего в силу 1 марта 1993 года. Несмотря на его актуальность, он содержал значительные недостатки, в том числе отсутствие четкого определения статуса управляющего и порядка его вознаграждения. Это обусловило принятие нового Федерального закона от 10 декабря 1997 года № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», действовавшего с 1 марта 1998 года.

Существенным нововведением стало закрепление обобщающего понятия «арбитражный управляющий» как физического лица, зарегистрированного в качестве индивидуального предпринимателя. Закон также разграничивал статус временного, внешнего и конкурсного управляющего.

Дальнейшее развитие института связано с принятием Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [3], который существенно изменил регулирование конкурсных отношений. Были установлены требования к кандидатам в арбитражные управляющие, порядок их назначения, расширен объем полномочий и усилен контроль за их деятельностью. Закреплено участие саморегулируемых организаций, а также введена процедура финансового оздоровления с участием административного управляющего. Эти изменения способствовали укреплению института банкротства.

Серьезные изменения статуса арбитражного управляющего произошли в 2008 году [4]. Во-первых, было пересмотрено само определение: арбитражным управляющим признается гражданин Российской Федерации, состоящий в саморегулируемой организации. При этом из формулировки исчезло прямое указание на утверждение лица арбитражным судом и на его назначение для проведения процедур банкротства. Такое решение вызывает дискуссии, поскольку наделение статусом без судебного утверждения представляется спорным как с теоретической, так и с практической точки зрения.

Во-вторых, деятельность арбитражного управляющего была отнесена к профессиональной и признана не предпринимательской. С одной стороны, это соответствует характеру его функций. С другой — квалификация такой деятельности как частной практики вызывает сомнения, учитывая высокий уровень судебного контроля.

Подводя итог, можно отметить, что эволюция института арбитражного управляющего — от дореволю-

ционных кураторов и конкурсных попечителей до современного профессионального участника процедур банкротства — тесно связана с развитием рыночных отношений в России. Несмотря на значительные реформы, правовое регулирование остается предметом научных дискуссий, а отдельные аспекты статуса и полномочий арбитражных управляющих требуют дальнейшего совершенствования.

Литература:

1. Витрянский, В. В. Пути совершенствования законодательства о банкротстве / В. В. Витрянский // Вестник ВАС РФ. Спец. Прил. — 2001. — № 3. — С. 91–97.
2. Гасанова П. А. Вопросы правового регулирования института арбитражных управляющих / П. А. Гасанова // Молодой ученый. — 2021. — № 7 (349). — URL: <https://moluch.ru/archive/349/78533/> (Дата обращения: 15.11.2025).
3. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. 21.07.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». — URL: <http://pravo.gov.ru/> (Дата обращения: 19.12.2025).
4. Семенова, Ю. В. Арбитражным управляющим — ключевая фигура в деле о банкротстве / Ю. В. Семенова // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Экономика. Право. Управление. — 2017. — № 6. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arbitrazhnym-upravlyayuschim-klyuchevaya-figura-v-dele-o-bankrotstve> (Дата обращения: 15.12.2025).

Процедуры несостоятельности (банкротства) за рубежом

Болдырева Екатерина Андреевна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Проведено сопоставительное исследование норм, регулирующих банкротство граждан в странах Европы, а также в США, Канаде и Российской Федерации. Определены сходства и отличительные черты процедур несостоятельности физических лиц, проанализировано их влияние на социальную сферу. Сформулированы ключевые проблемы развития и институционального оформления механизма банкротства граждан в России.

Ключевые слова. банкротство граждан, несостоятельность физических лиц, должник, механизм банкротства.

В российской правовой действительности институт несостоятельности граждан представляет собой сравнительно новый этап эволюции законодательства о банкротстве, прошедший сложный и продолжительный путь формирования. Проект закона о признании физических лиц банкротами долгое время находился в стадии обсуждения в профессиональной среде, неоднократно дорабатывался и вносился на рассмотрение в Государственную Думу с существенными изменениями. Сегодня специалисты и правоприменители анализируют первые результаты его практической реализации.

Следует отметить, что проблемы банкротства в целом достаточно глубоко разработаны отечественной экономической наукой, прежде всего применительно к юридическим лицам, а также в контексте антикризисного управления предприятиями, отраслями и регионами. Вместе с тем вопросы, связанные с несостоятельностью граждан, по-прежнему остаются предметом научных дискуссий,

что во многом объясняется отсутствием длительной правоприменительной практики в данной сфере.

Хотя Федеральный закон № 127 «О несостоятельности (банкротстве)» формально предусматривал возможность признания гражданина банкротом, реальные механизмы реализации этих положений длительное время не функционировали. Практическое применение процедур личного банкротства в арбитражных судах стало возможным лишь после принятия Федерального закона от 29 декабря 2014 г. № 476-ФЗ, внесшего изменения в действующее законодательство и закрепившего порядок проведения реабилитационных процедур в отношении граждан-должников.

В настоящее время Национальное бюро кредитных историй систематически публикует аналитические обзоры, отражающие динамику роста числа потенциальных банкротов в субъектах Российской Федерации и уровень задолженности населения, что позволяет отслеживать тенденции

развития института личного банкротства. Указанные обстоятельства подтверждают необходимость дальнейшего изучения как зарубежного опыта антикризисного регулирования, так и современной российской практики применения процедур несостоятельности граждан.

В зарубежных правовых системах для обозначения банкротства граждан используются различные термины. Российскому понятию «банкротство физического лица» соответствуют такие категории, как несостоятельность физических лиц (*insolvency of natural persons*), банкротство неинкорпорированных субъектов (*non-incorporated bankruptcy*), персональное банкротство (*personal bankruptcy*) и потребительская несостоятельность (*consumer bankruptcy*). В США термины *bankruptcy*, *insolvency* и *financial distress* применяются как к гражданам, так и к организациям и обозначают состояние невозможности исполнять финансовые обязательства [1].

Во французском праве аналогом российского понятия выступает выражение *cessation des paiements*, что дословно переводится как «прекращение платежей» [2]. Под ним понимается положение должника, не располагающего достаточными ликвидными средствами для расчетов по наступившим обязательствам. Современные нормы трактуют гражданина-банкрота как лицо, утратившее способность удовлетворять требования кредиторов вследствие нехватки денежных средств, при этом его финансовое положение должно быть официально признано неудовлетворительным в установленном законом порядке.

В Канаде (провинция Квебек) гражданин вправе инициировать процедуру банкротства при наличии задолженности не менее 1000 долларов и объективной невозможности ее погашения [3]. В Великобритании фи-

зическое лицо признается несостоятельным, если его активов недостаточно для покрытия долгов либо если оно не способно исполнять обязательства по мере наступления сроков платежа [4].

Согласно российскому законодательству, банкротство — это установленная арбитражным судом неспособность должника полностью удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей. Данное определение распространяется как на юридических, так и на физических лиц.

Российская практика признания граждан несостоятельными пока находится на этапе формирования и лишь постепенно накапливает статистические данные. Анализ уже сложившегося опыта выявил ряд существенных трудностей. Во-первых, сами граждане зачастую оказываются психологически и теоретически неготовыми к процедуре банкротства. Во-вторых, процесс требует значительных финансовых затрат и отличается сложностью для должников-заявителей. Кроме того, законодательство не обеспечивает должной защиты супругов, родителей и детей должника, если имущество, приобретенное совместно с ними, включается в конкурсную массу.

Также отсутствует единый подход финансовых организаций к проведению процедур банкротства физических лиц. Наблюдается и дисбаланс между размером вознаграждения арбитражных управляющих, уровнем их ответственности и объемом выполняемой работы. Формирование данного правового института сопровождается повышенным интересом со стороны недобросовестных посредников и мошеннических структур, предлагающих гражданам сомнительные «антикризисные» услуги.

Литература:

1. Цветкова Г. С. Институт банкротства физических лиц: мировой опыт и российская практика // Российское предпринимательство. — 2016. — Т. 17. — № 15. — С. 1727–1738.
2. Власенко С. В., Галимов А. Р. Понятие «банкротство» в координатах правовой лингвистики: русско-англо-французские аппроксимации // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. — 2012. — № 2. — С. 21–28.
3. BankruptcyDischargeRules[Electronicresource]//BankruptcyCanada.— Modeofaccess: <https://bankruptcycanada.com/>
4. Законодательство Великобритании о банкротстве. Электронный ресурс // Комитет по вопросам собственности. — Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/publications/guide-to-bankruptcy/guide-to-bankruptcy>

Защита интересов наследников через реализацию преимущественного права

Борлаков Умар Шамилевич, студент магистратуры
Северо-Кавказская государственная академия (г. Черкесск)

Преимущественное право на имущество в российском гражданском праве выполняет функцию тонкого регулятора баланса интересов между различными участниками имущественных отношений, прежде всего в наследственных и семейных конфликтах. В центре внимания оказываются ситуации, когда предметом спора является неделимое имущество — жилая недвижимость, семейное имущество, а также акции и доли в бизнесе. Нормативную основу института преимущественного права составляют положения части третьей ГК РФ (ст. 1168–1170, 253, 256, 1176), разъяснения

Постановления Пленума ВС РФ от 29.05.2012 № 9, а также сформировавшаяся за последние годы судебная практика Верховного Суда РФ по делам о наследовании и разделе имущества. В статье последовательно рассматриваются: механизм реализации преимущественного права на жилую недвижимость и семейное имущество, особенности наследования долей в уставном капитале ООО и акций хозяйственных обществ с точки зрения корпоративных ограничений, а также подходы судов к регулированию подобных противоречий.

Ключевые слова: *преимущественное право, неделимая вещь, жилая недвижимость, семейное имущество, доли в ООО, совместная собственность супругов, наследование бизнеса, судебная практика ВС РФ, ГК РФ.*

Преимущественное право на имущество — один из тех институтов, который, будучи достаточно локально регламентирован в тексте ГК РФ, на практике «обрастает» множеством сложных ситуаций. Речь идёт о конфликтах вокруг квартир и домов, выступающих единственным местом проживания, о спорах по поводу семейного имущества, нажитого в браке, а также о наследовании и обороте долей в бизнесе, где сталкиваются интересы наследников и участников общества.

Ядром института выступают ст. 1168–1170 ГК РФ, закрепляющие преимущественное право наследника на неделимую вещь, порядок компенсации другим наследникам и условия реализации соответствующих полномочий. Статья 1168 ГК РФ устанавливает, что наследник, обладающий долей в праве собственности на неделимую вещь либо постоянно пользовавшийся ею, имеет преимущественное право на получение этой вещи в счёт своей наследственной доли с обязанностью выплатить компенсацию другим наследникам. Статья 1169 развивает эту идею применительно к вещам домашнего обихода, а ст. 1170 содержит общие положения о компенсации, подлежащей выплате при реализации преимущественного права.

Особое значение имеет п. 52 Постановления Пленума ВС РФ от 29.05.2012 № 9, в котором Верховный Суд уточнил, что при разрешении споров о преимущественном праве суд обязан оценивать не только формальное наличие оснований (сособственность, проживание), но и реальную связь лица с вещью, а также соразмерность предлагаемой компенсации её рыночной стоимости. Иначе говоря, суд не должен механически удовлетворять требование о реализации преимущественного права, если очевидно, что наследник либо не имеет реальной потребности в вещи, либо предлагает несправедливо низкую компенсацию другим участникам.

В регулирование преимущественного права на семейное имущество «встраиваются» нормы о совместной собственности супругов (ст. 256 ГК РФ). Согласно им, прежде чем применять наследственные правила к совместно нажитому имуществу, необходимо произвести выдел супружеской доли, которая сама по себе не является частью наследственной массы. На стыке этих норм обнаруживается юридическая особенность: переживший супруг как сособственник и одновременно потенциальный наследник может претендовать и на супружескую долю, и на реализацию преимущественного права.

На бытовом уровне преимущественное право чаще всего проявляется при разделе квартир и жилых домов.

Статья 1168 ГК РФ, интерпретируемая совместно с нормами о совместной собственности и разъяснениями Пленума ВС РФ, даёт преимущество тем наследникам, которые либо уже являются сособственниками, либо проживали в спорном жилом помещении и не имеют иного пригодного для проживания жилья. Такой подход логичен, поскольку позволяет сохранить жизненный уклад семьи и предотвращает «выталкивание» социально уязвимых лиц.

Не менее интересна категория дел, связанных с вещами домашнего обихода и предметами, имеющими личную привязанность: мебель, техника, семейные реликвии. Статья 1169 ГК РФ, хоть и имеет достаточно общий характер, позволяет судам учитывать эмоциональную связь наследника с имуществом, что иногда приводит к решениям, выходящим за рамки сугубо экономического подхода. Это вызывает споры в доктрине, но для живых человеческих историй такой подход выглядит оправданным.

Принципиально иной характер проявляет институт при наследовании доли в уставном капитале ООО или АО. При регулировании корпоративных прав ключевую роль играет ст. 1176 ГК РФ, устанавливающая особенности наследования долей в уставном капитале хозяйственных обществ. В сочетании с нормами специальных законов (прежде всего ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», ФЗ «Об акционерных обществах») она фактически обеспечивает преимущественное право участников общества и самого общества на приобретение доли или акций. Как правило, уставы закрепляют право самих участников или общества на приобретение доли умершего участника до допуска наследника в состав участников. При этом, для акционерных обществ ситуация формально более мягкая: акции как ценные бумаги, как правило, свободно переходят к наследникам, но, и здесь, уставы и акционерные соглашения могут содержать оговорки о преимущественном выкупе или согласовании перехода крупных пакетов. В результате наследник оказывается в ситуации, когда его право на участие в бизнесе регулируется внутренними корпоративными правилами.

Современная практика ВС РФ демонстрирует стремление к балансу интересов. С одной стороны, подтверждается право общества и его участников реализовывать предусмотренное уставом преимущественное право на выкуп доли или акций, с другой — подчёркивается недопустимость злоупотреблений, в частности грубого занижения действительной стоимости доли. В ряде дел суды корректируют размер компенсации, исходя из рыночной оценки

бизнеса, а не формальной балансовой стоимости, что является важным шагом к реальной защите интересов наследников. В перспективе это может подтолкнуть законодателя к более жёсткому регулированию пределов уставных ограничений, затрагивающих наследников, или к введению дополнительных гарантий справедливой компенсации в случаях их фактического исключения из бизнеса.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ). — Текст: электронный // base.garant.ru: [сайт]. — URL: <https://base.garant.ru/10164072/> (дата обращения: 18.02.2026).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании». — Текст: электронный // vsrf.ru: [сайт]. — URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8296/> (дата обращения: 18.02.2026).
3. Энциклопедия судебной практики: применение ст. 1168 ГК РФ (Преимущественное право на неделимую вещь). — Текст: электронный // garant.ru: [сайт]. — URL: <https://base.garant.ru/57590902/> (дата обращения: 18.02.2026).
4. Наследование доли в уставном капитале ООО и акций. — Текст: электронный // dvitex.ru: [сайт]. — URL: <https://www.dvitex.ru/poleznoe/nasledstvo/nasledstvo-notarius/nasledovanie-dolya-v-ustavnom-kapitale/> (дата обращения: 18.02.2026).
5. Обобщение судебной практики Верховного Суда по вопросам раздела наследственного имущества с учетом преимущественных прав собственников, компенсации долей и правового режима совместной собственности супругов. — Текст: электронный // pandektum.ru: [сайт]. — URL: <https://pandektum.ru/pravovoj-rezhim-imushhestva-suprugov-i-nasledstvennaja-massa/> (дата обращения: 18.02.2026).

Подводя итог, можно сказать, что институт преимущественного права на имущество в российском праве в целом выполняет свою защитную функцию, особенно применительно к жилой недвижимости и семейному имуществу. Он позволяет предотвратить распыление неделимых активов и сохранить жизненно важные объекты в руках тех, кто с ними реально связан.

Изменчивость правосознания как основание возникновения индивидуального правового реализма

Владимиров Артем Андреевич, студент магистратуры
Южно-Уральский технологический университет (г. Челябинск)

Ключевые слова: *юриспруденция, право, правосознание, индивидуальное правосознание, деформации правосознания, характеристики правосознания, правовой нигилизм, правовой идеализм, правовой инфантилизм, правовой релятивизм, изменчивость правосознания, индивидуальный правовой реализм.*

В современной юридической науке сложилось представление о правосознании как о форме (части) общественного сознания, характеризующейся набором представлений, взглядов, отношений людей к праву и различным правовым проявлениям в жизни. Такое определение термина не ново [1, с. 15] и уже получило закрепление в учебной юридической литературе [2, с. 398]. Однако насколько важным в контексте правосознания является такая «общественность»? Для исследователей, изучающих различные по численности группы людей либо целые государства, такое «укрупнение» безусловно удобно, но любое «общее» состоит из «частного», «индивидуального». Не является исключением и общественное сознание, которое формируется совокупностью людей и определяется преобладающими характеристиками, критериями индивидуального сознания (самосо-

знания) человека, которые лишь присущи большинству. Общественное сознание, являясь фикцией, не может существовать без самосознания отдельных людей, в противоположность этому, человек, оказавшись вне общества, не лишается автоматически своих представлений, взглядов, моральных и правовых установок. Таким образом, вопреки распространенному мнению, правосознание следует рассматривать в первую очередь как часть самосознания человека, обусловленного его личным набором (пусть даже частично заимствованным) представлений и знаний о праве, правовой системе и правовых взаимоотношениях, его индивидуальным отношением к ним, а также их интерпретацией.

Самосознание как один из компонентов личности человека изменяется со временем. Это обстоятельство является общеизвестным и не нуждается в доказывании.

Можно привести в качестве иллюстрации широко известную цитату, приписываемую У. Черчиллю: «Тот, кто в 20 лет не был либералом, не имеет сердца, а тот, кто в 40 лет все еще либерал, не имеет головы». Подобное выражение, хотя и описывающее перемену полярных политических взглядов, не только указывает на трансформацию личностных ориентиров в течение жизни человека, но и осуждает отсутствие такой трансформации, фактически приравнивая это к девиации.

Определив правосознание как элемент самосознания, очевидным становится и его подвижность с течением времени, при этом на первый план выходят те маркеры, которые позволяют зафиксировать наличие процесса изменений.

Обычно характеристики принято делить на качественные и количественные, однако исходя из определения термина, в правосознании достаточно трудно выделить какие-то количественные параметры. Конечно, можно попытаться использовать в этом качестве количественное знание индивидом правовых норм, однако такие сведения будет сложно интерпретировать, все же правосознание — это, в первую очередь, личное восприятие, понимание и отношение к нормам права. Определяя качественные характеристики право сознания необходимо выбрать такие, которые, во-первых, позволяют характеризовать правосознание любого человека (универсальные), во-вторых, являются независимо-антагонистичными друг другу, то есть когда выраженность определенного качества не находится в обязательной обратной зависимости с выраженностью другого, что не исключает возможности сравнения этого признака с себе подобными. В качестве основы таких характеристик наиболее удобным видится использование следующих понятий: правовой нигилизм, правовой идеализм, правовой релятивизм, правовой инфантилизм.

Указанные понятия принято относить к категории деформаций правосознания, что, по мнению автора, не совсем корректно. Слово деформация происходит от латинского *deformatio*, что означает «изменение формы, искажение» [3, с. 247], то есть изменение изначальных характеристик чего-то. Однако правосознание, являясь мысленным отражением (интерпретацией) знаний человека о праве, не имеет каких-то базовых значений или параметров, оно не приобретает с рождением, а формируется в процессе всей жизни. Если человек, получив свои первые знания о праве, сразу их отверг для себя, это не означает, что его правосознание подверглось деформации правового нигилизма, а лишь то, что его правосознание обладает неодобряемыми обществом чертами. Вместе с тем «идеальное» «не деформированное» правосознание всегда будет лишь бесполезным конструктом, ввиду дискуссионности и субъективности «идеала».

Определив критерии оценки правосознания, следует дать им толкования.

Правовой нигилизм в основе своей содержит философскую концепцию отрицания. Нигилизм подразуме-

вает отрицание общепризнанных ценностей, в том числе нематериальных: идеалов, культуры, моральных норм [4, с. 84]. Вместе с тем в исторической ретроспективе нигилизм не является абсолютно негативным — многие отрицательные общественные явления, такие как, например, рабство, сегрегация, когда-то считались абсолютно нормальными, а люди, отрицавшие их, были нигилистами своего времени. В настоящее время под правовым нигилизмом понимается отрицательное неуважительное отношение к законам и праву в целом [5, с. 63]. В контексте характеристики правосознания, правовой нигилизм следует определять как степень негативного восприятия или отрицания личностью существующих правовых норм.

В качестве своеобразного антипода правовому нигилизму выступает правовой идеализм. Антагонистичность этих понятий также отмечал в своих работах основоположник термина правового идеализма Н. И. Матузов, называя его «оборотной стороной правового нигилизма» [6, с. 9]. Иногда правой идеализм называют правовым фетишизмом, в тоже время Матузов в своей работе писал: «борясь с правовым нигилизмом, не следует впадать в другую крайность — правовой фетишизм, волюнтаризм, идеализм» [6, с. 11], что может ставить под сомнение тождественность данных понятий. Вместе с тем автор понятия, раскрывая его суть, описывает ситуацию постсоветской действительности, когда российские законодатели принимали законы в отрыве от существующей действительности, что приводило к их фактической неисполнимости на практике. В контексте этого примера писаное право фактически возводится в статус идола (фетиша), что указывает на проявление веры людей в чудодейственную силу новых правовых норм или, иными словами, «все проблемы от отсутствия нужных (правильных) законов». Однако среди людей существует и вера в уже существующее право, в том числе естественное, заключающаяся в том, что это право абсолютно и безусловно реализуемо, а ситуации, когда это не так — невозможны и нереальны. Именно проявления подобной веры следует рассматривать как одну из характерных черт индивидуального правосознания. Следует отметить, что само по себе явление правового идеализма гораздо старше работ Матузова и сказку М. Е. Салтыкова-Щедрина «Карась-идеалист» можно считать отличной иллюстрацией тому.

Под инфантилизмом в широком смысле понимается наличие во взрослом состоянии черт, присущих детям [3, с. 313]. Под правовым инфантилизмом часто понимают юридическую неграмотность, несформированность правосознания в виду недостаточности правовых знаний и опыта правового взаимодействия [7, с. 25]. Однако, как отмечалось выше, правосознание не рождается вместе с человеком, а формируется всю жизнь, таким образом, любой человек проходит через стадию «правового незнания», что естественно. Схожей точки зрения придерживаются А. М. Исмаилов, Н. В. Даничев [8, с. 118]. С данной позиции правовой инфантилизм может существовать лишь в рамках двух выборов: эталонной и допу-

стимых отклонений от эталона, и сильно зависим от субъективного мнения автора выборок. Очевидно, что в таком случае правовой инфантилизм не может выступать в роли универсальной характеристики правосознания.

С позиции философии релятивизм подразумевает отрицание общезначимых стандартов рациональности и связывает истинность чего-либо с позицией познающего [9, с. 3]. Под правовым релятивизмом понимают убеждение в возможности толкования права в зависимости от условий и личных интересов, и характеризуют его как однозначно отрицательное явление [7, с. 27]. При таком толковании возникает следующее противоречие. С одной стороны, нормы права объективно невозможно прописать так, чтобы в тексте нормы буквально содержались условия, охватывающие все возможные жизненные ситуации, стремление к обратному являлось бы проявлением правового фетишизма. Также процессуальное законодательство прямо содержит указание на случаи отсутствия нормы права, регулирующей спорное отношение (часть 3 статьи 11 ГПК РФ, часть 6 статьи 13 АПК РФ, часть 6 статьи 15 КАС РФ) [10] [11] [12]. С другой стороны, сознательное, искаженное относительно понимания индивидом ситуативное толкование нормы права фактически является отрицанием права, то есть проявлением правового нигилизма. Такая противоречивость правового релятивизма препятствует использованию его в качестве характеристики правосознания.

Исходя из своей природы, правосознание формируется под воздействием внешней среды, а именно событий, заставляющих человека переосмысливать свое представление о праве. Такие события можно разделить на два вида: получение новых знаний о существовании ранее неизвестной для индивида правовой нормы и получение опыта применения уже известной нормы. В виду того, что любые нормативные правовые акты одного государства представляют собой систему, в которой поддерживается непротиворечивость (примером чего могут являться статьи 15, 76 Конституции Российской Федерации), то само по себе узнавание новых правовых норм вряд ли способно становиться причиной изменения внутреннего отношения человека к уже известным нормам. В качестве исключения, вероятно, могут служить новые знания об ином правовом регулировании однотипных общественных отношений в другом государстве. Также, несмотря на большое количество разнообразных существующих правовых норм, человеческая деятельность подвержена специализации, люди меньше интересуются правом, напрямую не затрагивающим их жизнь, и оперируют в большинстве случаев ограниченным объемом уже известных им правовых норм. В результате изменение правосознания в первую очередь обусловлено опытом реализации его прав (как реально существующих, так и мнимых). Человек, столкнувшись, по его мнению, с несправедливостью, может разочароваться в эффективности правовых норм, и наоборот, если интересы были защищены, то возрастает уверенность в силе права. Че-

ловек, чем чаще будет убеждаться в силе конкретной нормы права, тем больше будет его идеализировать, и наоборот. Однако опыт в реализации прав редко бывает односторонним, то есть воздействующим только на одну сторону правосознания индивида. Любое применение правовой нормы подразумевает обязательное участие нескольких человек, каждый из которых обладает собственным правосознанием, а также личными интересами. Даже когда предмет взаимоотношения не связан с явным правонарушением одной из сторон, не исключена ситуация, когда обе стороны заблуждаются в правовых последствиях. В таких случаях возрастает роль арбитра, который в силу своего должностного (редко социального) положения вправе разрешить возникший спор, наряду с этим он также обладает собственным правосознанием, а самое решение арбитра может не удовлетворить как одну, так и обе стороны сразу. Несогласие зачастую влечет обращение к другому арбитру, который вправе не только разрешить спор сторон, но и проверить правильность решения предыдущего арбитра. Наиболее распространенным примером подобной ситуации может являться спор по договорам обязательного страхования (статья 16¹ Федерального закона от 25.04.2002 N 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств») [13], когда потерпевший для разрешения спора со страховщиком вначале обращается к финансовому уполномоченному, а затем, в случае несогласия с его решением, в суд.

В правовом государстве именно суд выступает в роли главного арбитра, судьи же — это специально подготовленные и отобранные профессионалы в области права, обладающие достаточным опытом правоприменения (статьи 3–5 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26.06.1992 N 3132–1) [14]. Однако и судьи не застрахованы от ошибок в применении норм права, которые должны устраняться путем обжалования в вышестоящий суд. В процессе прохождения нескольких стадий обжалования фиксируемая в актах (решениях, определениях, постановлениях и так далее) объективная правовая позиция может несколько раз изменяться на диаметрально противоположную, что непосредственно воздействует на правосознание сторон спорных правоотношений. Отдельно необходимо отметить, что судья вправе открыто не принять позицию других членов коллегии и остаться при особом мнении, даже по самым социально важным вопросам, например, по вопросу назначения наказания в виде смертной казни [15]. Подобные ситуации также могут создавать конфликт между действующими нормами права и внутренними убеждениями человека, особенно это касается проигравшей стороны. Не следует забывать и о рефлексии в отношении поведения других участников спора (как сторон, так и арбитров) до его разрешения, влекущей переосмысление отношения к праву.

Однако не следует рассматривать изменение правосознания как постоянное метание между идеализмом и ни-

гилизмом. Изменчивость правосознания — это часть непрерывного процесса его формирования, в ходе которого вряд ли возможно достижение какого-то экстремума: полного нигилизма или абсолютной идеализации правовых норм; обычно нигилизм и идеализм сосуществуют, выражая разное восприятие различных правовых норм и отношение к ним. Вместе с тем непризнание и не соблюдение требований правовой нормы индивидом не влечет отмену ее применения, равно как и идеализация не гарантирует исполнение нормы. Человек всегда будет вынужден столкнуться с последствиями своего правового выбора, а, следовательно, стараться минимизировать для себя их негативные проявления, формируя тем самым определенный паттерн поведения. Этот шаблон поведения — отражение индивидуального правового реализма.

Индивидуальный правовой реализм следует рассматривать как часть правосознания (знаний), образованную сложившимся порядком реализации права и не требующим кого-либо анализа самой нормы права. Правовой реализм является пределом изменчивости правосознания в контексте отношения индивида к норме права. До тех пор, пока не выработан работающий алгоритм правового взаимодействия, человек будет действовать исходя из своего внутреннего убеждения о правильности поступков. Зная же что и как нужно сделать, чтобы получить желаемый результат, отпадает необходимость во внутренней оценке. Попытка достижения тех же целей другим способом будет равнозначна попытке подтвердить свои внутренние убеждения через оспаривание сложившейся практики, при этом безразлично согласуются ли убеждения с текущей практикой или нет. Кроме того, протест в отношении сложившегося хода вещей фактически

является формой самовыражения, что характеризует его как не частое событие.

В качестве вывода следует отметить высоковероятное практическое значение индивидуального правового реализма.

Общество и государство в частности всегда стремятся к самосохранению, основой которого является стабильность функционирования и порядок внутреннего взаимодействия. Именно этой цели служат признание естественного и формирование позитивного права, а также меры, направленные на соблюдение правовых норм. В качестве одной из таких мер может выступать формирование конструктивного правосознания. Однако правосознание является достаточно сложной структурой, в виду чего наиболее выгодным видится воздействие на его практическую часть, то есть формирование индивидуального правового реализма. Для этого достаточно лишь разработать четкие, понятные, непротиворечивые алгоритмы правового поведения, популяризировать их, обеспечить всеобщее использование, и следить за правильностью применения, пресекая любые попытки искажения, особенно со стороны должностных лиц. Неплохим примером подобной алгоритмизации могут выступать Госуслуги, которые отчасти стандартизировали процесс направления обращений в государственные органы и получения ответа. Между тем в процессе обработки обращений некоторые госорганы, ссылаясь на какие-то свои внутренние закрытые распоряжения, предъявляют к гражданам требования, которые заявителям не известны и не предусмотрены законодательством, что, к сожалению, негативно сказывается на восприятии сложившегося порядка.

Литература:

1. Титаренко Т. А. О содержании правосознания // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2010. № 4 (43). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-soderzhanii-pravosoznaniya> (дата обращения: 17.02.2026).
2. Теория государства и права: учебное пособие / О. А. Колоткина, А. С. Морозова, И. Д. Ягофарова. — Москва: ИНФРА-М, 2021. — 406 с. — (Высшее образование: Бакалавриат).
3. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. — М.: Изд-во Эксмо, 2006. — 944 с. — Текст: непосредственный.
4. Визгин В. П., Пустарнаков В. Ф., Соловьев Э. Ю. Нигилизм // Новая философская энциклопедия в 4 т. Т. III. — М.: Мысль, 2010. — С. 84–86.
5. Орехова Н. Л. Деформации правового сознания: разновидности, исторические и социокультурные причины // Ленинградский юридический журнал. 2019. № 1 (55). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deformatsii-pravovogo-soznaniya-raznovidnosti-istoricheskie-i-sotsiokulturnye-prichiny> (дата обращения: 17.02.2026).
6. Матузов, Н. И. Правовой идеализм как оборотная сторона правового нигилизма / Н. И. Матузов. — Текст: непосредственный // Правовая культура. — 2013. — № 1. — С. 184.
7. Ишкильдина Г. Р. Злоупотребление правом как деформация правосознания // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 3 (41). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zloupotreblenie-pravom-kak-deformatsiya-pravosoznaniya> (дата обращения: 17.02.2026).
8. Исмаилов, А. М. Правовой инфантилизм / А. М. Исмаилов, Н. В. Даничев // Инновационное развитие науки и образования: сборник статей V Международной научно-практической конференции (Пенза, 23 марта 2019 г.). — Пенза: Наука и Просвещение, 2019. — С. 117–120.
9. Лекторский В. А. Предисловие // Релятивизм, плюрализм, критицизм: эпистемологический анализ. — М.: ИФ РАН, 2012. — С. 3–4.

10. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 22.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 18.11.2002. — № 46. — ст. 4532.
11. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 29.07.2002. — № 30. — ст. 3012.
12. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 09.03.2015. — № 10. — ст. 1391.
13. О федеральном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: федер. закон от 25 апр. 2002 г. № 40-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 18. — Ст. 1720.
14. Закон РФ от 26.06.1992 N 3132-1 (ред. от 27.11.2023) «О статусе судей в Российской Федерации» // Российская газета. — № 170. — 29.07.1992.
15. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2009 года № 1344-О-Р, Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Ю. Д. Рудкина.

Ключевая роль органов внутренних дел Российской Федерации в системе противодействия коррупции

Глухова Елена Олеговна, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой;

Попова Ника Сергеевна, студент

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

В статье рассматривается роль органов внутренних дел в системе противодействия правонарушениям коррупционной направленности. Проанализированы функции и задачи подразделений, занимающихся борьбой с коррупцией, а также их эффективность и деятельность.

Ключевые слова: коррупция, органы внутренних дел, преступления, общество, государство.

Коррупция остаётся одним из наиболее опасных социальных явлений, подрывающих основы государственного управления, деформирующих экономические отношения и разрушающих доверие граждан к институтам власти. В этой связи противодействие коррупции становится не просто юридической задачей, а стратегическим приоритетом обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития общества. Центральное место в реализации антикоррупционной политики занимают органы внутренних дел (ОВД) Российской Федерации, обладающие необходимыми полномочиями, ресурсами и организационными механизмами для эффективной борьбы с этим явлением.

Правовая основа деятельности ОВД в сфере противодействия коррупции базируется на комплексе нормативных актов, ключевым из которых выступает Федеральный закон от 25.12.2008 № 273ФЗ «О противодействии коррупции». Этот документ определяет базовые понятия, принципы и направления антикоррупционной работы, а также устанавливает обязанности государственных органов и служащих. В своей практической деятельности ОВД опираются на положения Уголовного кодекса РФ, Уголовно-процессуального кодекса РФ и ведомственные нормативные акты, регламентирующие порядок выявления, пресечения и расследования коррупционных правонарушений [1].

Е. З. Сидорова отмечает, что органы внутренних дел — один из основных субъектов предупреждения коррупци-

онных преступлений. Особая роль органов внутренних дел определяется сложившимися в системе МВД России правовыми и организационными основами противодействия коррупции [2].

Многогранность задач, стоящих перед ОВД, обуславливает комплексный характер их антикоррупционной деятельности. Прежде всего, это непосредственная борьба с коррупционными преступлениями на всех стадиях их совершения — от подготовки до сокрытия следов. Сотрудники органов внутренних дел проводят оперативно-розыскные мероприятия, собирают доказательства, задерживают подозреваемых и обеспечивают передачу материалов в следственные органы. При этом особое внимание уделяется выявлению системных схем коррупции, затрагивающих несколько уровней власти или отраслей экономики [3].

Не менее значима профилактическая составляющая работы ОВД. Профилактика направлена на устранение условий, способствующих коррупции, и формирование в обществе нетерпимого отношения к подобным проявлениям. В рамках этой деятельности проводятся просветительские кампании, разъясняется юридическая ответственность за коррупционные деяния, осуществляется антикоррупционная экспертиза нормативных актов. Важную роль играет взаимодействие с институтами гражданского общества: общественными советами, некоммерческими организациями и СМИ, что позволяет повы-

ситель прозрачность работы полиции и укрепить доверие граждан.

Внутриведомственная антикоррупционная работа также находится в фокусе внимания руководства МВД. Для предотвращения коррупции среди сотрудников разработаны специальные механизмы контроля: обязательная отчётность о доходах и расходах, проверка кандидатов при приёме на службу, мониторинг подозрительных финансовых операций. Подразделения собственной безопасности осуществляют оперативные мероприятия по выявлению фактов злоупотребления полномочиями среди личного состава. Эти меры направлены не только на пресечение правонарушений, но и на формирование корпоративной культуры, исключающей возможность компромиссов с законом.

Особую роль в борьбе с экономическими и коррупционными преступлениями играет Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции (далее — ГУЭБиПК), созданное в ходе реформы МВД. Его деятельность охватывает широкий спектр задач: от выявления угроз экономической безопасности до раскрытия межрегиональных и международных преступных схем. ГУЭБиПК организует документальные проверки, профилактические рейды, сотрудничает с налоговыми и таможенными органами, а также участвует в противодействии финансированию терроризма и экстремизма. Благодаря этой работе удаётся пресекать масштабные коррупционные схемы, наносящие ущерб государственному бюджету и деловой среде [4].

Эффективность противодействия коррупции во многом зависит от координации усилий различных правоохранительных структур. ОВД взаимодействуют со Следственным комитетом РФ, Федеральной службой безопасности, прокуратурой и другими ведомствами, что позволяет обеспечивать комплексный подход к расследованию сложных дел. Совместные операции, обмен информацией и согласованная правоприменительная практика способствуют раскрытию преступлений, которые

ранее оставались латентными из-за их замаскированного характера или вовлечённости высокопоставленных лиц.

Вместе с тем, в работе ОВД по противодействию коррупции сохраняются определённые вызовы. К ним относятся:

1. высокая латентность коррупционных преступлений, затрудняющая их выявление;
2. необходимость постоянного совершенствования методик расследования в условиях эволюции преступных схем;
3. потребность в усилении международного сотрудничества для розыска активов и экстрадиции преступников;
4. важность повышения правовой грамотности граждан, чтобы стимулировать их участие в антикоррупционной деятельности.

Для преодоления этих сложностей МВД активно внедряет инновационные подходы: использует цифровые технологии для анализа финансовых потоков, развивает системы раннего предупреждения коррупционных рисков, расширяет каналы обратной связи с населением. Особое внимание уделяется подготовке кадров — сотрудники проходят специализированное обучение, осваивая современные методы выявления и документирования коррупционных правонарушений.

Таким образом, органы внутренних дел РФ выступают ключевым звеном в системе противодействия коррупции, сочетая оперативно-розыскную, профилактическую и внутриведомственную работу. Их деятельность не только способствует раскрытию конкретных преступлений, но и формирует долгосрочные предпосылки для снижения уровня коррупции в обществе. Однако успех этой миссии возможен лишь при условии непрерывного совершенствования правовых механизмов, укрепления межведомственного взаимодействия и активного вовлечения гражданского общества в антикоррупционную повестку. Только комплексный и системный подход позволит минимизировать угрозы, которые коррупция несёт национальной безопасности и социальному благополучию России.

Литература:

1. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. N 273-ФЗ (ред. от 28.12.2025 N 505-ФЗ) «О противодействии коррупции // «Собрании законодательства Российской Федерации» от 29.12.2008, № 52 (часть I), ст. 6228.
2. Е. З. Сидорова. Роль органов внутренних дел в предупреждении коррупционных преступлений // Академический юридический журнал — 2022. — № 4 (90). — С. 426–434 <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50043893>
3. Указ Президента РФ от 21.12.2016 N 699 (ред. от 26.09.2025) «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 22.12.2016, «Собрание законодательства РФ», 26.12.2016, N 52 (Часть V), ст. 7614.
4. Проект Приказа МВД России «Об утверждении Типового положения о подразделении экономической безопасности и противодействия коррупции территориального органа Министерства внутренних дел Российской Федерации на региональном уровне и о внесении изменений в Положение о Главном управлении экономической безопасности и противодействия коррупции Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденное приказом МВД России от 16 марта 2015 г. N 340» (по состоянию на 01.03.2017) (подготовлен МВД России) // Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <http://regulation.gov.ru/>

Основы производства по административным делам об оспаривании нормативных правовых актов

Грачёв Ян Константинович, студент

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Симферополь)

В современных условиях развития Российской Федерации, где высшей юридической силой обладает Конституция Российской Федерации, особое значение имеет эффективный судебный контроль за деятельностью органов публичной власти. Конституция гарантирует каждому гражданину право на судебную защиту, что дает людям возможность обратиться в суд с административным иском о признании нормативного правового акта недействующим полностью или в части (статья 208 КАС РФ). Данный институт направлен не только на восстановление нарушенных прав конкретных лиц, но и на обеспечение законности в системе нормативного регулирования в целом. Статья посвящена процессу производства по административным делам об оспаривании нормативного правового акта, выделен круг лиц, имеющих основания на подачу такого административного иска, указаны сроки рассмотрения дел данной категории, подсудность, срок подачи иска и другие условия рассмотрения дела и вынесения решения.

Ключевые слова: нормативный правовой акт, нормоконтроль, административное судопроизводство, административное исковое заявление.

Каждый гражданин может столкнуться с тем, что его права могут быть нарушены органом, организацией или должностным лицом. В таком случае, истец имеет возможность обратиться с административным иском (например, к Совету Министров Республики Крым) в суд, если его права нарушены принятым актом этого органа. Одним из ключевых механизмов такого контроля является производство по делам об оспаривании нормативных правовых актов.

Источником прав человека и гражданина на территории Российской Федерации является Конституция, в которой дана гарантия судебной защиты его прав и свобод (статья 46 Конституции РФ). Лицо имеет право не только на обращение в суд, но и реальную возможность получения судебной защиты и в результате вынесения судом решения, восстановить свои нарушенные права. Это право обеспечивается государством.

Вступивший в законную силу в 2015 году Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ) от 08.03.2015 N 21-ФЗ систематизировал и детализировал порядок рассмотрения данной категории дел, закрепив особые процессуальные правила и гарантии.

Из этого можно сделать вывод, что законодателем признана высокая социальная значимость судебного контроля за нормативным правовым регулированием.

Глава 21 КАС РФ регламентирует вопрос производства по делам об оспаривании нормативных правовых актов, ведь именно такие акты формируют основу правового регулирования и оказывают прямое влияние на неопределенный круг лиц.

Данное производство относится к числу публично-правовых производств. Его специфика обусловлена тем, что предметом судебного рассмотрения является не индивидуальный административный акт и не конкретное правоотношение, а нормативный регулятор, рассчитанный на многократное применение. Нарушения, которые допу-

щены при их принятии и содержании, способны повлечь массовое ущемление прав и законных интересов граждан и организаций.

Отличительной особенностью от искового производства в гражданском процессе, где спор возникает между равноправными субъектами, в административном производстве по данной категории имеет место вертикальное правоотношение, в рамках которого одна из сторон наделена властными полномочиями. Это предопределяет необходимость активной роли суда.

Для уяснения сущности рассматриваемого производства необходимо прежде всего определить понятие нормативного правового акта. Нормативный правовой акт представляет собой официальный письменный (изданный) документ, который принят в установленном порядке органом государственной власти, органом местного самоуправления или должностным лицом, который содержит в себе правовые нормы и является обязательным для неопределенного круга лиц, рассчитан на неоднократное применение, а также направлен на регулирование общественных отношений и может изменять и прекращать уже существующие правоотношения.

Нормоконтроль является важной составляющей юриспруденции в целом, поскольку дает возможность не только восстанавливать нарушенные права граждан, отменять нормативные правовые акты, которые противоречат законодательству с большей юридической силой и нарушают права административного истца, но и составлять судебную практику для улучшения качества судопроизводства и законности принимаемых решений.

Производство по данной категории имеет свое начало в подаче административным истцом искового заявления в отдел делопроизводства суда. Его можно направить почтой и в электронном виде. Гражданину следует внимательно ознакомиться со статьей 209 КАС РФ и указать необходимые данные для правильного заполнения административного искового заявления и его последующего

принятия к производству суда. По сути все просто. Указывается, куда подается иск, а именно суд, кто подает иск, включая ФИО или наименование, адрес, если это организация, то сведения о государственной регистрации, место жительства, дата рождения, сведения о высшем юридическом образовании или сведения представителя, если он представляет интересы истца (ФИО, адрес, сведения о высшем юридическом образовании), номер телефона, адрес электронной почты. Также указывается наименование органа, который принял спорный НПА, наименование НПА, номер и дата, его источник и дата опубликования, сведения о том, каким образом затрагиваются права и интересы истца или о том, что истец является субъектом отношений, которые регулируются этим актом, какие права, свободы и законные интересы нарушены. Следует указать нормативный правовой акт, который обладает большей юридической силой и его отдельные положения, а также указать, в чем заключается требование истца относительно указания несоответствия законодательству РФ полностью или в части отдельных его положений.

Обязанность административного истца обосновать нарушение своих прав, свобод и законных интересов выполняет функцию процессуального фильтра, предотвращающую чрезмерную нагрузку на суды и злоупотребление правом на обращение в суд. Если бы любое лицо могло оспаривать нормативные правовые акты, это привело бы к значительному увеличению числа дел, инициируемых по мотивам, не связанным с реальной защитой прав.

Единственным субъектом, который вправе обратиться в суд в интересах неопределенного круга лиц — это прокурор. Это обусловлено его конституционной функцией по надзору за соблюдением Конституции и законов. Таким образом, законодатель ограничил возможность защиты неопределенного круга лиц в рамках административного судопроизводства, возложив ее на специализированный публичный орган, наделенный соответствующими полномочиями и ответственностью.

В соответствии с нормами КАС РФ прокурор вправе обращаться в суд с административным иском заявлением об оспаривании нормативных правовых актов в целях защиты прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц, а также интересов Российской Федерации, ее субъектов и муниципальных образований.

Прокурор может выступать в двух основных процессуальных формах:

1. Как административный истец, когда он самостоятельно инициирует производство по делу
2. Как лицо, дающее заключение по делу, если производство возбуждено по заявлению другого лица.

В этих двух случаях прокурор действует независимо от воли других участников процесса и не связан с их процессуальной позицией. Основной целью участия прокурора — является обеспечение законности нормативного регулирования. Его задачей является выявить и устранить противоречие нормативного правового акта акту с большей юридической силой. Участие прокурора имеет

особое значение в контексте невозможности обращения лиц в суд в интересах неопределенного круга лиц. Прокурор компенсирует данный пробел, выступая посредником между публичным интересом и судебной защитой.

При подаче административного иска к нему необходимо приложить такие документы, как:

1. Документы, которые подтверждают, что сторонами была получена копия административного искового заявления и приложения к нему. Если административный истец или его представитель не направляли копии административного искового заявления сторонам, то необходимо предоставить копии административного искового заявления с приложенными документами для направления их сторонам судом.

2. Документы, которые подтверждают оплату госпошлины (платежное поручение, кассовый чек).

3. Документы, которые подтверждают обстоятельства, исходящие из указанных истцом требований.

4. Документ, который подтверждает наличие высшего юридического образования (копия диплома о высшем юридическом образовании).

5. Документ, который подтверждает полномочия представителя (копия доверенности, ордер).

Еще одним условием является родовая подсудность и зависит она от местонахождения органа, принявшего нормативный акт.

Верховный Суд Российской Федерации рассматривает дела об оспаривании нормативных правовых актов ниже уровня федерального закона (например, оспаривание приложения к приказу Министерства Финансов Российской Федерации), судами уровня субъекта Российской Федерации рассматриваются оспаривание нормативно правовых актов субъекта (например решение ГБУ РК «Центр землеустройства и кадастровой оценки») и районные суды рассматривают НПА местного уровня (например постановление муниципального образования «город Саратов»).

Такое распределение полномочий позволяет учитывать уровень правового регулирования и масштаб последствий применения соответствующего акта. Можно сделать вывод, что подведомственность определяется не только субъектом принятия акта, но и характером заявленных требований.

Вопросы подведомственности и подсудности являются одними из наиболее сложных. Их правильное определение напрямую влияет на возможность судебной защиты нарушенных прав. Административный иск может быть подан на протяжении всего времени действия нормативного акта.

В данной категории дел есть характерная особенность. Суд не связан доводами истца, указанными в административном иске, а самостоятельно устанавливает обстоятельства.

В случае удовлетворения административного искового заявления и признании недействующим нормативный правовой акт, вынесенное судом решение имеет воздействие на неопределенный круг лиц, так как действие нор-

мативного правового акта распространяется не только на конкретное лицо. Тем самым можно сделать вывод, что целью является защита неопределенного круга лиц, а не прав конкретного лица. Это не просто способ защиты прав, а инструмент поддержания законности в системе источника права.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать краткий вывод, что производство по делам об оспаривании нормативных правовых актов является отдельной категорией административных дел, которая имеет свои особенности и сложности в процессе производства, имеет обширную и многогранную практику.

Проблемы правового регулирования недействительности брака

Гурьянова Юлия Алексеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Макаров Сергей Александрович, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются понятие, особенности и последствия признания недействительности брака в Российской Федерации. Рассматриваются основные правовые акты, регулирующие данную сферу, выявляются проблемы и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: брак, недействительность брака, правовое регулирование, основания и последствия недействительности.

В настоящее время широкое освещение и развитие в России и за рубежом получил один из институтов семейного права — институт недействительности брака. Его регулированию посвящена целая глава Семейного кодекса Российской Федерации, а содержание её статей охватывает и иные разделы документа, а также отношения, регулируемые другим нормативным правовым актом — Гражданским кодексом Российской Федерации.

Актуальность данного института семейного права подчеркивают и показатели статистики. Согласно содержанию Обзора судебной практики по делам о признании брака недействительным, утвержденным Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 14 декабря 2022 года: «в 2019 году судами всего было рассмотрено 596 дел о признании брака недействительным. В 2020 году количество дел уменьшилось на 26 % (440 дел), в 2021 году было рассмотрено 647 дел (на 47 % больше, чем в 2020 году)» [1]. При этом одной из самых распространенных причин признания брака недействительным является фиктивность брака.

Стоит сказать, что понятие «недействительность брака» в законодательстве не предусмотрено. На наш взгляд, данный факт является одним из первостепенных пробелов правового регулирования в данной области и, как следствие, порождает большое количество вопросов к содержанию такого института. В научной литературе отмечается неоднозначное понимание недействительности брака. По мнению И. М. Кузнецовой: «признание брака недействительным — это аннулирование брака и всех его правовых последствий с момента государственной регистрации заключения брака в органах загса». Корнеева И. Л. полагает, что «недействительным считается брак, заключенный с нарушением условий заключения брака, предусмотренных СК РФ» [2].

Анализируя данный институт семейного права, необходимо указать, что в науке ярко выражены два мнения относительно вопроса: можно ли считать недействительность брака недействительной сделкой.

С одной стороны, предлагается приравнивать брак к своеобразному виду сделки, а его недействительность, соответственно, к разновидности недействительной сделки.

С другой же стороны, брак считают не возможным причислить к сделке, а институт недействительности сделки не может быть применим к подобному браку.

Мы считаем возможным согласиться с первой позицией, так как вторая позиция не представляет иных вариантов развития событий в случае, если брак признается недействительным. Так, например, будет сложнее урегулировать имущественные права бывших «супругов». Пункт 4 статьи 169 Семейного кодекса Российской Федерации устанавливает, что применительно к гражданским делам о признании брака недействительным устанавливается общий срок исковой давности, который согласно действующей редакции Гражданского кодекса Российской Федерации составляет 3 года [3].

В законодательстве отсутствует определение брака, но установлены некоторые условия (ст. ст. 12–15, 27 СК РФ), которые необходимы для регистрации брака и на их основе можно определить основания признания брака недействительным:

- отсутствие добровольного и взаимного согласия лиц, которые вступают в брак;
- не достижение брачного возраста лицами, вступившими в брак;
- однополый брак;
- полигамный брак;

- брак между близкими родственниками, в том числе между усыновителями и усыновленными;
- вступление в брак недееспособных лиц;
- цель брака не заключается в создании семьи;
- фиктивность брака. [4]

В отличие от понятия и оснований признания недействительности брака, в Семейном кодексе РФ закрепляются последствия признания брака недействительным. Так в соответствии с п. 1 и 2 ст. 30 СК РФ брак, признанный судом недействительным, не порождает прав и обязанностей супругов, предусмотренных кодексом, за исключением случаев, относящихся к добросовестному супругу. Кроме того, при признании брака недействительным, к совместно приобретенному имуществу применяется режим долевой собственности, а брачный договор признается недействительным. [5]

Обратим внимание на такое основание признания брака недействительным, как смена пола одним из супругов. До некоторого времени это основание было лишь гипотетическим в России, но данный вопрос является весьма важным в свете совершенствования правового регулирования оснований признания брака недействительным.

Так, Центральным районным судом г. Тюмени было вынесено решение от 16.03.2023 в соответствии с которым, брак признан недействительным по причине смены пола одним из супругов. Это первая судебная практика в России по данному основанию. С иском заявлением обратился прокурор г. Тюмени. Факт смены пола установили в ходе проверки информации, поступившей из комитета ЗАГС администрации г. Тюмени, в которой было указано, что 33-летний мужчина обратился с заявлением о смене ФИО и пола с мужского на женский, которое было

рассмотрено и удовлетворено. Согласно положениям СК РФ, регулирование семейных отношений осуществляется в соответствии с принципами добровольности союза мужчины и женщины, в связи с чем прокурор обратился в суд. Исковые требования прокуратуры были удовлетворены, суд признал брак недействительным с 29 сентября 2022 года, когда был выдан документ о смене пола.

В настоящее время, исходя из буквального толкования норм СК РФ основания для признания брака недействительным возникают до заключения брака. Так, не урегулирован вопрос смены пола после заключения брака и расторгнуть такой брак в обход воли супругов или одного из супругов невозможно.

Для устранения данного пробела, считаем необходимым изложить п. 4 ст. 27 СК РФ в новой редакции, а именно: «Брак признается недействительным со дня его заключения, а в случаях смены пола одним из супругов с момента выдачи документа, удостоверяющим факт его изменения». Считаем, что в ст. 28 СК РФ необходимо внести уточнение оснований, по которым прокурор может обратиться в суд с требованием признания брака недействительным и дополнить случаев смены пола одним из супругов.

Таким образом, на основании проведенного исследования статистики, судебной практики, анализа норм семейного законодательства и современных реалий общественной жизни, можно сделать вывод, что институт признания брака недействительным нуждается в скорейшем реформировании. Представляется, что рассмотренные в статье предложения будут способствовать решению некоторых проблем, возникающих на практике в данной области.

Литература:

1. Обзор судебной практики по делам о признании брака недействительным (утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 14 декабря 2022 года) — Текст: электронный. — КонсультантПлюс: справочная правовая система [сайт] — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_434362/ (дата обращения 25.01.2026)
2. Семейное право: учебник и практикум для среднего профессионального образования / И. Л. Корнеева. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 285 с. — (Профессиональное образование). // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 119 — URL: <https://urait.ru/bcode/560676/p.119> (дата обращения: 25.01.2026).
3. Богдан К. Б. Анализ и совершенствование правового регулирования института признания брака недействительным в российской федерации // Юридическая наука. 2023. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-i-sovershenstvovanie-pravovogo-regulirovaniya-instituta-priznaniya-braka-nedeystvitelnym-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 19.02.2026).
4. Гурьянова, Ю. А. Фиктивность брака как основание для признания его недействительным / Ю. А. Гурьянова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2025. — № 35 (586). — С. 104–105. — URL: <https://moluch.ru/archive/586/128210>.
5. Михайлова М. А., Ерохина Е. В. Недействительность брака: проблемы правового регулирования // Мировая наука. 2020. № 1 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nedeystvitelnost-braka-problemy-pravovogo-regulirovaniya> (дата обращения: 19.02.2026).
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года N51-ФЗ — Текст: электронный. — КонсультантПлюс: справочная правовая система [сайт] — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 25.01.2026)

7. Семейный кодекс Российской Федерации: официальный текст Федерального закона от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // Консультант Плюс: справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 25.01.2026).

Учение о государстве и праве С. Десницкого (Россия, XVIII век)

Дорохин Олег Романович, студент магистратуры

Научный руководитель: Соловьева Виктория Викторовна, доктор исторических наук, профессор
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал

В статье анализируется учение о государстве и праве Семёна Ефимовича Десницкого как одного из первых представителей российской юридической науки эпохи Просвещения. Рассматриваются его взгляды на происхождение государства, природу собственности, значение законности и необходимость судебной реформы в условиях российской монархии XVIII века.

Ключевые слова: Десницкий, теория государства, теория права, естественное право, собственность, монархия, судебная реформа, Просвещение, Россия XVIII века.

XVIII век в России характеризуется активным проникновением идей европейского Просвещения в сферу государственной и правовой мысли. В условиях модернизации государственного аппарата и реформаторской политики Екатерины II [3] особое значение приобретают проекты рационализации законодательства и судебной системы. Одним из наиболее последовательных проводников просветительских идей в российской правовой науке стал Семён Ефимович Десницкий (1740–1789) — профессор права Московского университета, воспитаник шотландской школы естественного права.

Цель настоящей статьи — это комплексный анализ учения Десницкого о государстве и праве, выявление его теоретических источников, основных концептуальных положений и значения для развития отечественной государственно-правовой мысли.

Формирование взглядов Десницкого происходило под влиянием западноевропейской философии права [7], прежде всего идей естественно-правовой школы и шотландского Просвещения. Существенное влияние на него оказали труды Адама Смита [5] и других представителей моральной философии Глазго. Отсюда проявляется интерес к проблемам собственности, исторической эволюции форм хозяйствования и социального устройства.

Методологически Десницкий опирался на историко-сравнительный подход. Он рассматривал право не как совокупность произвольных установлений власти, а как результат исторического развития общества, обусловленного изменениями в экономической структуре и социальном укладе.

В основе концепции Десницкого лежит идея естественного состояния и постепенного перехода к гражданскому обществу. Государство возникает как закономерный результат усложнения общественных отношений, прежде всего имущественных [1]. Развитие собственности, разделение труда и накопление богатства требуют установ-

ления публичной власти, способной гарантировать безопасность и правопорядок.

В отличие от теорий договорного происхождения государства в их радикальном варианте, Десницкий не противопоставлял государство обществу. Он рассматривал его как необходимую форму организации социальной жизни, исторически обусловленную и функционально оправданную.

Центральное место в учении Десницкого занимает проблема собственности. Он связывал формы государственного устройства с характером распределения и закрепления имущественных прав. В своих работах он выделял стадии общественного развития — от охотничьего и пастушеского быта к земледельческому и коммерческому обществу. Каждой стадии соответствует определённый уровень правового регулирования.

Собственность, по Десницкому, является не только экономической категорией, но и правовой основой социальной стабильности. Её защита — это ключевая функция государства. Тем самым он закладывал основы понимания права как инструмента обеспечения экономического порядка.

Закон же в концепции Десницкого представляет собой выражение разумной воли государственной власти, направленной на общее благо. Он выступал за систематизацию законодательства, устранение противоречий и произвольного толкования норм [4].

Особое внимание Десницкий уделял судебной реформе. Он предлагал: отделение суда от административной власти, введение состязательности процесса, формирование профессионального судейского корпуса, а также участие представителей общества в отправлении правосудия. Для России XVIII века данные идеи носили прогрессивный характер и свидетельствовали о стремлении к формированию принципов законности и правового государства в рамках монархической системы.

В дополнении к вышеуказанному, стоит учитывать, что Десницкий не отрицал монархическую форму правления, считая её исторически оправданной для России. Однако он подчёркивал необходимость ограничения произвола через закон и рациональную организацию власти. Монархия, по его мнению, должна опираться на справедливое законодательство и компетентные государственные институты.

В этом как раз и проявляется компромиссный характер его теории: соединение просветительских принципов естественного права с реальностями самодержавного строя XVIII века.

На основе этого, учение Десницкого занимает особое место в истории российской правовой мысли. Он стал одним из первых отечественных учёных, систематически применивших научный подход к анализу государства и права. Его концепция предвосхищает развитие исторической школы права и экономического анализа правовых институтов.

Литература:

1. Десницкий С. Е. Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи. — СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1768.
2. Ключевский В. О. Курс русской истории. — М.: Мысль, 1987.
3. Чистяков О. И. История государства и права России. — М.: Юристъ, 2003.
4. Нерсесянц В. С. История политических и правовых учений. — М.: Норма, 2004.
5. Омельченко О. А. История государства и права России. — М.: Проспект, 2011.
6. Зорькин В. Д. История политических и правовых учений России. — М.: Норма, 2010.
7. Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII века. — М.: Зерцало, 2007.

Таким образом, учение Семёна Ефимовича Десницкого представляет собой важный этап становления российской юридической науки XVIII века. Соединив идеи естественного права, исторического анализа и экономической теории, он заложил основы рационального понимания государства как института, служащего обеспечению собственности, порядка и общественного блага. Его труды стали интеллектуальной предпосылкой дальнейшего развития отечественной теории государства и права в XIX столетии.

Подводя итог, стоит отметить, вкладом Семена Ефимовича Десницкого в историю принято считать:

1. Формировании научной теории государства в России.
2. Обосновании связи права с экономическим развитием общества.
3. Разработке проектов судебной реформы.
4. Популяризации идей европейского Просвещения в российском контексте.

Становление американской политико-правовой мысли (XVII — первая половина XVIII века)

Дорохин Олег Романович, студент магистратуры

Научный руководитель: Соловьева Виктория Викторовна, доктор исторических наук, профессор
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал

В статье рассматриваются основные этапы формирования американской политико-правовой мысли в XVII — первой половине XVIII века. Анализируются идейные источники колониальной правовой культуры, влияние английской конституционной традиции и философии естественного права, а также становление концепций народного суверенитета и договорного происхождения власти.

Ключевые слова: естественное право, общественный договор, народный суверенитет, колонии, английское общее право, пуританизм, американская политическая мысль.

Формирование американской политико-правовой мысли происходило в условиях колонизации Северной Америки выходцами из Англии в XVII веке. Социальная структура колоний, отсутствие развитой аристократии и необходимость самостоятельного управления способствовали раннему развитию институтов самоуправления. Уже в «Мэйфлауэрском соглашении» 1620

года была зафиксирована договорная модель организации власти, основанная на добровольном объединении свободных поселенцев.

Колониальная правовая культура складывалась на основе английского общего права, протестантской религиозной традиции и философии естественного права. В результате к середине XVIII века формируется само-

стоятельная интеллектуальная традиция, сочетающая английское конституционное наследие с новыми принципами народного представительства и договорной легитимации власти [2].

В научной литературе становление американской политико-правовой мысли интерпретируется по-разному. Либеральная традиция рассматривает её прежде всего как развитие идей естественных прав личности и ограниченного правительства. Республиканская школа акцентирует внимание на влиянии античной концепции гражданской добродетели и борьбы с коррупцией власти. Социально-экономический подход подчёркивает роль формирования класса собственников и торгового капитализма.

Таким образом, ранняя американская мысль предстаёт либо как продолжение английской традиции, либо как качественно новая модель политической организации, основанная на практике самоуправления и договорном принципе власти.

Значительное влияние на ранние представления о государстве оказал пуританизм. Один из лидеров колонии Массачусетского залива является Джон Уинтроп. Он развивал идею «гражданского завета», согласно которой политическое сообщество возникает как соглашение людей перед Богом [1].

Договор понимался не только как юридический акт, но и как нравственное обязательство. Власть носила условный характер: её легитимность зависела от соблюдения божественного и естественного закона. Нарушение этих принципов допускало моральное сопротивление.

В то же время пуританская модель не была полностью демократической: политическое участие ограничивалось религиозными критериями. Однако сама идея договорного происхождения власти стала важнейшим вкладом в развитие американской государственно-правовой мысли.

Особое место занимает фигура Роджера Уильямса, отстаивавшего принцип религиозной свободы и отделения церкви от гражданской власти. Его взгляды способствовали формированию представлений о светской природе государства и свободе совести [4].

Колонисты считали себя носителями прав англичан. Их правосознание формировалось под влиянием английских конституционных актов и политических событий XVII века, особенно после Славной революции.

Большое значение имели положения Великой хартии вольностей и Билля о правах, закреплявшие принципы верховенства закона, гарантии судебной защиты и запрет произвольного налогообложения. Колонисты воспринимали эти акты как юридическое основание своих свобод.

Существенное влияние оказали труды Джона Локка. Его теория естественных прав на жизнь, свободу и собственность стала фундаментом американской концепции ограниченной власти и права народа на сопротивление тирании. Идея общественного договора в интерпретации Локка получила практическое воплощение в колониальных институтах самоуправления.

Особенностью американского развития стало то, что политико-правовая теория формировалась на основе практики. Колониальные хартии предоставляли поселенцам определённую автономию, закрепляя право создавать выборные ассамблеи и издавать местные законы [4].

В колонии Массачусетс сложилась система представительного правления, при которой значительная часть налоговых и административных решений принималась выборными органами. Судебная система активно использовала институт присяжных, что укрепляло представление о правосудии как о форме участия граждан в осуществлении власти.

Таким образом, принцип согласия управляемых стал не абстрактной теорией, а повседневной политической практикой.

В первой половине XVIII века усиливается идея, что источник власти — народ как политическое сообщество. Колониальные ассамблеи расширяют свои полномочия, формируя устойчивую традицию представительного правления.

На развитие этих представлений повлияла республиканская традиция, восходящая к идеям античности и английских мыслителей, таких как Джеймс Харрингтон. Свобода понималась не только как защита частных прав, но и как участие в управлении и предотвращение концентрации власти [7].

В проповедях и публицистике, в частности у Джона Мэйхью, обосновывалось право сопротивления несправедливому правлению. Формируется убеждение, что закон — это выражение воли общества, а не исключительно акт монархической власти.

Экономический фактор также сыграл существенную роль. Развитие торговли и формирование класса независимых собственников усилили стремление к политическому представительству. Собственность становилась основанием гражданской автономии, а защита имущественных прав ключевой функцией власти.

Американская мысль активно восприняла идеи европейской школы естественного права. Через английскую традицию в колонии проникли труды Гуго Гроция и Самуэль Пуфендорфа, развивавших рациональное понимание права как универсального и обязательного для всех государств [1]. Естественное право постепенно освобождалось от сугубо богословского обоснования и приобретало светский характер. Права личности стали рассматриваться как неотчуждаемые и предшествующие государству.

Эти идеи в дальнейшем нашли выражение в Декларации независимости США, однако их концептуальная база была заложена именно в рассматриваемый период [8].

К середине XVIII века в североамериканских колониях сформировалась оригинальная модель политико-правового мышления, отличавшаяся от европейских аналогов. Её ключевые особенности заключались в практико-ориентированности, т. е. теория формировалась на основе опыта самоуправления, договорной легитимации власти,

а также сочетание религиозной этики и рационального естественного права.

Американская модель постепенно смещала акцент с «прав англичан» на универсальные естественные права человека, тем самым формируя новую концепцию политической легитимности.

Таким образом, становление американской политико-правовой мысли XVII — первой половины XVIII века представляет собой сложный синтез английской конституционной традиции, протестантской политической теологии

и философии естественного права. Важнейшей особенностью данного процесса стало соединение теоретических заимствований с практикой колониального самоуправления.

К середине XVIII века в колониях сформировалась целостная концепция ограниченной власти, основанной на согласии управляемых, защите естественных прав и представительном правлении. Именно эта интеллектуальная традиция стала фундаментом последующего формирования независимой американской государственности.

Литература:

1. Локк Дж. Два трактата о правлении. — М.: Мысль, 1988.
2. Монтескьё де Ш. Л. О духе законов. — М.: Наука, 1999.
3. Токвиль де А. Демократия в Америке. — М.: Прогресс, 1992.
4. Морган Э. Рождение республики: 1763–1789. — М.: Весь мир, 2006.
5. Бейлин Б. Идеологические истоки американской революции. — М.: Новое издательство, 2010.
6. Вуд Г. Создание американской республики. — М.: Аспект Пресс, 2001.
7. Нерсесянц В. С. История политических и правовых учений. — М.: Норма, 2004.
8. Декларация независимости США — М.: Международные отношения, 1991.

Критерии классификации национальных правовых систем

Дорохин Олег Романович, студент магистратуры

Научный руководитель: Соловьева Виктория Викторовна, доктор исторических наук, профессор
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал

В статье анализируются основные критерии классификации национальных правовых систем в сравнительном правоведении. Рассматриваются историко-генетические, источниковые, структурные, социокультурные и функциональные основания типологизации права, а также концепции правовых семей. Делается вывод о необходимости комплексного подхода к классификации правовых систем в условиях глобализации и правовой конвергенции.

Ключевые слова: правовая система, правовая семья, сравнительное правоведение, романо-германская система, англосаксонская система, религиозное право, правовая традиция.

Классификация национальных правовых систем представляет собой одну из центральных проблем сравнительного правоведения. Она позволяет выявить закономерности развития права, установить общие и особенные черты правовых порядков различных государств, а также определить степень их взаимного влияния.

Формирование теории правовых семей связано прежде всего с трудами Рене Давида [1], предложившего одну из наиболее влиятельных моделей типологизации. В дальнейшем данная проблематика получила развитие в работах Конрада Цвайгерта и Хайна Кётца, обосновавших функциональный подход к сравнительному анализу [2].

Под правовой системой понимается совокупность взаимосвязанных юридических норм, институтов, принципов и механизмов их реализации в пределах конкретного государства [4]. Понятие «правовая семья» используется для обозначения группы национальных правовых

систем, обладающих общими историческими корнями, сходной структурой источников права и близкими юридическими техниками.

В теории сравнительного права выделяются различные модели классификации, однако большинство из них опирается на совокупность нескольких критериев, а не на один доминирующий признак.

Одним из базовых оснований классификации является историческое происхождение правовой системы. Историко-генетический критерий предполагает анализ источников формирования права, этапов его эволюции и влияния правовых традиций.

Так, романо-германская правовая семья восходит к рецепции римского права и кодификационным процессам Нового времени, включая принятие Гражданский кодекс Франции. В противоположность ей англосаксонская система формировалась на основе судебной практики и доктрины прецедента, получившей развитие в Англии.

Историко-генетический подход позволяет выявить глубинные основания правовой общности, однако он не всегда отражает современные процессы трансформации права.

Существенное значение имеет анализ иерархии и характера источников права. В романо-германской системе доминирующее положение занимает нормативный правовой акт, тогда как в системе общего права ключевую роль играет судебный прецедент.

Примером англосаксонской традиции является правовая система Соединённых Штатов Америки, где судебные решения высших судов обладают обязательной силой. В то же время для стран континентальной Европы характерна высокая степень кодификации законодательства.

Отдельную группу составляют религиозно-традиционные системы, в которых источником права выступают священные тексты и религиозные доктрины, например нормы Ислама в мусульманском праве.

Структурно-институциональный критерий предполагает анализ структуры права (деление на публичное и частное), системы отраслей, а также особенностей правовых институтов.

В романо-германской системе традиционно проводится чёткое разграничение публичного и частного права. В англосаксонской традиции такое деление менее выражено, а институциональное развитие во многом связано с судебной системой.

Некоторые классификации учитывают идеологические основы права, включая религиозные, философские и политические ценности. Например, социалистическая правовая система базировалась на марксистско-ленинской доктрине и особом понимании роли государства в регулировании общественных отношений.

Литература:

1. Давид Рене Р. Основные правовые системы современности. — М.: Прогресс, 1988.
2. Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. — М.: Международные отношения, 2000.
3. Саидов А. Х. Сравнительное правоведение. — М.: Норма, 2012.
4. Марченко М. Н. Теория государства и права. — М.: Проспект, 2019.
5. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства. — М.: Норма, 2004.
6. Тихомиров Ю. А. Правовые системы современности. — М.: Юристъ, 2007.
7. Осаке К. Сравнительное правоведение: методология и типология правовых систем. — М.: Волтерс Клувер, 2008.

Распространение общего права по всему миру

Дорохин Олег Романович, студент магистратуры

Научный руководитель: Соловьева Виктория Викторовна, доктор исторических наук, профессор
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал

В статье анализируется исторический процесс формирования и глобального распространения системы общего права, возникшей в средневековой Англии. Рассматриваются колониальные, институциональные и функциональные механизмы рецепции судебного прецедента в различных регионах мира, а также трансформация общего права в условиях правовой глобализации.

Ключевые слова: общее право, судебный прецедент, правовая семья, рецепция права, колониализм, смешанные правовые системы, правовая глобализация.

Система общего права является одной из ведущих правовых традиций современности. Возникнув в средневековой Англии, она со временем вышла за пределы национального правового порядка и превратилась в глобальное правовое явление. В настоящее время элементы общего права действуют в десятках государств на разных континентах, оказывая влияние не только на национальные системы, но и на международное коммерческое право.

Распространение общего права связано прежде всего с историей Британской империи, однако его дальнейшая эволюция обусловлена более сложными процессами — институциональной адаптацией и судебной практикой.

Общее право сформировалось в XII–XIII веках в Англии как результат деятельности королевских судов. В период правления Генрих II была создана система централизованного правосудия, обеспечившая единообразие судебной практики на всей территории королевства [8].

Особенностью общего права стало признание судебного решения в качестве источника права. Прецедент, закреплённый в судебной практике, приобретал обязательную силу для последующих аналогичных дел. Таким образом, право формировалось эволюционно, через судебное толкование и развитие доктрины [1].

В отличие от романо-германской традиции, основанной на кодифицированных актах, общее право характеризуется казуистичностью, прецедентной техникой и особой ролью судебной власти.

Распространение общего права в мировом масштабе тесно связано с колониальной политикой Великобритании. В колониях создавались суды, действовавшие по английским процессуальным стандартам, а решения высших британских судебных органов обладали авторитетом. Высшей апелляционной инстанцией для многих территорий выступал Судебный комитет Тайного совета, что обеспечивало единообразие толкования норм. В XVII–XIX веках английские правовые институты были внедрены в колониях в Северной Америке, Азии, Африке и Океании.

Правовая рецепция осуществлялась двумя основными способами:

1. Прямым переносом английского законодательства и судебной системы.

2. Адаптацией английских норм к местным условиям.

В колониях устанавливались суды, действовавшие по английским процессуальным правилам, а решения высших английских судебных органов имели авторитет для колониальных инстанций.

После обретения независимости США сохранили основу английского общего права, модифицировав её в соответствии с конституционными принципами федерализма и разделения властей.

В США прецедентная система получила дальнейшее развитие. Решения Верховного суда стали источником

конституционного толкования и сыграли особую роль в формировании судебного конституционного контроля [2].

В таких странах, как Канада и Австралия, общее право было принято практически в полном объёме. Однако со временем каждая из этих стран выработала собственную судебную практику, сохранив при этом прецедентный характер правовой системы.

В Индии английское право взаимодействовало с местными религиозными и обычными нормами. В результате сформировалась смешанная правовая система, сочетающая элементы общего права и традиционного регулирования.

В государствах Африки общее право также интегрировалось в национальные правовые порядки, однако его применение часто ограничивалось сферой публичного управления и коммерческих отношений, сосуществуя с обычным правом местных общин [6].

Распространение общего права не означало механического копирования английской модели. В большинстве государств происходила институциональная адаптация — изменение судебной структуры, перераспределение полномочий и интеграция прецедента в национальную правовую систему.

В ряде стран сформировались смешанные правовые системы, объединяющие элементы общего и континентального права. Это свидетельствует о гибкости прецедентной модели и её способности к взаимодействию с иными юридическими традициями.

В современный период влияние общего права выходит за пределы бывших британских колоний. Англо-американская правовая модель активно используется в международной торговле, корпоративном регулировании и финансовом праве.

Английское право нередко выбирается сторонами международных контрактов в качестве применимого права благодаря предсказуемости судебной практики и развитости доктрины прецедента.

Кроме того, судебные решения высших судов стран общего права оказывают транснациональное влияние, формируя своего рода «глобальный юридический диалог» [4].

Начавшись как результат централизации судебной власти в средневековой Англии, общее право получило развитие в эпоху колониальной экспансии и продолжилось в форме добровольной рецепции и экономической адаптации.

В современных условиях общее право переросло в транснациональную правовую традицию, оказывающую влияние на национальные и международные правовые порядки. Его устойчивость обусловлена институциональной гибкостью, развитой прецедентной практикой и способностью к взаимодействию с иными правовыми системами.

Литература:

1. Уотсон А. Правовые трансплантаты: Подход к сравнительному правоведению. — М.: Норма, 2000.
2. Бейкер Дж. Г. Введение в историю английского права — М.: Прогресс, 1993.
3. Дайси А. В. Введение в изучение конституционного права — М.: Юридическая литература, 1987.
4. Гленн Г. П. Правовые традиции мира — М.: Статут, 2013.
5. Решетников Ф. М. Правовые системы стран мира. — М.: Норма, 2001.
6. Чиркин В. Е. Конституционное право зарубежных стран. — М.: Норма, 2015.
7. Комаров С. А. Общая теория государства и права. — М.: Юрайт, 2017.
8. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства. — М.: Норма, 2013.

Правовой статус судьи в отставке в Российской Федерации

Еронов Евгений Русланович, студент

Научный руководитель: Гаджиев Вугар Эдвар оглы, кандидат юридических наук, заместитель зав. кафедрой
Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Иркутск)

В статье автор исследует правовой статус судьи в отставке в Российской Федерации. Особое внимание уделено комплексному подходу российского законодателя к вопросам социальной защищённости и материального обеспечения судей, завершивших активную карьеру. Освещаются ключевые аспекты сохранения звания судьи, гарантии личной неприкосновенности и участия в профессиональном сообществе после ухода в отставку. В заключении подчёркивается необходимость регулярного обновления нормативных актов, обеспечивающих своевременную адаптацию к изменениям современной действительности и поддержку эффективного функционирования судебной системы.

Ключевые слова: правовой статус, судья, отставка, социальная защищённость, неприкосновенность, судебная система.

Правовая регламентация статуса судьи в отставке играет ключевую роль в обеспечении эффективной работы судебной системы Российской Федерации. Согласно российскому законодательству, судья в отставке обладает особым правовым статусом, регламентируемым специальным нормативно-правовым актом — Законом РФ «О статусе судей в Российской Федерации» [1].

Вопросы, касающиеся материального и социального обеспечения бывших судей, гарантируют стабильность функционирования судебной ветви власти и защищают интересы судейского корпуса [4].

Отставка судьи в российском законодательстве рассматривается как почетный уход или почетное удаление с должности. Согласно действующему законодательству, за лицом, находящимся в отставке, сохраняется звание судьи, гарантия личной неприкосновенности и принадлежность к судейскому сообществу. Так сохраняется авторитет бывшего судьи в кругу специалистов, даже после завершения судебной деятельности.

Также отметим, что ключевым аспектом правового статуса судьи в отставке, является социальная и материальная поддержка. Им предоставляется выходное пособие, которое рассчитывается на основе их последнего ежемесячного денежного вознаграждения и срока службы. Также предусмотрена компенсация расходов на общественный транспорт. В статье 15 указано, что судья, пребывающий в отставке, имеет право на получение

пенсии по общим правилам или, при стаже не менее 20 лет, на ежемесячное пожизненное содержание, в размере 80 % их прежнего вознаграждения. Если стаж меньше, то выплаты регулируются пропорционально количеству полных лет работы в должности судьи.

Все эти меры призваны гарантировать достойный уровень жизни после завершения профессиональной деятельности, что в свою очередь укрепляет престиж и доверие к судебной власти.

Важно отметить, что действующее законодательство устанавливает ряд требований, которые отставной судья должен соблюдать, чтобы сохранить свой статус. Такие меры необходимы для предотвращения злоупотребления правом на отставку и способствуют поддержанию высокого морального облика судейского корпуса.

Рассмотрим пример судебной практики о Прекращение полномочий судей по пп.9 п.1 ст.14 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» за совершение поступков, позорящих честь и достоинство судьи или умаляющих авторитет судебной власти.

Решением ККС Московского окружного военного суда прекращены полномочия судьи Г. Курского гарнизонного военного суда. Находясь в командировке в г. Белгороде с 4 по 8 сентября 2000 г, судья Г. систематически пьянствовал, в связи с чем был вынужден объявлять длительные перемены и не смог в запланированное время завершить рассмотрение уголовного дела по обвинению О. В этот же

период судья Г. допускал грубые оскорбительные высказывания в адрес секретаря судебного заседания, которая отказалась распивать вместе с ним спиртные напитки и пыталась пресечь его недостойное поведение. Кроме того, судья Г. допустил умышленное нарушение норм ГПК РСФСР. В частности, по нескольким гражданским делам он выносил решения, не проводя судебного разбирательства, изготавливая по ним фальсифицированные протоколы судебных заседаний.

В своей жалобе судья Г. оспаривает приведенные в решении выводы и ставит вопрос о его отмене. ВККС РФ признала доводы Г. необоснованными, жалобу оставила без удовлетворения, а решение ККС Московского окружного суда — без изменения.

Решением ККС Рязанской области прекращены полномочия судьи Рязанского областного суда Е. по пп. 9 п.1 ст. 14 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» и отказано в прекращении полномочий по пп.1 п.1 ст. 14 того же закона (уход в отставку). В решении указано, что Е. злоупотреблял алкоголем, появлялся на работе в нетрезвом состоянии (в частности, 20.02.02 г., о чем составлен акт). Кроме того, судья Е. нарушал сроки сдачи в канцелярию дел, доложенных им в кассационной инстанции.

ВККС РФ отклонила жалобы судьи Е. и оставила без изменений решение ККС Рязанской области [5].

Отметим, что особое значение приобретает защита неприкосновенности судьи, находящего в отставке. Это положение закреплено в статье 16 Закона о статусе судей в Российской Федерации. Оно подразумевает запрет на привлечение судьи к уголовной или административной ответственности за действия, совершенные при выпол-

нении профессиональных обязанностей, если они не были связаны с коррупцией или преступным злоупотреблением властью. Подобная мера направлена на защиту судей от необоснованных нападков и поддерживает независимость судебной власти.

Отдельного внимания заслуживает регулирование пенсионного обеспечения судей в отставке. Российское законодательство предусматривает различные варианты начисления пенсий и денежных довольствий бывшим судьям, зависящие от продолжительности их работы в должности и качества исполнения обязанностей. Для тех, кто работал в сложных климатических регионах страны, предусмотрена повышенная ставка, что отражает заботу государства о судьях, чьи профессиональные обязанности связаны с особыми условиями труда.

Актуальным является вопрос и о восстановлении деятельности судьи после его отставки, при прекращении им, например, адвокатской практики. В силу особенного статуса судей, на них распространяются и особые требования даже после отставки, например, судьи не могут занимать должности следователя, прокурора. Не могут заниматься нотариальной или адвокатской практикой [3].

Таким образом, российский законодатель создал сложную и многоуровневую систему правовых норм, регулирующих статус судьи в отставке. Эта система служит гарантией стабильности судебной власти, защищает профессиональный корпус судей и укрепляет доверие населения к институту правосудия. Регулярное обновление законодательства позволяет адаптировать нормы к новым условиям и современным реалиям, обеспечивая эффективность судебной системы в целом.

Литература:

1. Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26.06.1992 N 3132-1 (последняя редакция). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/?ysclid=mljlsirt4u713054136 (дата обращения: 12.02.2026)
2. Горбунов, С. В. Приостановление, прекращение полномочий и отставки судьи как последствия преследования / С. В. Горбунов // Международный научный журнал «ВЕСТНИК НАУКИ». — 2023. — Т. 2. — № 6 (63). — С. 376–385.
3. Малыхина, Т. А. Вопросы, связанные с правовым статусом судьи в отставке / Т. А. Малыхина, А. А. Забелин // «Мировая наука». — 2024. — № 6(87). — С. 80–84.
4. Полякова, Е. О. Правовой статус судьи в РФ / Е. О. Полякова // Молодой ученый. — 2020. — № 15 (305). — С. 233–235.
5. Судебная практика Прекращение полномочий судей по пп.9 п.1 ст.14 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» — URL: <https://vkks.ru/publication/177/?ysclid=mljld2vlum915025333> (дата обращения: 11.02.2026)

Признание права как самостоятельный способ защиты права собственности на жилое помещение

Казаченко Светлана Викторовна, студент магистратуры
Международный юридический институт (г. Москва)

В статье рассмотрены особенности объекта права собственности на жилое помещение, понятие и сущность защиты права собственности, проанализированы две основные группы способов защиты права собственности на жилище, их содержание и особенности правовой реализации. Автором приведены аргументы необходимости введения

в правовой гражданский оборот самостоятельного вида исков — исков о признании права на жилые помещения, что обеспечит более эффективное применение норм гражданского законодательства и единообразие судебной практики по делам о защите права собственности на жилые помещения.

Ключевые слова: жилое помещение, право собственности на жилье, содержание и способы защиты права собственности, vindикационный иск, негативный иск и признание права как самостоятельный способ защиты права.

Recognition of right as an independent method of protection of the right of ownership of residential premises

Kazachenko Svetlana Viktorovna, master's student
International Law Institute (Moscow)

This article examines the specifics of residential property rights, the concept and nature of property rights protection, and analyzes two main groups of methods for protecting residential property rights, their content, and the specifics of their legal implementation. The author argues for the introduction of a separate type of claim into civil law—claims for recognition of rights to residential premises—which will ensure more effective application of civil law and uniformity in judicial practice in cases protecting residential property rights.

Keywords: residential premises, residential property rights, content and methods of protecting property rights, vindicatory action, negatory action, and recognition of rights as an independent method of protecting rights.

Право на жилище относится к числу фундаментальных конституционных прав человека. Жильё является высшей ценностью, без которой невозможна нормальная жизнедеятельность и развитие общества. Оно обеспечивает условия для отдыха, труда, творчества, создания семьи и рождения детей, выступая необходимым элементом достойной и полноценной жизни.

Жилые помещения, являясь объектами гражданского права, одновременно служат гарантией реализации конституционного права граждан на жилище.

С одной стороны, жилое помещение представляет собой вещь, обладающую безусловной экономической ценностью, а с другой — жизненно необходимое условие удовлетворения базовых потребностей человека. Этот дуализм обусловил развитие различных подходов к регулированию правоотношений в жилищном и гражданском законодательстве [14, с. 43].

В Гражданском кодексе РФ институт права собственности и иные вещные права систематизированы в Разделе II «Право собственности и иные вещные права» [2].

Жилые помещения относятся к категории недвижимых вещей и подразделяются на жилой дом, часть жилого дома, квартиру, часть квартиры и изолированную комнату [4]. Право собственности на них выступает основой жилищных правоотношений, в рамках которых собственник предоставляет третьим лицам определённый правовой статус.

Сущность господства собственника над вещью выражается в возможности осуществлять правомочия владения, пользования и распоряжения в пределах, установленных законом. Особенности права собственности на жилые помещения определяются спецификой самого объекта права собственности. Так, П. В. Крашенинников отмечал, что жилые помещения представляют собой сложные объекты, состоящие из взаимосвязанных эле-

ментов, что определяет специфику реализации права собственности в данной сфере [10, с. 207].

Право собственности есть совокупность прав владения, пользования и распоряжения имуществом, которые собственник осуществляет по своему усмотрению, неся при этом бремя содержания имущества и риск его случайной гибели.

Закрепленное Конституцией РФ (ст. 35) право граждан на жилище охраняется законом и реализуется через институт собственности на жилые помещения.

Конституционное закрепление права собственности предполагает не только признание данного права за гражданами, но и обязанность государства обеспечить его реальную защиту. В противном случае право собственности утратило бы своё содержание, становясь формальной декларацией. На это обращал внимание В. П. Грибанов, подчёркивая, что отсутствие эффективных средств защиты превращает субъективное право в номинальную норму [7, с. 215].

Функции охраны и защиты права собственности реализуются целым комплексом отраслей права: конституционным, гражданским, уголовным, административным, жилищным, семейным и другими. Однако наиболее значимым является гражданско-правовой механизм, поскольку именно он включает систему способов защиты вещных прав.

М. В. Петрова определяет защиту права собственности как систему гражданско-правовых средств, обеспечивающих реализацию правомочий владения, пользования и распоряжения имуществом [12, с. 62].

В то же время А. И. Базилевич акцентирует внимание на том, что охрана права собственности — это предупредительная деятельность государства и общества, направленная на соблюдение прав. Если же они нарушены речь идёт именно о защите прав [5, с. 88].

Л. В. Тихонравов развивает данную мысль, утверждая, что охрана связана с предотвращением риска нарушения, а защита предполагает применение юридических мер в ответ на уже совершённое нарушение [16, с. 518].

С данным подходом согласуется позиция Б. М. Гонгало, который трактует охрану как действие норм гражданского права в условиях нормального использования имущества, без нарушения прав третьих лиц, а защиту — как применение санкций в случае нарушения права [6, с. 375].

Под защитой права собственности на жилые помещения следует понимать совокупность гражданско-правовых мер, направленных на восстановление нарушенных или оспариваемых прав собственника.

А. П. Сергеев обоснованно указывает, что защита права собственности является фундаментальной категорией гражданского и гражданско-процессуального права, поскольку именно она определяет границы применения гражданско-правовых санкций при нарушении субъективных прав [15, с. 811]. Конституция РФ в статье 46 гарантирует каждому право на судебную защиту [1].

В современной доктрине выделяют две основные группы способов защиты права собственности на недвижимость: вещно-правовые и обязателственно-правовые, которые направлены на пресечение нарушений, устранение их последствий, а также восстановление нарушенного права, выполняя при этом обеспечительную функцию, то есть предупреждают дальнейшее нарушение права и устраняют уже возникшие негативные последствия.

Разграничение данных способов осуществляется по характеру правоотношений между управомоченным и обязанным субъектами. Вещно-правовые способы направлены на защиту абсолютного права собственности от неправомерных посягательств третьих лиц, в то время как обязателственно-правовые применяются в случаях, когда нарушение права возникает из обязателственных отношений.

Средством защиты выступает иск, а право выбора способа принадлежит исключительно собственнику [9, с. 27].

Вещно-правовые способы защиты выполняют задачу непосредственной охраны нарушенного или оспариваемого права собственности. Основными формами выступают: виндикационный иск — требование о возврате утраченного владения жилым помещением (ст. 301 ГК РФ); негаторный иск — требование об устранении препятствий в пользовании и распоряжении жилым помещением (ст. 304 ГК РФ).

Обязателственно-правовые способы защиты, напротив, применимы при нарушении обязательств — неисполнении или ненадлежащем исполнении договорных условий. В отличие от вещно-правовых, они чаще направлены не на возврат жилого помещения в натуре, а на компенсацию убытков, возмещение ущерба либо исполнение договорных обязательств.

Таким образом, ключевое различие между указанными способами заключается в том, что вещно-правовые спо-

собы направлены на защиту абсолютного права собственности в отношении конкретного жилого помещения как индивидуально-определённой вещи, а обязателственно-правовые — на защиту конкретного имущественного интереса в рамках обязателственных связей.

По мнению Н. С. Потапенко и А. В. Зарубина деление способов гражданско-правовой защиты на вещно-правовые и обязателственно-правовые является наиболее полным и отражает весь спектр возможных гражданских правоотношений [8, с. 151].

В свою очередь, Т. Р. Мухтасарова выделяет три ключевых вещно-правовых способа защиты: виндикационный, негаторный и иск о признании права собственности [11, с. 80].

Законодатель в главе 20 Гражданского кодекса РФ закрепляет два основных вещно-правовых способа защиты — посредством обращения в суд с виндикационным иском (ст. 301) или негаторным иском (ст. 304).

Виндикационный иск представляет собой требование собственника к незаконно владеющему несобственнику о возврате жилого помещения [3]. Его применение возможно при сохранении помещения в натуре, наличии индивидуально-определённых признаков и отсутствие обязателственных отношений между сторонами. Цель данного иска — восстановление владения, а предметом защиты выступает правомочие владения.

Судебная практика показывает, что подобные споры чаще всего возникают при отчуждении жилого помещения лицом, не имеющим права его продавать. В таких ситуациях Верховный Суд РФ подтверждает возможность предъявления виндикационного иска об истребовании имущества.

Негаторный иск, напротив, используется в случаях, когда собственник сохраняет владение, но его права пользования или распоряжения ограничены третьими лицами. Данный иск направлен на устранение препятствий, мешающих нормальному осуществлению правомочий собственника, и может быть заявлен как собственником, так и иным титульным владельцем.

Таким образом, негаторный иск является эффективным инструментом защиты права собственности на жилое помещение, позволяющим собственнику пресекать незаконные действия третьих лиц, не теряя фактического владения объектом недвижимости.

Одной из нерешённых проблем гражданско-правового регулирования в сфере защиты права собственности на жилые помещения остаётся отсутствие в законодательстве третьего вида исков, который, несмотря на это, широко используется в судебной практике — *иски о признании права собственности на жилое помещение*.

Правовая природа данного иска остаётся дискуссионной. Отсутствие прямой регламентации в законодательстве порождает неоднозначность в правоприменительной практике, и как следствие, снижает предсказуемость исхода судебных споров. Вместе с тем, в современной юридической доктрине всё более утверждается позиция, согласно которой иск о признании права собственности

следует рассматривать как «самостоятельный вещно-правовой способ защиты». Его назначением является констатация судом наличия у лица субъективного права собственности для устранения сомнений, предотвращения возможных нарушений и восстановления правовой определённости. Признание права собственности может быть реализовано только в судебном порядке.

Представляется целесообразным законодательно закрепить наряду с виндикационным и негаторным исками третий вид вещно-правового иска — иск о признании права собственности на жилое помещение. Это позволило бы унифицировать судебную практику и повысить степень правовой защиты участников гражданского оборота.

Признание права собственности как самостоятельный способ защиты применяется при наличии двух условий: существование юридического факта, на основании которого истец вправе считаться собственником спорного объекта и доказанность данного факта в судебном порядке.

Особенность данного способа защиты заключается в том, что он не направлена на возврат имущества или устранение препятствий в пользовании им, а лишь устанавливает факт принадлежности права собственности определённому лицу. Истцом по таким делам выступает собственник или титульный владелец, чьи права оспариваются либо не признаются другими лицами.

Суд, рассматривая подобный иск, не формирует право собственности заново, а лишь констатирует уже существующее у истца право. Таким образом, цель такого иска — не создание нового права, а подтверждение его наличия и устранение правовой неопределённости.

Система способов защиты права собственности на жилые помещения носит универсальный характер и позволяет учитывать специфику конкретных ситуаций, обеспечивает защиту нарушенного или оспариваемого права, в самых различных ситуациях, включая случаи неправомерного отчуждения имущества лицом, не обладающим полномочиями на распоряжение.

Суды исходят из того, что обращение с иском о признании права собственности необходимо, когда само наличие права подвергается сомнению, оспаривается, отрицается, создаёт препятствия для его использования или возникает реальная угроза подобных действий. Истцами по таким делам выступают собственники, чьё право оспаривается или не признаётся другими лицами. Ответ-

чиками соответственно, становятся те третьи лица, которые заявляют свои права на жилое помещение либо прямо отказываются признать за истцом вещное право на имущество.

Необходимыми доказательствами по таким делам являются: наличие у истца права собственности и законность основания его возникновения; отсутствие обязательственных отношений с ответчиком, кроме связанных с самим имуществом; факт существования имущества на момент рассмотрения дела и нахождение его во владении истца. Недоказанность любого из указанных обстоятельств влечёт отказ суда в удовлетворении требований.

Признание права собственности представляет собой особый вид вещно-правовой защиты, направленный на устранение неопределённости и предупреждение возможных нарушений [13, с. 97].

Анализ законодательной и судебной практики позволяет сделать вывод, что защита права собственности на жилые помещения представляет собой комплекс гражданско-правовых средств, включающих: вещно-правовые способы (виндикационный, негаторный и иск о признании права собственности), обязательственно-правовые способы (взыскание убытков, компенсация морального вреда, понуждение к исполнению обязательства).

Их разграничение основывается на характере нарушенного права и особенностях правоотношений между сторонами. Вещно-правовые способы обеспечивают восстановление нарушенного права собственности, тогда как обязательственно-правовые — направлены преимущественно на компенсацию убытков.

Итак, система гражданско-правовых способов защиты права собственности на жилые помещения должна рассматриваться как универсальный механизм, обеспечивающий восстановление нарушенного права, устранение препятствий в его осуществлении и укрепление правовой определённости в жилищной сфере.

Актуальность рассматриваемого вопроса подтверждается большим количеством споров, связанных с защитой прав собственности на жилые помещения, что требует дальнейшего совершенствования гражданского законодательства по устранению пробелов и повышению единообразия судебного толкования норм, регулирующих отношения по поводу защиты права собственности на жилые помещения.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации [: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 № 1-ФКЗ, с изм., от 04 октября 2022 № 8-ФКЗ) Текст] // Рос. газета. — 1993. — 25 дек.; СЗ РФ. — 2020. — № 11, ст. 1416; 2022. — № 41, ст. 6933.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изм. и доп. от 31 июля 2025 г., № 178-ФЗ) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01 августа 2025 г.) // СЗ РФ. — 1994. — № 32, ст. 3301; 2025. — № 26 (ч. I), ст. 3508.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (с изм. и доп. от 24 июня 2025 г., № 178-ФЗ) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01 августа 2025 г.) // СЗ РФ. — 1996. — № 5, ст. 410; 2025. — № 26 (ч. I), ст. 4398.

4. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (с изм. и доп. от 29.12.2025 г., № 529-ФЗ) // СЗ РФ. — 2005. — № 1 (ч. 1), ст. 14; 2025. — № 52 (ч. 1), ст. 8316.
5. Базилевич, А. И. Формы защиты субъективных гражданских прав: дис. ...канд. юрид. наук [Текст] / А. И. Базилевич. — Ульяновск, 2001. — 205 с.
6. Гонгало Б. М. Гражданское право: учебник [Текст] / Б. М. Гонгало, О. Г. Алексеева, М. М. Валеев. — М.: Статут, 2023. — 622 с.
7. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав: монография / В. П. Грибанов. — М.: Статут, 2020. — 414 с.
8. Зарубин А. В., Потапенко С. В., Соловьев В. Н. Гражданско-правовые способы защиты права собственности на недвижимое имущество / под ред. В. Н. Соловьева. — М., 2012. — с. 151.
9. Косарева Н. Б. Жилищные гарантии при реализации проектов комплексного развития территорий жилой застройки // Закон. 2023. № 3, с. 27–40.
10. Крашенинников П. В. Жилищное право / П. В. Крашенинников. — М.: Статут, 2020. — 432 с.
11. Мухтасарова Т. Р. Вещные права и правовые способы защиты права собственности на недвижимое имущество [Текст] / Т. Р. Мухтасарова // Образование и право. — 2017. — № 1. — С. 74–81.
12. Петрова М. В. Система защиты права собственности в современном гражданском праве: дис. ...канд. юрид. наук [Текст] / М. В. Петрова. — Краснодар, 2007. — 177 с.
13. Подшивалов Т. П. Защита вещных прав: итоги / Подшивалов Т. П. // Вестник гражданского права. 2024. № 6, с. 92–104.
14. Селиванова Е. С. Часть жилого помещения как объект гражданских и жилищных прав / Е. С. Селиванова // Семейное и жилищное право. — 2020. — № 5. — С. 42–45.
15. Сергеев А. П. Гражданское право: учебник в 3 т. / А. П. Сергеев // М.: Проспект. 2021. т.1, с. 811.
16. Тихонравов Л. В. Отличие права интеллектуальной собственности от права собственности и особенности его защиты по действующему гражданскому законодательству / Л. В. Тихонравов // Правозащитная деятельность в современной России: проблемы и их решение. СПб.: 2016, с. 518.

Эскроу-счета в договоре строительного подряда в РФ

Каравайцев Сергей Александрович, студент магистратуры
Среднерусский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Орел)

Статья посвящена вопросам, связанным с договором строительного подряда и введением эскроу-счетов в договорное строительство.

Ключевые слова: строительный подряд, эскроу-счета, подрядчик, банковская ячейка.

Последние десятилетия изобилуют трагическими историями обманутых дольщиков, чьи судьбы пошатнули доверие народа к строительным компаниям. Однако, чтобы навести порядок в сфере купли-продажи недвижимости, был внедрен специальный механизм защиты.

«Эскроу-счёт» (англ. escrow) — специальный условный счёт, на котором учитываются имущество, документы или денежные средства до наступления определённых обстоятельств или выполнения определённых обязательств.

Обычно применяется для исполнения трёхстороннего договора, который заключён между участниками: продавцом, покупателем и третьей стороной (банком или иной организацией). Последний выполняет функцию доверительной стороны и гаранта.

Эскроу-счет: надежный щит для сделок с недвижимостью

В мире купли-продажи, где ставки высоки, а риски неизбежны, эскроу-счет выступает в роли верного стража, призванного оберегать интересы всех участников. Это не просто банковский счет, а целый механизм, призванный минимизировать угрозы при заключении сделки. Традиционно в игре участвуют двое — покупатель и продавец, но в случае с эскроу возникает третий, не менее важный игрок — банк.

Для каждой из сторон есть свои термины:

Бенефициар: тот, чьи ожидания материализуются в виде денежных поступлений. В контексте недвижимости — это застройщик или продавец, получающий завершенное вознаграждение.

Депонент: тот, кто с надеждой вносит средства, закладывая фундамент будущей сделки. Это, разумеется, покупатель, вкладывающий деньги в свою мечту о собственном жилье.

Эскроу-агент: беспристрастный арбитр, банк, который не только предоставляет сторонам отдельный, неприкосновенный счет, но и становится гарантом всей сделки. Его миссия — бдительно следить за тем, чтобы все условия договора были исполнены безукоризненно.

Почему эскроу-счет — ваш лучший союзник?

Налоговые льготы: проценты по ипотеке, уплаченные с использованием эскроу-счета, могут стать основой для получения налогового вычета — приятный бонус к вашей инвестиции.

Профессиональная оценка: банк проводит тщательную аккредитацию подрядчика, исследуя его финансовую стабильность, юридическую чистоту документов и репутацию на строительном поприще. Это своего рода фильтр качества, защищающий вас от недобросовестных исполнителей.

Гарантия возврата: в случае, если подрядчик не сможет выполнить свои договорные обязательства, средства, размещенные на эскроу-счете, будут возвращены покупателю. Это незыблемая гарантия вашей финансовой безопасности.

Не каждая покупка квартиры требует открытия эскроу-счета. Иногда в ход идут банковские ячейки или аккредитивы. Эта вариативность, к сожалению, может посеять путаницу в умах покупателей новостроек. Давайте прольем свет на различия между этими тремя инструментами.

Банковская ячейка: Представьте себе сейф, куда помещаются наличные деньги, ожидающие своего часа. Ячейку, как правило, арендует покупатель. Ее главная особенность — предназначение исключительно для физических лиц. Весь процесс передачи средств происходит вне законодательного поля, что делает этот способ неприемлемым для юридических лиц, к которым относятся и застройщики.

Аккредитив: Здесь банк берет на себя обязательство перевести средства клиента второй стороне лишь после безусловного выполнения ею своих договорных обязательств. Этот инструмент часто используют бизнесмены при работе с новыми, еще не проверенными контрагентами. Например, оптовый покупатель может попросить банк «заморозить» средства до тех пор, пока продавец документально не подтвердит поставку всего оговоренного объема товара. Важно отметить: аккредитив не может быть использован при покупке квартиры по договору долевого участия (ДДУ), и в этом его ключевое отличие от эскроу.

Формально, приобрести квартиру у застройщика без использования эскроу-счета возможно. Однако это допускается лишь при условии, что дом готов не менее чем на 30 %. В такой ситуации застройщик получает право при-

влекать для завершения строительства средства дольщиков, а не банковские кредиты.

Внедрение механизма эскроу-счетов в сферу договорного строительства стало одним из ключевых изменений последнего десятилетия, призванных оградить права участников долевого строительства и усилить прозрачность рынка. Имея глубокое понимание этого вопроса, могу уверенно заявить, что эскроу-счета революционизируют взаимоотношения между сторонами договора и модели финансирования строительных проектов.

Суть данного нововведения заключается в привлечении банка (выступающего в роли эскроу-агента) как нейтрального посредника. Этот банк собирает средства дольщиков и передает их застройщику только после выполнения определенных условий, чаще всего — ввода объекта в эксплуатацию. Таким образом, минимизируются риски, связанные с возможными недобросовестными действиями застройщика или его финансовой несостоятельностью, гарантируя либо возврат средств, либо завершение строительства.

Уровень проработки данной темы в профессиональном сообществе и юридической литературе можно охарактеризовать как высокий и продолжающий развиваться. В настоящее время активно исследуются следующие направления:

Правовые аспекты: подробная регламентация договоров эскроу, их взаимосвязь с договорами долевого участия, формирование судебной практики.

Экономические последствия: влияние на инвестиционную привлекательность строительной отрасли, трансформация схем финансирования, роль кредитных организаций в строительном бизнесе.

Практические сложности: процессы автоматизации, технические вызовы, взаимодействие всех участников (дольщика, застройщика, банка), вопросы управления рисками.

Эскроу-счета представляют собой не просто финансовый инструмент, а сложную систему, требующую всестороннего анализа. Их внедрение, несмотря на первоначальные трудности, значительно повысило безопасность инвестиций в жилищное строительство и способствовало стабилизации рынка.

В строительном бизнесе Российской Федерации эскроу-счета играют все более значимую роль, трансформируя привычные схемы расчетов между заказчиками и исполнителями. Этот инструмент, изначально получивший распространение в долевом строительстве, закономерно нашел свое применение и в договорах строительного подряда, предлагая новый уровень безопасности и прозрачности для обеих сторон.

В основе механизма эскроу-счета лежит принцип условного депонирования денежных средств. Заказчик, заключая договор строительного подряда, перечисляет оговоренную сумму не напрямую подрядчику, а на специальный счет в банке-эскроу-агенте. Эти средства до момента выполнения подрядчиком своих обязательств на-

ходятся под контролем банка, что исключает риск их нецелевого использования или потери в случае финансовых проблем одной из сторон.

Данный подход кардинально меняет баланс интересов. Для заказчика это гарантия того, что его деньги будут направлены именно на выполнение строительных работ, а не на другие нужды подрядчика. В случае же неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств подрядчиком, заказчик имеет право на возврат депонированных средств, что минимизирует его финансовые риски.

С другой стороны, для добросовестного подрядчика эскроу-счет выступает как надежная гарантия оплаты по факту выполненных работ. Банк-эскроу-агент осуществляет выдачу средств подрядчику только после представления им документов, подтверждающих выполнение определенных этапов или всего объема работ, предусмотренных договором. Это снижает вероятность возникновения споров и неоплаты, стимулируя подрядчика к своевременному и качественному выполнению своих обязательств.

Внедрение эскроу-счетов в практику строительного подряда в РФ является важным шагом на пути к повы-

шению устойчивости строительного рынка, снижению уровня конфликтности и укреплению доверия между участниками отношений. Этот механизм, безусловно, требует дальнейшего правового регулирования и адаптации, но его потенциал для создания более предсказуемой и безопасной среды для ведения строительного бизнеса неоспорим.

Эскроу-счета стали закономерным ответом на острую проблему обманутых дольщиков, которые зачастую оставались без жилья и с финансовыми обязательствами. Это позволило почти полностью решить указанную проблему, существенно снизив риски при покупке недвижимости.

Однако за повышение безопасности приходится платить: проектное финансирование для застройщиков стало дороже. Если раньше они использовали средства покупателей для строительства, то с введением эскроу-счетов им пришлось привлекать банковские кредиты и оплачивать проценты. Увеличение стоимости строительства привело к тому, что многие небольшие компании не смогли справиться с возросшей нагрузкой и покинули рынок.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020, и с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ // СЗ РФ. — 2020. — № 27. — Ст.4196.
2. Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2004 N 214-ФЗ (в ред. от 13.12.2024 № 475-ФЗ) // СЗ РФ. -2005.-№ 1. (Ч. I).-Ст. 41.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025 N 315-ФЗ) // www.pravo.gov.ru.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 12 августа 1996 г. № 110-ФЗ (ред. от 24.06.2025 N 178-ФЗ) // www.pravo.gov.ru.

Проблемы правового регулирования отношений по взысканию и уплате алиментов

Костина Ирина Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Панченко Римма Борисовна, кандидат юридических наук, доцент

Российский новый университет (г. Москва)

В работе представлено комплексное исследование проблем правового регулирования по взысканию и уплате алиментов в Российской Федерации. Автором исследованы природа и основания возникновения алиментных обязательств. Особое внимание уделено проблемам принудительного взыскания алиментов, механизмам ответственности за неуплату и способам защиты прав получателей алиментов.

Ключевые слова: алиментные обязательства, взыскание алиментов, уплата алиментов, ответственность за неуплату алиментов, семейное право, Семейный кодекс РФ, исполнительное производство.

Алиментные обязательства являются одним из важнейших институтов семейного права, который направлен на защиту прав и интересов наименее социально защищенных категорий граждан, в особенности несо-

вершеннолетних детей. Их социальную значимость невозможно оспорить, так как именно через механизм алиментов реализуется конституционный принцип защиты семьи, материнства, отцовства и детства [1].

Как указывает Паршина Е. А. в своей работе: «Одной из основных задач государства на современном этапе развития является защита семьи, материнства и детства. Государство берет на себя ответственность и заботу о благосостоянии всех своих граждан. Но особое внимание уделяется менее защищённым слоям населения. Это несовершеннолетние дети, инвалиды, пенсионеры — все те, кто не способен самостоятельно обеспечить себе достойный уровень жизни по ряду разных обстоятельств». [10, с. 153].

Ряд авторов трактуют алиментные обязательства по-разному. Например, Литвинова М. Г. в своих работах алименты определяет как практическое воплощение семейных обязательств, которые обеспечивают материальную поддержку внутри семьи [9, с. 33].

Иванов А. О. рассматривает алиментные обязательства как сложную структуру, которая имеет три основных элемента, а именно: субъект, объект, особенности содержания, которая возникает в различном порядке в зависимости от ситуации [7].

Данный автор отмечает, что объектом алиментного обязательства являются материальные блага, которые передаются в рамках исполнения обязательств, а субъектами являются лица, которые наделены правами и обязанностями в рамках обязательств, в данном случае это плательщик и получатель. Содержание же по мнению Иванова А. О. это совокупность прав и обязанностей сторон. Все три элемента тесно взаимосвязано.

По мнению Агапова С. В. алиментными обязательствами являются такие обязательства, которые обеспечивают получение средств на содержание всех несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи от трудоспособных и материально обеспеченных других её членов [6, с. 181].

Кузнецов И. П. считает, что алиментные обязательства являются не просто базовым юридическим инструментом получения денежных средств, а элементом социальной политики, который помогает достигать баланса в семейных взаимоотношениях, а также способствует снижению социального напряжения [8].

Таким образом, по мнению многих исследователей, алиментные обязательства являются ключевым компонентом социально-правовой защиты тех, кто нуждается в материальной поддержке.

Алиментные обязательства обладают рядом специфических признаков:

1. Они непередаваемы и не подлежат правопреемству;
2. Не предполагают встречного предоставления, а значит безвозмездны;
3. Носят длящийся характер, который действует до изменения юридических фактов;
4. Стороны ограничены в свободе усмотрения.

Нормативной базой регулирования алиментных отношений являются следующие акты:

1. Семейный кодекс Российской Федерации (СК РФ) [3];

2. Федеральный закон «Об исполнительном производстве» [5];

3. Кодекс об административных правонарушениях (КоАП РФ) [2];

4. Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) [4].

Согласно СК РФ алиментные обязательства возникают между следующими категориями граждан:

1. Между родителями и несовершеннолетними детьми, что отражено в ст. 80 СК РФ;

2. Между супругами, что представлено в ст. 89–90 СК РФ;

3. Между другими членами семьи, что подробно описано в ст. 93–97 СК РФ [3].

Основаниями для возникновения алиментных обязательств становится судебное решение о взыскании алиментов или нотариально удостоверенное соглашение об уплате алиментов.

При это стоит отметить, что право на алименты не возникает автоматически, оно возникает только при определенных условиях, например нетрудоспособность, нуждаемость или полное отсутствие средств к существованию.

Несмотря на детальное регулирование алиментных отношений в СК РФ, на практике возникает множество проблем, к которым относится:

1. Проблемы при определении размера алиментов;
2. Проблемы, возникающие при принудительном взыскании;
3. Проблема определения неустойки за просрочку и ответственности за неуплату алиментов;
4. Проблемы при составлении соглашений об уплате алиментов и сложности при внесении в них изменений.

Рассмотрим данные проблемы более подробно.

При определении размера алиментов возникают противоречия на уровне законодательства, так как в ст. 81 и 83 СК РФ представлено два варианта расчета: получение доли от дохода или твердая сумма, при этом отсутствуют четкие критерии выбора способа расчета. Помимо этого, нет полного перечня какие доходы стоит учитывать, например, не указаны способы взаимодействия с выплатами по samozанятости, дивидендам, получению арендной платы и так далее. Также важно отметить, что на законодательном уровне не учитываются индивидуальные аспекты, которые могли бы повлиять на размер выплат, к ним можно отнести: возраст детей, реальные потребности каждого конкретного ребенка, особенности здоровья и так далее.

Самыми острыми из представленных проблем являются те, которые возникают при принудительном взыскании, ведь несмотря на наличие механизмов исполнительного производства на практике часто затягиваются сроки возбуждения производств, существующие меры принудительного исполнения недостаточно эффективны, а также возникают сложности при установлении местонахождения должника и его имущества. Помимо этого, усложняется координацию между Федеральной службой судебных при-

ставов (ФССП), налоговыми органами и работодателями ввиду отсутствия единого реестра должников.

Несмотря на то, что законодательство предусматривает различные меры ответственности за неуплату алиментов от неустойки за просрочку до уголовной ответственности, всё равно существует проблемы отсутствия иерархии санкций, так как одно и то же деяние может повлечь за собой несколько видов ответственности без четкого механизма их сочетания, что дает должникам дополнительные основания для уклонения от алиментных обязательств.

В рамках составления нотариального соглашения об уплате алиментов существуют такие пробелы, как: отсутствие типовой формы соглашения из-за чего могут быть пропущены существенные условия, крайне сложно внести изменения в соглашения ввиду отсутствия регулирования данного факта на законодательном уровне.

Несмотря на приоритет интересов ребенка на государственном уровне, ввиду представленных проблем, получатели часто сталкиваются с длительными задержками выплат, невозможностью взыскать задолженность при банкротстве или сокрытию доходов, а также отсутствием компенсационных механизмов на случаи полной неплатежеспособности плательщика.

Для устранения представленных проблем и противоречий первоначально следует предпринять следующие действия:

1. Уточнить критерии определения размера на законодательном уровне. В данном случае следует ввести

минимальный гарантированный размер алиментов на каждого несовершеннолетнего или нуждающегося в зависимости от возрастных и индивидуальных особенностей, а также следует разработать четкую методику учета всех возможных видов доходов, включая неофициальные источники;

2. Усилить механизмы принудительного взыскания по средствам сокращения сроков возбуждения исполнительного производства, расширения перечня принудительных мер, а также рассмотреть возможность создания единого реестра должников для возможности дополнительных рычагов влияния на плательщиков;

3. Провести оптимизацию иерархии ответственности за уклонение от уплаты алиментов, данное направление может включать увеличение размера неустоек, создание четкой системы ответственности в зависимости от нарушения алиментных обязательств;

4. Усовершенствовать систему регулирования соглашений об уплате алиментов по средствам утверждения типовой формы соглашений, порядка его изменения и расторжения, а также установить презумпцию приоритета интереса ребёнка при толковании.

Таким образом, проблемы правового регулирования алиментных отношений носят системный характер и требуют комплексного решения, только это позволит превратить алиментные обязательства в реально работающий инструмент защиты прав несовершеннолетних и других нуждающихся лиц.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) (ред. от 04.10.2022).
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025).
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025).
5. Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 N 229-ФЗ (ред. 15.12.2025).
6. Агапов, С. В. Семейное право: учебник и практикум для вузов / С. В. Агапов. — Москва: Издательство Юрайт, 2022. — 264 с.
7. Иванов, А. О. Алименты в семейном законодательстве России // Государство и право. — 2022. — № 6. — С. 120–125.
8. Кузнецов, И. П. Семейное законодательство РФ: развитие и современные проблемы. — Казань: Центр Юридической Книги, 2023. — 404 с.
9. Литвинова, М. Г. Алименты: правовые основания и практика применения // Современное право. — 2023. — № 3. — С. 33–37.
10. Паршина, Е. А. Алиментное обязательство в Российской Федерации: понятие и признаки / Е. А. Паршина, И. А. Начетова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2025. — № 12 (563). — С. 153–154.
11. Платонов, А. И. Алиментные обязательства: понятие, виды и особенности / А. И. Платонов. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2025. — № 15 (566). — С. 293–296.

Право на судебное оспаривание нормативного правового акта

Костюшина Анастасия Евгеньевна, студент магистратуры
Научный руководитель: Байбарин Андрей Андреевич, кандидат юридических наук, доцент
Московский университет «Синергия»

В статье проводится комплексный анализ института судебного оспаривания нормативных правовых актов как ключевой конституционной гарантии защиты прав граждан и организаций. Рассматриваются теоретические аспекты и правовая природа данного института, его место в системе государственного контроля. Анализируются нормы, регулирующие процедуру нормоконтроля, и выявляются практические проблемы их применения, в частности, при определении круга субъектов, обладающих правом на иск, и при оспаривании актов, обладающих нормативными свойствами. При написании научной статьи были использованы издания периодической печати. В основу исследования положены такие методы, как обобщение, анализ, систематизация сбора данных.

Ключевые слова: судебное оспаривание, нормативный правовой акт, административное судопроизводство, судебный нормоконтроль, КАС РФ, защита прав, правовое государство, акты с нормативными свойствами, судебная практика.

Право на судебное оспаривание нормативного правового акта представляет собой сложный и многогранный институт, который выходит далеко за рамки простой процессуальной возможности обращения в суд, являясь, по сути, фундаментом современного правового государства и воплощением конституционного принципа, согласно которому государство ограничено правом и обязано подчиняться закону. Закрепленная в статье 46 Конституции Российской Федерации гарантия судебной защиты прав и свобод не просто декларирует доступность правосудия, но и наделяет каждого гражданина или объединение реальным инструментом воздействия на систему публичной власти, позволяя подвергать сомнению легитимность предписаний, исходящих от государства, если они вступают в противоречие с актами более высокой юридической силы [4, с.253].

Механизм судебного нормоконтроля выполняет критически важную функцию в системе сдержек и противовесов, поскольку он предотвращает возможность узурпации нормотворческих полномочий органами исполнительной власти и гарантирует, что любое ведомственное регулирование, будь то постановление правительства, приказ министерства или решение муниципального органа, остается в строгих рамках, очерченных Конституцией и федеральным законодательством.

Важность данного института в современной юридической доктрине и правоприменительной практике обусловлена тем, что нормативные правовые акты, в отличие от индивидуальных, распространяют свое действие на неопределенный круг лиц и рассчитаны на неоднократное применение, а значит, ошибка или произвол, допущенные при их принятии, могут повлечь за собой массовое нарушение прав граждан и дестабилизацию гражданского оборота, что делает судебную проверку таких актов вопросом не частного, а публичного интереса.

Сущность процедуры оспаривания заключается в скрупулезном юридическом анализе и сопоставлении оспариваемого документа с законодательными актами, обладающими верховенством в правовой иерархии, что позволяет

суду выявлять коллизии и устранять их путем признания незаконных норм недействующими, тем самым «очищая» правовое поле от дефектных элементов и обеспечивая единство правового пространства страны.

Таким образом, реализуя право на оспаривание нормативного акта, заявитель выступает не только в защиту собственного частного интереса, но и косвенно способствует укреплению режима законности в государственном управлении, заставляя властные субъекты действовать осмотрительно и ответственно, строго соблюдая иерархию правовых норм и принципы правовой определенности, без которых невозможно существование цивилизованного гражданского общества и эффективная защита прав человека.

Как справедливо отмечает М. А. Чиркова, право на оспаривание нормативного правового акта представляет собой сложное явление, которое следует рассматривать не только как субъективное право конкретного лица, но и как публично-правовой институт, направленный на защиту объективного правопорядка [5, с. 310].

Эффективность данного института зависит от множества факторов, включая четкость законодательной регламентации, доступность правосудия и единообразие судебной практик

Особую сложность, вызывающую оживленные научные дискуссии, представляет оспаривание актов, которые формально не являются нормативными правовыми, но содержат разъяснения законодательства и обладают нормативными свойствами. Речь идет о многочисленных письмах, инструкциях, методических рекомендациях федеральных органов исполнительной власти, которые, не проходя государственную регистрацию в Министерстве юстиции РФ, де-факто устанавливают общеобязательные правила поведения, рассчитанные на неоднократное применение.

Н. С. Липень подчеркивает острую необходимость совершенствования правового регулирования в этой сфере, предлагая расширить предмет судебного контроля за счет полноценного включения в него таких «квазинормативных» актов, что позволит обеспечить более полную

судебную защиту и предотвратить обход установленных процедур правотворчества [2, с. 26].

Важным аспектом является и разграничение компетенции между судами. А. В. Абсалямов и Д. Б. Абушенко в своем исследовании отмечают, что, несмотря на унификацию процедур в рамках КАС РФ, сохраняются определенные расхождения в подходах судов общей юрисдикции и арбитражных судов к оценке нормативности актов и определению последствий их отмены, что требует дальнейшего совершенствования процессуальных механизмов и выработки единых правовых позиций Верховным Судом РФ [1, с. 145].

Рассмотрение данного института невозможно без анализа его места в общей системе государственного контроля. А. А. Спиридонов рассматривает судебный нормоконтроль как неотъемлемый элемент системы государственного и общественного контроля, который в совокупности с другими механизмами обеспечивает системность и легитимность государственного управления в России [3, с. 29].

При этом обращение к зарубежному опыту, как отмечает Р. З. Ярмухаметов, позволяет выявить альтернативные модели судебного контроля, например, более широкое использование абстрактного нормоконтроля (не связанного с нарушением прав конкретного заявителя), что может быть полезным для реформирования отечественного законодательства в сторону усиления превентивной функции правосудия [6, с. 390].

Статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ подтверждают практическую востребованность данного механизма защиты. Согласно официальной судебной статистике, в 2023 году судами общей юрисдикции в качестве суда первой инстанции было рассмотрено 4 875 административных дел об оспаривании нормативных правовых актов. Из них требования административных истцов были удовлетворены по 952 делам, что составляет около 19,5 % от общего числа рассмотренных дел данной категории.

Данные показатели свидетельствуют о том, что практически каждый пятый оспоренный нормативный акт признается судом незаконным полностью или в части. Предварительные данные за первое полугодие 2024 года показывают сохранение схожей тенденции, что подчеркивает стабильную роль судебного нормоконтроля как эффективного инструмента выявления и устранения дефектных правовых норм.

Судебная практика наглядно демонстрирует как значимость, так и проблематику данного института. Пример из практики Верховного Суда РФ касается оспаривания письма Федеральной налоговой службы, которое содер-

жало разъяснения по порядку применения налоговых вычетов. Административный истец, общество с ограниченной ответственностью, утверждал, что данное письмо фактически устанавливает новое правило, не предусмотренное Налоговым кодексом РФ, и возлагает на налогоплательщиков дополнительные обязанности. ФНС в суде настаивала, что письмо носит информационно-разъяснительный характер и не является нормативным правовым актом.

Однако Верховный Суд в своем решении (дело № АКПИ23–1087) указал, что, несмотря на форму документа (письмо), его содержание адресовано неопределенному кругу лиц (всем налогоплательщикам), рассчитано на многократное применение и содержит обязательные для территориальных налоговых органов предписания, то есть обладает всеми признаками нормативности. Суд признал оспариваемое письмо недействующим, сославшись на превышение органом исполнительной власти своих полномочий и нарушение установленного порядка принятия нормативных правовых актов.

Третий пример иллюстрирует защиту социальных прав граждан. Прокурор обратился в областной суд в интересах неопределенного круга лиц с административным иском о признании недействующим постановления Правительства субъекта РФ, которым из перечня категорий граждан, имеющих право на получение бесплатной юридической помощи, были исключены неработающие пенсионеры.

В ходе судебного разбирательства было установлено, что оспариваемый акт противоречит Федеральному закону от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», который относит неработающих пенсионеров к одной из категорий граждан, имеющих такое право, и не наделяет субъекты РФ полномочиями по сокращению этого федерального перечня.

Суд пришел к выводу, что региональный орган власти, приняв оспариваемый акт, вышел за пределы своей компетенции и нарушил установленные федеральным законодателем гарантии. Исковые требования прокурора были удовлетворены, а незаконный нормативный акт признан недействующим с момента его принятия (Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам ВС РФ № 48-АПА23–15-К7).

Таким образом, право на судебное оспаривание нормативного правового акта является не только теоретической конструкцией, но и реально работающим инструментом, позволяющим эффективно защищать права граждан и организаций, поддерживать иерархию правовой системы и устранять из нее незаконные и необоснованные предписания.

Литература:

1. Абсалямов, А. В. Судебный нормоконтроль в гражданском и арбитражном процессе: современное состояние и пути совершенствования / А. В. Абсалямов, Д. Б. Абушенко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. — 2023. — Т. 14, № 1. — С. 138–157.

2. Липень, Н. С. О совершенствовании правового регулирования оспаривания нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами / Н. С. Липень // *Lex russica*. — 2023. — Т. 76, № 1. — С. 22–30.
3. Спиридонов, А. А. О системности законодательства о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле и об общественном контроле: конституционно-правовые аспекты в русле развития механизмов государственного управления в России / А. А. Спиридонов // *Актуальные проблемы российского права*. — 2023. — Т. 18, № 2. — С. 21–33.
4. Стародубцева, И. А. Актуальные вопросы оспаривания нормативных правовых актов в порядке административного судопроизводства / И. А. Стародубцева // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Право. — 2023. — № 1 (52). — С. 248–255.
5. Чиркова, М. А. Право на оспаривание нормативного правового акта: доктрина и практика / М. А. Чиркова // *Актуальные проблемы правотворчества и правоприменения*. — 2022. — С. 308–316.
6. Ярмухаметов, Р. З. Зарубежный опыт судебного контроля за нормативными правовыми актами в цивилистическом процессе / Р. З. Ярмухаметов // *Молодой ученый*. — 2024. — № 15 (514). — С. 390–391.

Понятие альтернативных обязательств и особенности правоприменения

Крижановский Александр Борисович, юрист (г., Москва)

Будучи видом гражданско-правового обязательства, альтернативное обязательство имеет характерные особенности, позволяющие отграничить его от всех других обязательственных правоотношений гражданско-правовой природы.

В российском праве альтернативному обязательству посвящена 308.1 ГК РФ. В чем необычность такого обязательства? Дело в том, что кауза альтернативного обязательства до момента выбора стороной обязательства фактически неопределенно, то есть в случае, если ситуация сформулирована в качестве договорного условия на момент согласования такого условия не сформировалась кауза.

Кауза (лат. *causa*) — основание обязательства, ближайшая правовая цель, на достижение которой направлено обязательство, принимаемое стороной по договору.

При этом сами обязательства могут по своей конструкции быть настолько отличными друг от друга, что выбор стороной какого-либо варианта поведения зачастую делает неисполнимыми некоторые условия сделки.

В то же время возможность использования альтернативного обязательства незаменимо для формулирования сложных договорных конструкций.

О такой проблеме как мерцающая кауза пишет А. Г. Карапетов в своем блоге [2].

Один из примеров альтернативных обязательств, описанных в «Институциях» Гая: «*дать раба Стиха или раба Памфила*» [2, с. 368]. Оба раба, хотя и альтернативно, являются предметом обязательства, но исполнению, передаче подлежит лишь один из них.

Другой пример из «Институций» Гая «*Если я передам тебе гладиаторов под тем условием, чтобы мне было выдано по двадцать денариев за каждого, вышедшего из сражения невредимым, а за каждого убитого или обесси-*

левшего — по тысяче, то спрашивается, заключена ли купля-продажа, или договор найма. Большинство решило этот вопрос так: относительно вышедших из боя невредимыми заключен, по-видимому, договор найма, относительно убитых и обессиленных — купля-продажа. Из случайных обстоятельств явствует, что договор купли или найма был заключен относительно каждого как бы под условием, так как в настоящее время не сомневаются, что вещь можно продать, или отдать внаем под условием» [2].

В русском дореволюционном гражданском праве альтернативные обязательства не имели отдельного регулирования. Однако учёные исследовали проблемы альтернативного обязательства, например, в работе К. И. Бернштейна «Учение о разделительных обязательствах по римскому праву и новейшим законодательствам» [3] (1871). Учёный определял альтернативное обязательство как обязательство, в котором «предметом долга состоит только одна вещь, но неизвестно, какая именно».

Ф. Г. Савиньи определял альтернативное обязательство как «имеющее предметом одно из многих отдельных и определенных удовлетворений, так что выбор между ними остается сначала неопределенным, и для действительности обязательства необходимо последующее дополнение чьей-либо воли» [4].

Новицкий И. Б. пишет, что «Обязательства, в которых предметом представляются несколько действий, обсуживаются точно так же, как и обязательства, предмет которых составляет одно действие. Но несколько действий составляют иногда предмет обязательства в том смысле, что одно только из означенных действий составляет предмет обязательства, так что с совершением одного, того или другого действия, обязательство считается исполненным и прекращается» [5].

Альтернативное обязательство — единое обязательство, с содержанием определимым, но еще не определенным. Неполная определённая заключается в том, что обязательством предусматривается несколько возможных предметов исполнения, но какая из этих возможностей осуществится неизвестно [6].

К. В. Победоносцев при классификации обязательств в своем труде «Курс гражданского права» (ч.3) так же упоминает делимые обязательства, по-видимому, предполагая под ними альтернативные [7].

В Постановлении Верховного суда № 54 от 22.11.2016 альтернативным обязательствам посвящены пункты 42–46 главы XXVII.

Альтернативное обязательство не следует смешивать с ситуациями, когда кредитору предоставлено право выбора из нескольких предусмотренных законом способов защиты нарушенного права. Например, при получении товара с недостатками покупатель может требовать уменьшения цены, устранения недостатков или возмещения расходов на их устранение (п. 1 ст. 475 ГК РФ). Такие случаи не являются альтернативными обязательствами в смысле ст. 308.1 ГК РФ.

При выборе управомоченным лицом (должником, кредитором или третьим лицом, в зависимости от условий) одной из альтернативных обязанностей обязательство перестаёт быть альтернативным. Считается, что оно с момента возникновения состояло из выбранного действия (воздержания от действия). Например, если выбор осуществлён в пользу заёмного обязательства, то проценты за пользование денежными средствами начисляются не с момента выбора, а с того момента, как он был бы определён, если бы обязательство изначально являлось заёмным (п. 1 ст. 809 ГК РФ). После осуществления выбора управомоченное лицо не вправе в одностороннем порядке его отозвать (п. 2 ст. 308.1 ГК РФ).

Законом, иным правовым актом или договором может быть предусмотрен срок, в течение которого управомоченное лицо обязано совершить выбор. Если такой срок не предусмотрен, управомоченный на выбор должник может совершить выбор путём исполнения одной из аль-

тернативных обязанностей в срок, установленный для исполнения обязательства. Если должник не сделал выбор в указанные сроки, управомоченным на выбор становится кредитор (п. 1 ст. 320 ГК РФ).

При отсутствии условия о сроке для осуществления выбора управомоченные на выбор кредитор или третье лицо должны осуществить выбор в разумный срок (п. 3 ст. 307 ГК РФ, п. 2 ст. 314 ГК РФ). Если этого не сделано, должник вправе потребовать от кредитора или третьего лица указаний на предмет исполнения обязательства. В случае непоступления указаний в предусмотренный п. 2 ст. 314 ГК РФ срок должник вправе исполнить обязательство по своему выбору. При этом должник, не получивший указаний от управомоченного лица на предмет исполнения обязательства, не считается просрочившим, в том числе если он не обратился к кредитору или третьему лицу за получением этих указаний после истечения срока, установленного на осуществление выбора (ст. 405, 406 ГК РФ).

Если до осуществления выбора управомоченным лицом исполнение одного из альтернативных действий стало объективно невозможным по обстоятельствам, за которые ни одна из сторон не отвечает, кредитор вправе требовать от должника оставшегося возможным исполнения. Если исполнение одного из двух действий стало невозможным по обстоятельствам, за которые отвечает должник, и ему принадлежало право выбора, кредитор вправе требовать оставшегося возможным исполнения. Если в этом случае право выбора принадлежало кредитору, он вправе по своему усмотрению требовать либо возмещения убытков, причинённых невозможностью исполнения этого действия, либо оставшегося возможным исполнения другого действия. Если невозможность исполнения одного из действий наступила по обстоятельствам, за которые отвечает кредитор, и право выбора принадлежало должнику, последний освобождается от исполнения обязательства (ст. 416 ГК РФ). Если в этом случае право выбора принадлежало кредитору, он вправе потребовать исполнения оставшейся обязанности так, как если бы он сделал такой выбор.

Литература:

1. https://zakon.ru/blog/2017/5/12/razryv_sinallagmy_i_mercanie_kauzy_ili_mozhno_li_stavit_vstrechnoe_ispolnenie_po_vozmezdnomu_dogovor
2. Гай. Институции. М.: Юрист, 1997, Перевод с латинского Ф. Дыдынского., Под редакцией В. А. Савельева, Л. Л. Кофанова. с. 368
3. Бернштейн К. Учение о разделительных обязательствах по римскому праву и новейшим законодательствам. СПб., 1871. С. 1.
4. Савиньи Ф. Г. Обязательственное право. СПб., 2004. С. 289.
5. Мейер Д. И. Русское гражданское право. М.: Оникс, 2012. С. 133.
6. Новицкий И. Б., Лунц Л. А. Общее учение об обязательстве. М.: Юрид. лит., 1950. С. 122.
7. Победоносцев К. П. Курс гражданского права: В 3 т. Т. 3. М.: Статут, 2003. С. 19.

Правовое обеспечение эффективности использования бюджетных средств в сфере образования: вызовы и перспективы

Кудинов Юрий Сергеевич, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В статье исследуются правовые механизмы обеспечения эффективности использования бюджетных средств в сфере образования Российской Федерации. Анализируются нормы бюджетного и образовательного законодательства, регулирующие формирование, распределение и контроль бюджетных ассигнований. Рассматриваются проблемы межбюджетных отношений, правоприменительной практики и юридической ответственности за нарушения бюджетной дисциплины. Обосновывается необходимость совершенствования нормативных механизмов оценки результативности бюджетных расходов и усиления публично-правового контроля.

Ключевые слова: бюджетное право, образовательное право, публичные финансы, эффективность бюджетных расходов, государственный финансовый контроль, межбюджетные отношения, юридическая ответственность.

Введение

Финансирование образования представляет собой сложный комплекс публично-правовых отношений, регулируемых нормами финансового и административного права. Правовые гарантии реализации конституционного права на образование закреплены в Федеральном законе № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [1].

Формирование и исполнение бюджетных обязательств регулируется Бюджетный кодекс Российской Федерации [2], который устанавливает принципы целевого и эффективного использования бюджетных средств.

В юридической науке эффективность бюджетных расходов рассматривается, как нормативно закрепленная обязанность публичной власти обеспечивать достижение общественно значимых результатов при соблюдении законности и финансовой дисциплины [3; 4].

I. Нормативно-правовые основы эффективности бюджетных расходов

1. Принцип целевого характера использования средств

Согласно бюджетному законодательству, бюджетные ассигнования подлежат использованию строго в соответствии с установленным назначением [2]. Отклонение от целевых параметров образует бюджетное правонарушение и влечет меры финансовой и административной ответственности.

В научной литературе подчеркивается, что принцип целевого использования средств является инструментом обеспечения публичных интересов и реализации социальных гарантий государства [5].

2. Принцип результативности и его правовое содержание

Принцип результативности предполагает соотношение объема бюджетных затрат с достигнутыми социальными и экономическими эффектами. Н. А. Поветкина

отмечает, что юридическое содержание эффективности проявляется в необходимости нормативного закрепления критериев оценки бюджетных расходов [3].

В сфере образования это выражается в формировании государственных заданий, применении нормативов финансирования и установлении показателей оценки деятельности образовательных организаций [6].

II. Межбюджетные отношения и правовые риски

Финансирование образования осуществляется в рамках разграничения полномочий между уровнями публичной власти. Однако анализ научных исследований показывает, что несоответствие объема переданных полномочий финансовому обеспечению порождает риски нарушения принципа равенства образовательных возможностей граждан [7].

Правовая неопределенность в вопросах распределения субвенций и субсидий может снижать эффективность бюджетных расходов и создавать предпосылки для бюджетных споров.

III. Государственный финансовый контроль и ответственность

Контроль за использованием бюджетных средств осуществляется органами государственного финансового контроля, включая Счетную палату Российской Федерации [8].

Материалы контрольных мероприятий свидетельствуют о распространенности нарушений, связанных с нецелевым расходованием средств, несоблюдением процедур закупок и недостаточной обоснованностью расходов [8].

Юридическая ответственность за подобные нарушения регулируется нормами бюджетного и административного законодательства. По мнению О. Г. Воронцова, пробелы в нормативном регулировании критериев эффективности затрудняют привлечение к ответственности за неэффективное, но формально законное расходование средств [4].

IV. Перспективы совершенствования правового регулирования

Повышение эффективности бюджетного финансирования образования требует:

1. Нормативного закрепления единых критериев оценки результативности расходов;
2. Развития механизмов публичной отчетности и прозрачности бюджетных процедур;
3. Совершенствования межбюджетного регулирования;
4. Усиления превентивного финансового контроля;
5. Интеграции цифровых инструментов мониторинга бюджетных потоков.
6. Международные аналитические исследования World Bank подтверждают, что цифровизация бюджет-

ного процесса способствует укреплению финансовой дисциплины и снижению коррупционных рисков [9].

Заключение

Эффективность использования бюджетных средств в сфере образования представляет собой межотраслевую правовую категорию, находящуюся на стыке бюджетного, административного и образовательного права.

Совершенствование нормативной базы, развитие института финансового контроля и формирование четких критериев результативности расходов являются ключевыми условиями обеспечения законности и повышения качества публичных образовательных услуг.

Литература:

1. Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. действующая).
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. действующая).
3. Поветкина Н. А. Эффективность расходования бюджетных средств: проблемы правовой квалификации // Финансовое право. 2015. № 3. С. 16–22.
4. Воронцов О. Г. Правовые дефекты принципа эффективности использования бюджетных средств // Журнал российского права. 2017. № 2. С. 98–107.
5. Сырых В. М. Комментарий к Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации». М.: Норма, 2021.
6. Глуценко И. В. Финансирование общего образования в условиях бюджетирования, ориентированного на результат: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Волгоград, 2009.
7. Кузнецова Н. А. Межбюджетные отношения в Российской Федерации. М.: Норма, 2019.
8. Счетная палата Российской Федерации. Отчеты о результатах контрольных мероприятий в сфере образования.
9. World Bank. Education Sector Analysis. Washington, DC, 2021–2023.
10. Саттарова Н. А. Эффективность использования бюджетных средств: финансово-правовой аспект // Финансовое право. 2022. № 5. С. 19–22.
11. Бахрах Д. Н. Административное право Российской Федерации. М.: Норма, 2020.
12. Доклады Министерства науки и высшего образования Российской Федерации о реализации государственной политики в сфере образования. М., 2022–2024.

Особенности правового регулирования арендных отношений при осуществлении предпринимательской деятельности

Кулиш Игорь Федорович, студент
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

Данная статья посвящена особенностям правового регулирования арендных отношений в рамках осуществления предпринимательской деятельности. Рассматриваются основные положения Гражданского кодекса РФ, регламентирующие заключение, исполнение прекращение договоров аренды. Анализируются требования к форме и содержанию договора, выделяются обязанности сторон, включая обязательства по внесению арендной платы, поддержанию имущества в надлежащем состоянии и своевременному возврату объекта аренды. Приводятся практические рекомендации предпринимателям по составлению договора аренды, способствующие снижению правовых рисков и обеспечению эффективной реализации сделок. Статья также затрагивает проблемные вопросы судебного урегулирования споров, возникающих вследствие неисполнения обязательств сторонами договора аренды, включая доказывание фактов, неправильное толкование условий, сроки исковой давности, недобросовестную практику и необходимость применения мер ответственности.

Ключевые слова: *предпринимательская деятельность, правовое регулирование, арендные отношения, арендная плата, сделки, договор аренды, налоги, правовые риски, споры, судебное урегулирование.*

Актуальность темы обусловлена широким распространением договоров аренды среди коммерческих структур и частых случаях возникновения конфликтных ситуаций при исполнении таких соглашений. Изучение указанных аспектов помогает минимизировать правовые риски предпринимателей и способствует формированию стабильных хозяйственных связей.

Арендные отношения в условиях предпринимательской деятельности представляют собой один из ключевых инструментов обеспечения экономической эффективности, гибкости и масштабируемости бизнеса. В отличие от гражданских договоров аренды, заключаемых физическими лицами для удовлетворения личных нужд, коммерческая аренда носит строго целевой, рыночный и профессиональный характер. Она является неотъемлемой частью инфраструктуры предпринимательства: от аренды производственных площадей и офисных помещений до использования транспортных средств, оборудования, земельных участков и даже нематериальных активов — таких как торговые марки или программное обеспечение [5, с. 45].

Правовое регулирование таких отношений в Российской Федерации осуществляется преимущественно на основе положений Гражданского кодекса РФ, в частности главы 34 «Аренда», а также иных нормативных актов, включая налоговое законодательство, законодательство о земле, недвижимости, защите конкуренции и административном праве. Однако несмотря на относительную системность правового поля, практика показывает наличие значительных пробелов, противоречий и неоднозначных толкований, что порождает высокий уровень правовых рисков для предпринимателей [1].

Первым и фундаментальным аспектом правового регулирования является квалификация договора как аренды. Согласно ст. 606 ГК РФ, договор аренды предполагает передачу имущества во временное владение и пользование за плату [1]. В предпринимательской практике часто возникают ситуации, когда стороны пытаются маскировать под аренду иные сделки — например, договоры купли-продажи с рассрочкой, договоры управления имуществом, либо даже договоры подряда. Такие попытки ведут к риску признания договора недействительным или к переквалификации его судом, что влечёт за собой не только утрату ожидаемых прав и обязанностей, но и налоговые последствия.

Важно помнить, что для признания договора арендой необходимо наличие трёх признаков [6, с. 252]:

- 1) передача имущества;
- 2) возмездность;
- 3) временность.

Если хотя бы один из этих признаков отсутствует — договор не может быть квалифицирован как арендный. Например, если арендодатель передаёт имущество безвоз-

мездно — это будет договор безвозмездного пользования (ст. 689 ГК РФ), а не аренда. Аналогично, если имущество передаётся в постоянное пользование без срока — это может быть признано дарением или иной сделкой. Предпринимателям необходимо тщательно формулировать условия договора, чтобы избежать неоднозначной квалификации. Особенно актуально это при аренде недвижимости, где суды часто обращают внимание на фактическое поведение сторон, а не только на текст договора [1].

Следующий важнейший элемент — форма договора. Согласно ст. 609 ГК РФ, договор аренды недвижимого имущества, заключённый на срок более одного года, подлежит государственной регистрации. При этом сам договор должен быть заключён в письменной форме, иначе он считается недействительным. Для аренды транспортных средств на срок более одного месяца также требуется письменная форма. Однако в предпринимательской практике часто встречаются ситуации, когда стороны заключают устные соглашения, полагаясь на доверительные отношения или на краткосрочность сделки. Это чрезвычайно опасно: в случае спора предприниматель не сможет доказать существование договорных обязательств, а суд, руководствуясь ст. 162 ГК РФ, откажет в защите его прав. Более того, даже если договор письменный, но не подлежит регистрации, он не теряет юридической силы, но не порождает прав на недвижимость по отношению к третьим лицам. То есть, если арендодатель продаст помещение третьему лицу, новый собственник вправе расторгнуть договор аренды, даже если он ещё не истёк — если договор не был зарегистрирован. Это принципиальное правило, которое многие предприниматели игнорируют, считая, что «мы же платим, и всё будет хорошо». На практике такие ошибки приводят к массовым потерям бизнеса — особенно в сегменте розничной торговли, общественного питания и малого бизнеса, где аренда помещений является основным активом [1].

Отдельное внимание следует уделить содержанию договора аренды. Минимально необходимыми элементами являются: описание предмета аренды, срок действия, размер и порядок внесения арендной платы, обязанности сторон по содержанию и ремонту имущества, порядок возврата, а также условия расторжения. Однако в предпринимательской практике часто встречаются договоры, в которых эти пункты сформулированы расплывчато. Например, вместо конкретного адреса и кадастрового номера помещения указывается «помещение на первом этаже», вместо точной суммы арендной платы — «по согласованию», а вместо чётких условий ремонта — «по взаимной договорённости». Такие формулировки ведут к постоянным конфликтам, а в случае спора суд будет вынужден опираться на доказательства, которые предприниматель, как правило, не может предоставить. Осо-

бенно опасна неопределённость в части ответственности за износ. Согласно ст. 616 ГК РФ, арендатор обязан содержать имущество в надлежащем состоянии, но не обязан возмещать естественный износ. Однако в договорах часто встречается положение: «арендатор несёт полную ответственность за любые повреждения». Такое условие может быть признано недействительным как противоречащее закону (ст. 168 ГК РФ), но доказать это в суде — задача крайне сложная, особенно для малого бизнеса. Поэтому рекомендуется включать в договор перечень состояния имущества на момент передачи (акт приёма-передачи с фотографиями и подписями), а также указывать, что арендатор отвечает только за повреждения, вызванные его виной, а не за естественный износ [1].

Одним из важнейших вопросов при заключении договора аренды является размер арендной платы. В предпринимательской сфере арендная плата может устанавливаться в виде фиксированной суммы, процентов от выручки, комбинированной схемы (фикс + %) или даже в виде натуральной формы (например, передача части продукции). Однако налоговое законодательство требует, чтобы арендная плата была «рыночной», иначе налоговые органы вправе провести пересчёт и доначислить налоги. Согласно ст. 40 Налогового кодекса РФ, если сумма арендной платы существенно ниже рыночной, налоговые органы могут переqualифицировать её как «необоснованную» и доначислить НДС, налог на прибыль и страховые взносы [2]. Это особенно актуально для сделок между связанными лицами — например, когда компания арендует помещение у своего учредителя. В таких случаях налоговая служба требует предоставления отчётов о рыночных аналогах, актов оценки, а иногда и привлекает независимых экспертов. Предпринимателям необходимо вести документальное подтверждение обоснованности арендной платы — включая выписки из ЕГРН о рыночных ставках, отчёты об оценке, рекламные объявления о сдаче аналогичных помещений. Игнорирование этого требования может привести к штрафам в размере до 40 % от доначисленных налогов и даже к уголовной ответственности при уклонении от уплаты налогов.

Одной из основных обязанностей арендатора является своевременное внесение арендной платы. Задержка даже на один день может быть расценена как существенное нарушение, особенно если в договоре прописано, что «несвоевременная оплата является основанием для расторжения». Судебная практика (в частности, постановление Пленума ВС РФ № 13 от 24.03.2022) подтверждает, что даже незначительные просрочки могут служить основанием для расторжения договора, если это прямо предусмотрено соглашением сторон. При этом арендодатель не обязан предупреждать арендатора о просрочке — если договор не предусматривает такой обязанности. Это означает, что предприниматель, не получивший вовремя счет-фактуру или не заметивший изменения реквизитов, может потерять помещение без возможности восстановить права. Поэтому рекомендуется включать в договор

условие о направлении уведомлений о платежах, а также устанавливать «грациозный» период — например, 5 дней на оплату после получения счёта. Кроме того, необходимо вести чёткий учёт всех платежей — с квитанциями, выписками из банка, подтверждениями от арендодателя. В случае спора именно эти документы станут основным доказательством добросовестности арендатора [6, с. 253].

Обязанности по содержанию и ремонту имущества — ещё один источник споров. Согласно ст. 616 ГК РФ, арендатор обязан нести расходы на текущий ремонт, а арендодатель — на капитальный. Однако понятия «текущий» и «капитальный» не определены в законе, и их толкование зависит от практики и договора [1]. В предпринимательской сфере часто возникает ситуация, когда арендатору приходится ремонтировать кровлю, инженерные сети, фасад — то есть, элементы, которые по закону должны ремонтироваться арендодателем. В таких случаях предприниматели часто соглашались на такие условия, считая, что «и так сойдёт», но потом сталкиваются с тем, что арендодатель требует возмещения расходов, а суд, опираясь на договор, встаёт на сторону арендодателя. Решение — чётко прописать в договоре перечень работ, относящихся к текущему и капитальному ремонту, и приложить к нему техническое описание. Например: «капитальный ремонт — замена кровли, фундамента, несущих конструкций, систем отопления, водоснабжения, канализации»; «текущий ремонт — устранение течей, замена лампочек, покраска стен, ремонт замков». Также рекомендуется включать положение о том, что арендодатель обязан проводить капитальный ремонт не реже одного раза в 5 лет, а если он этого не делает — арендатор вправе провести ремонт за счёт арендодателя с последующим возмещением.

Возврат имущества — последний этап договора, но не менее важный. Согласно ст. 622 ГК РФ, арендатор обязан вернуть имущество в состоянии, соответствующем условиям договора и его назначению, с учётом естественного износа. Однако на практике арендодатели часто требуют возврат «в идеальном состоянии», несмотря на срок аренды. Это — незаконно [1]. Но чтобы доказать, что имущество было передано в надлежащем состоянии, необходимо иметь акт приёма-передачи, подписанный обеими сторонами, с описанием всех дефектов. Без такого акта арендатор рискует быть обвинённым в повреждении имущества, даже если он его не повреждал. Особенно опасны случаи, когда арендодатель возвращает имущество с «новыми» повреждениями, которые появились после возврата — например, сколы на полу, трещины в стенах, повреждённые окна. Для защиты от таких манипуляций рекомендуется проводить возврат в присутствии независимого эксперта или представителя управляющей компании, а также снять видеофиксацию процесса. Также желательно включить в договор положение о том, что любые претензии по состоянию имущества должны быть предъявлены в течение 10 дней с момента возврата — иначе считаются необоснованными.

Аренда земельных участков и недвижимости, находящейся в государственной или муниципальной собствен-

ности, также имеет свои особенности. В этих случаях применяются не только нормы ГК РФ, но и Федеральный закон № 171-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества», а также местные нормативные акты [4]. Аренда земли у государства может осуществляться через аукцион, конкурс или прямое заключение договора — в зависимости от целевого назначения и категории земли. Предприниматели часто сталкиваются с бюрократическими барьерами: длительными процедурами согласований, отсутствием прозрачности, коррупционными схемами. Кроме того, договор аренды земли может быть расторгнут в одностороннем порядке, если участок не используется по назначению в течение трёх лет. Это — серьёзный риск для бизнеса, особенно в сельскохозяйственном и производственном секторах. Поэтому рекомендуется заранее уточнять разрешённое использование земли, вести документальное подтверждение использования (фото, акты, отчёты), а также подавать заявления о продлении срока аренды не позднее чем за 6 месяцев до окончания срока.

Отдельного внимания заслуживает аренда оборудования и техники. В предпринимательской практике всё чаще используются долгосрочные договоры аренды с правом выкупа — так называемая «финансовая аренда» (лизинг). Однако важно понимать разницу между арендой и лизингом. Лизинг — это отдельный вид договора, регулируемый Федеральным законом № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» [3]. При лизинге имущество может быть приобретено лизингодателем специально для передачи лизингополучателю, а по окончании срока — переходит в собственность лизингополучателя. В обычной аренде — такого права нет. Если предприниматель заключает договор с условиями «аренда с правом выкупа», но не

указывает, что это лизинг — договор может быть признан недействительным, а выкуп — не состоявшимся. Также в лизинге лизингодатель обязан застраховать имущество, а лизингополучатель — уплачивать налог на имущество. Эти нюансы игнорируются, что ведёт к серьёзным юридическим и налоговым последствиям [5, с. 56].

Проблемы возникают и при аренде имущества, находящегося в залоге. Если арендодатель — залогодатель, а имущество находится в залоге у банка, то при наступлении оснований для реализации залога — банк может выселить арендатора. Это — жёсткий риск для бизнеса. Решение — требовать от арендодателя предоставления справки о том, что имущество не находится в залоге, либо включать в договор положение о том, что в случае реализации залога арендодатель обязан обеспечить альтернативное помещение или возместить убытки. Также рекомендуется проверять сведения о залоге через ЕГРН — это бесплатно и занимает не более 15 минут.

В заключение следует отметить, что правовое регулирование арендных отношений в предпринимательской сфере требует не только знания законов, но и глубокого понимания практики их применения. Многие предприниматели, особенно малого бизнеса, полагаются на устные договорённости, шаблоны из интернета или помощь «друзей-юристов», что ведёт к системным рискам. Для минимизации этих рисков необходимо: всегда заключать договор в письменной форме; включать в него все существенные условия; регистрировать договоры, если это требуется по закону; вести документальное подтверждение всех действий — от приёма имущества до возврата; консультироваться с квалифицированным юристом перед заключением сделки; регулярно пересматривать договоры в связи с изменениями законодательства.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) от 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024)
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (НК РФ) от 31 июля 1998 года N 146-ФЗ (ред. от 28.11.2025)
3. Федеральный закон «О финансовой аренде (лизинге)» от 29.10.1998 N 164-ФЗ (ред. от 28.04.2023)
4. Федеральный закон № 171-ФЗ от 21.12.2001 «О приватизации государственного и муниципального имущества» (ред. от 07.07.2025)
5. Гражданское право. Особенная часть. Обязательства: учебник для вузов / А. П. Анисимов, М. Ю. Козлова, А. Я. Рыженков, С. А. Чаркин; под общей редакцией А. Я. Рыженкова. — 8-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 376 с.
6. Кириллова Е. В. Понятие договора аренды в российском гражданском праве // Молодой учёный, 2025, — № 5 (556). — С. 252–254.

Отдельные проблемы правового регулирования непоименованных договоров в гражданском праве

Линник Арсений Витальевич, студент магистратуры
Международный юридический институт (г. Москва)

В представленной статье рассматриваются отдельные проблемы правового регулирования непоименованных договоров в гражданском праве России. Отмечается, что заключение таких договоров возможно на фоне действия принципа свободы договора и наличие такой возможности позволяет участникам гражданского оборота урегулировать возникающие между ними правоотношения в максимально удобной для них форме. В то же время, правовое регулирование таких договорных конструкций не является совершенным, что во многом предопределено несовершенством действующего законодательства в этой сфере. В связи с этим, в представленной статье выявляются данные проблемы и предлагаются возможные пути их решения.

Ключевые слова: непоименованный договор, смешанный договор, принцип свободы договора, договорная конструкция, правовое регулирование договора.

На современном этапе развития законодатель предоставляет участникам гражданского оборота возможность заключать договоры, которые могут быть предусмотрены, а могут и не быть предусмотрены законом и нормативными актами, что указано в ч.2 ст. 421 Гражданского кодекса РФ (далее-ГК РФ) [1]. Договоры, которые прямо не предусмотрены законом, именуется в настоящее время как непоименованные.

Существование таких договоров в гражданском обороте во многом связано с тем, что потребности, которые возникают у участников гражданского оборота в практической деятельности, весьма разнообразны, в связи с чем не охватываются теми договорными конструкциями, которые определены законодателем. В то же время, вне зависимости от того, что данное соглашение в законодательстве в виде самостоятельного договора не предусматривается, оно должно соответствовать всем общим требованиям гражданского права. Полагаем, что заключение данных договоров представляется возможным на основе принципа свободы договора, что свое закрепление нашло в ст. 421 ГК РФ. Как показал анализ судебной практики, при оценке судом того, является ли тот или иной договор непоименованным, суд во внимание принимает такие факторы, как предмет договора, содержание прав и обязанностей сторон, распределение рисков по договору, а также некоторые иные аспекты [4].

В связи с тем, что непоименованные договоры точного закрепления в актах законодательства не находят, проблемы правового регулирования не так уж редки. В качестве ключевой проблемы правового регулирования указанных соглашений выступает неправильная квалификация непоименованного договора на практике. Так, на фоне того, что формального закрепления эти договоры не имеют, суды вынуждены более обстоятельно анализировать спор, который из данного договора возник. Представляется естественным, что судебные ошибки и упущения в этих ситуациях не исключены, что впоследствии приводит к неверной квалификации возникших правоотношений. Полагаем, что

для оптимизации таких ситуаций стоит порекомендовать более тщательно руководствоваться указаниями, содержащимися в тексте Постановления Пленума ВС РФ «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» от 25.12.2018 № 49 (далее-Постановление Пленума ВС РФ № 49). Это обусловлено тем, что в данном документе говорится о том, что если из содержания договора не представляется возможным установить, к какому типу относится договор или его отдельные элементы, то обязанности и права сторон по данному договору устанавливаются исходя из толкования его условий. Очевидно, что в данном пункте правоприменитель обращает внимание на то, что необходимо тщательно изучать содержание спорного договора и уже на основании такового квалифицировать отношения сторон и разрешать спор [5].

Следующим проблемным аспектом усматривается то, что непоименованные договоры часто путают со смешанными договорами в гражданском праве, что на практике нельзя признать правильным. Действительно, отличить такие договоры друг от друга нередко бывает весьма затруднительно, а основная трудность в том, что вопрос относительно соотношения данных понятий является дискуссионным. При изучении научной литературы по теме исследования можно увидеть то, что среди ученых также нет единства по данному вопросу, так как если одни авторы рассматривают смешанный договор через призму разновидности именно договора непоименованного, то другие авторы данные договоры отождествляют [3]. Эти точки зрения видятся неверными, так как указанные договоры самостоятельны и могут существовать отдельно друг от друга, а в качестве критериев отграничения предлагается использовать такие признаки, как состав, существенные условия и их правовое регулирование. Например, если смешанные договоры регулируются в силу тех прямых указаний, которые содержатся сегодня в ч.3 ст. 421 ГК РФ, то непоименованные договоры регулируются исключительно общими положениями о договорах.

В завершении стоит отметить проблемный аспект, состоящий в том, что в ситуациях, когда суды производят трансформацию непоименованного договора в какую-либо существующую договорную форму, вполне вероятно то, что данный договор признают недействительным, так как его условия будут расходиться с теми, которые закреплены в ГК РФ для той или иной договорной формы. В связи с этим, представляется вполне естественным, что непоименованные договоры на практике требуют более жесткого правового регулирования. В частности, стоит определить критерии, на основании которых непоименованный договор будет на практике признаваться в качестве такового. Кроме того, судам

стоит запретить трансформировать непоименованный договор в какой-либо поименованный или смешанный договор без наличия на это веских оснований. Обусловлено это тем, что это не только противоречит сущности непоименованного договора, но и явно нарушает права и интересы сторон такого договорного соглашения [2].

Таким образом, правовое регулирование непоименованных договоров на современном этапе развития сопряжено с различными трудностями, которые во многом обусловлены тем, что урегулированы такие договоры в законодательстве не надлежащим образом, что дает излишнюю свободу для судебскому усмотрения.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): [федер. закон: принят Гос. Думой 30 ноября 1994 г.: по состоянию на 07 июля 2025 г.] // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Ахмедов, А. Я. Непоименованные договоры в гражданском праве России: монография. — М.: Проспект, 2024. — 248 с.
3. Грибанова, С. В. Правовая квалификация гражданско-правового договора / С. В. Грибанова // Актуальные проблемы права. — 2024. — № 11. — С.41–47.
4. Карнушин, В. Е. Содержание понятия непоименованного договора / В. Е. Карнушин // Право и экономика. — 2025. — № 1(443). — С.11–17.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» от 25.12.2018 № 49. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314779/ (дата обращения: 20. 07.2025).

Становление института безвестного отсутствия гражданина в Российской Федерации

Лосева Мария Олеговна, студент

Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского государственного университета (г. Новокузнецк)

В статье проводится историко-правовой анализ становления и развития института признания гражданина безвестно отсутствующим в российском законодательстве. Рассматриваются ключевые этапы эволюции данных правоотношений: от дореволюционного регулирования и советского периода до современного этапа, закрепленного в Гражданском кодексе РФ. Особое внимание уделяется трансформации целей института — от защиты интересов семьи в имперский период до охраны имущественных прав и введения доверительного управления в современной цивилистике.

Ключевые слова: безвестное отсутствие, гражданское право, история права, доверительное управление имуществом, Устав гражданского судопроизводства, Гражданский кодекс РСФСР, правовая неопределенность.

Институт безвестного отсутствия гражданина является одной из предшествующих и наиболее значимых конструкций в гражданском праве, обеспечивающей стабильность гражданского оборота и защиту прав лиц, чье местонахождение неизвестно. На сегодняшний день актуальность данного института не снижается, что обусловлено высокой миграционной мобильностью населения и усложнением экономических связей. Однако для глубокого понимания современных норм ст. 42–43 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) необходимо обратиться к исследованию происхождения данного правового явления.

В дореволюционном отечественном праве, как и в ряде зарубежных правовых порядков того времени, нормы о безвестном отсутствии не были объединены в единый нормативный правовой акт, а находились на стыке гражданских, семейных и процессуальных институтов. Как справедливо отмечают исследователи А. Р. Киикбаева и С. К. Бадамшин, в Российской империи данный институт регулировался Сводом законов и Уставом гражданского судопроизводства 1864 года (далее — Устав) [1, с. 427].

Анализ положений Устава, в частности ст. 1451, позволяет сделать вывод, что законодатель того времени делал акцент на инициативе заинтересованных лиц. Правом

просить окружной суд о публикации сведений о пропавшем и принятии мер к охране имущества обладатели как кредиторы (лица, имеющие «законное притязание» к имуществу), так и чины прокурорского надзора [2, с. 26]. Важно отметить, что уже в тот период рассматривалась двойственная природа института: с одной стороны, защита интересов кредиторов и наследников, с другой — охрана имущества самого отсутствующего. Н. А. Цыбизова указывает, что дореволюционное законодательство уделяло внимание понятийному аппарату, вводя четкие критерии: информационный (отсутствие сведений) и срочный. Согласно Уставу, безвестно отсутствующим считалось лицо, о котором не было вестей в течение 10 лет [3, с. 8].

Характерной чертой дореволюционного регулирования была прочная связь с семейным правом и влиянием религиозных предписаний. Патриархальный уклад требовал определенности в брачных отношениях: отсутствие супруга свыше 5 лет давало основание для развода. Это было продиктовано необходимостью защиты семьи, которая могла оказаться в тяжелом материальном положении [1, с. 428]. При этом, как отмечал Г. Ф. Шершеневич, российскому праву не была известна презумпция смерти, основанная исключительно на преклонном возрасте, что говорило о высоком стандарте доказывания факта отсутствия [4, с. 64]. Особую роль институт играл в периоды военных конфликтов, выступая гарантом для семей военнослужащих, пропавших без вести в ходе боевых действий, что позволяло решать имущественные вопросы через механизмы церковного и гражданского права.

Кардинальная трансформация института произошла после событий 1917 года. Смена общественно-политической формации потребовала пересмотра подходов к регулированию статуса личности. В условиях Гражданской войны советская власть принимала экстренные меры. Научный интерес представляют Декреты ВЦИК и СНК РСФСР 1917–1918 годов, касающиеся гражданского брака и имущественных прав. Примечательно, что уже в Декрете от 17.05.1918 года происходило терминологическое разделение понятий «безвестное отсутствие» и «без вести пропавший», что было важно для упорядочивания последствий военных действий и несчастных случаев.

Первая кодификация гражданского права — ГК РСФСР 1922 года — закрепила сокращение сроков для признания лица умершим (5 лет), однако сам термин «безвестно отсутствующее лицо» в кодексе отсутствовал в современном понимании. Процедура была тесно связана с судебным установлением факта. Важным этапом стало принятие Постановления 1930 года о Государственном нотариате, которое наделило нотариусов правом удостоверяющих действий при наличии документальных доказательств, оставляя судам разрешение спорных ситуаций.

Период действия ГК РСФСР 1964 года характеризуется унификацией процедур. Ст. 19, 20 Кодекса 1964 года четко регламентировали последствия: над имуществом отсутствующего устанавливалась опека. Именно институт

опеки стал основным инструментом управления имуществом. О. И. Падалкина отмечает, что из этого имущества выдавалось содержание иждивенцам и погашались долги [5]. Однако функционал опеки был ограничен задачами сохранения имущества, но не его активного приращения или эффективного коммерческого использования.

Переходный период 90-х годов XX века стал испытанием для всей правовой системы. Распад СССР и построение рыночной экономики требовали новых подходов, где приоритет прав человека сочетался бы с защитой права частной собственности. Тем не менее, законодатель предпочел путь восприятия уже сложившихся и апробированных нормативных положений. Основы гражданского законодательства 1991 года практически без изменений воспроизвели нормы 1961 года, сохраняя годичный срок для признания безвестно отсутствующим.

Принятие части первой действующего ГК РФ в 1994 году (вступила в силу с 01.01.1995) ознаменовало новый этап. Законодатель, осознавая недостаточность института опеки в условиях рынка, ввел новеллу — ст. 43 ГК РФ, предусматривающую возможность передачи имущества в доверительное управление. Это стало ответом на усложнение имущественных отношений. Как справедливо замечает Л. Ю. Михеева, опека, выполняя защитную функцию, далеко не всегда способна обеспечить полноценную охрану имущественных интересов в коммерческом смысле [6, с. 4].

Несмотря на прогрессивный характер норм ГК РФ, стоит согласиться с мнением ряда ученых З. И. Цыбуленко, А. Н. Агуреев о том, что реформирование института проходило на фоне политических и социальных катаклизмов, что обусловило некоторую консервативность принятых решений. Многие механизмы были перенесены из советского права без существенной переработки под реалии рыночной экономики. В частности, п. 3 ст. 43 ГК РФ содержит отсылку к закону, который мог бы определить иные последствия признания безвестно отсутствующим, однако детальная регламентация многих процедурных вопросов формировалась уже судебной практикой последующих десятилетий.

Подводя итог историко-правовому анализу, можно сформулировать следующие выводы, актуальные для современной юридической науки:

1. Эволюционная преемственность. Развитие института безвестного отсутствия в России носило не революционный, а эволюционный характер. Несмотря на смену политических режимов, ядро института — сроки, судебный порядок, защита иждивенцев — сохранялось и адаптировалось.

2. Смена векторов защиты. Если в дореволюционный период доминантой выступали интересы семьи и кредиторов, то в советский период акцент сместился на государственный учет и социальное обеспечение. Современный этап характеризуется приоритетом защиты имущественных прав через коммерческие инструменты — доверительное управление.

3. Проблема эффективности правового регулирования. Введенный в 1990-е годы институт доверительного управления имуществом безвестно отсутствующего гражданина стал значительным шагом вперед по сравнению с советской опекой. Однако практика показывает, что механизм требует дальнейшего совершенствования, так как он не всегда оперативно решает проблемы управления сложными активами (бизнесом, ценными бумагами) пропавшего лица.

Таким образом, институт безвестного отсутствия гражданина прошел путь от фрагментарных норм в Уставе гражданского судопроизводства до стройной системы в ГК РФ. Его современное состояние является результатом компромисса между советской правовой традицией и потребностями рыночной экономики, что открывает поле для дальнейших научных дискуссий о путях его совершенствования.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Агуреев А. Н. Некоторые проблемы института безвестного отсутствия в современном гражданском праве // Сибирский юридический вестник. — 2019. — № 2. — С. 50–54.
3. Киикбаева А. Р., Бадамшин С. К. Исторические аспекты становления института признания гражданина безвестно отсутствующим // Актуальные проблемы права: материалы международной научной конференции. — 2020. — С. 427–429.
4. Михеева Л. Ю. Доверительное управление в деятельности органов опеки и попечительства. — Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 1998. — 140 с.
5. Падалкина О. И. Проблемы правового регулирования опеки над имуществом безвестно отсутствующего гражданина // Нотариус. — 2015. — № 3. — С. 40–43.
6. Цыбизова Н. А. Институт признания гражданина безвестно отсутствующим и объявления умершим в российском гражданском праве: автореф. дис.... канд. юрид. наук. — Москва, 2018. — 26 с.
7. Цыбизова Н. А. Особенности правового регулирования безвестного отсутствия в дореволюционный период // История государства и права. — 2017. — № 5. — С. 7–9.
8. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). — М.: Спартак, 1995. — 556 с.

Майнинг криптовалют в России: формирование административно-правового режима

Назарова Светлана Алексеевна, студент магистратуры
Волгоградский государственный университет

Статья посвящена эволюции правового регулирования майнинга криптовалют в России: от нормативной неопределенности к формированию комплексного административно-правового режима.

Ключевые слова: майнинг, криптовалюта, административно-правовой режим, энергетические ограничения, налоговый контроль.

До 2024 года майнинг в России находился в состоянии правового вакуума, когда криптовалюты фактически участвовали в обороте, но де-юре отсутствовали, а деятельность по их созданию не имела ни легального определения, ни установленных правил [8, с. 9]. Письма Министерства финансов РФ 2018–2023 годов последовательно указывали: налогообложение и регистрация майнеров невозможны до законодательного закрепления понятийного аппарата. Такая ситуация сдерживала развитие отрасли, препятствовала притоку инвестиций и создавала почву для злоупотреблений [7, с. 4].

Перелом наступил с принятием Федерального закона от 08.08.2024 № 221-ФЗ, вступившего в силу 01.11.2024 [1]. Майнинг получил легальное определение как дея-

тельность по проведению математических вычислений с использованием технических средств для внесения записей в распределенный реестр с целью получения вознаграждения в цифровой валюте. Легализация стала продуманным ответом на санкционное давление, направленным на создание альтернативной финансовой системы [7, с. 3].

Теперь юридические лица и индивидуальные предприниматели, занимающиеся майнингом профессионально, обязаны включаться в реестр Федеральной налоговой службы. Включение сопряжено с проверкой деловой репутации: установлен запрет для лиц с судимостью за экономические преступления и причастных к экстремистской деятельности. Операторы майнинговой инфраструктуры также подлежат регистрации и обязаны обеспечивать тех-

нические условия деятельности. Введен запрет на совмещение майнинга с деятельностью в сфере электроэнергетики для предотвращения конфликта интересов.

Физические лица вправе заниматься майнингом без регистрации, но при соблюдении лимитов энергопотребления. Такой подход позволяет вывести из-под жесткого контроля любительскую деятельность и сосредоточить усилия на профессиональных участниках [7, с. 9].

Энергоемкость майнинга предопределила введение специальных ограничений. Постановлением Правительства РФ от 23.12.2024 № 1869 введен запрет на майнинг в ряде регионов (части Иркутской области, Бурятии, Забайкалья, республики Северного Кавказа, новые регионы) в периоды максимальной нагрузки на энергосистемы [4]. Установлены лимиты энергопотребления для физических лиц, превышение которых влечет обязанность регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Меры направлены на предотвращение использования льготных тарифов для населения в коммерческих целях [7, с. 4].

Налоговый контроль осуществляется через обязанность майнеров предоставлять в Федеральную налоговую службу информацию об объеме полученной цифровой валюты и адресах-идентификаторах (Постановление Правительства РФ от 01.11.2024 № 1466) [6]. Доходы облагаются в общеустановленном порядке: налогооблагаемой базой признается рыночная стоимость криптовалюты на дату получения. Расходы на оборудование и электро-

энергию учитываются при документальном подтверждении. Постановлением Правительства РФ от 11.02.2025 № 131 утверждены правила передачи информации в Федеральную службу по финансовому мониторингу, интегрирующие майнинг в систему противодействия легализации доходов, полученных преступным путем [3].

Законодательство предусматривает ответственность за осуществление майнинга без включения в реестр лицами, обязанными это сделать, нарушение установленных энергетических лимитов, непредоставление отчетности и совмещение майнинга с деятельностью в сфере электроэнергетики. Особое значение имеет противодействие так называемому «серому» майнингу — незаконному подключению к электрическим сетям и хищению электроэнергии, что квалифицируется как административное правонарушение, а при наличии крупного ущерба может влечь уголовную ответственность [7, с. 4].

Таким образом, в Российской Федерации сформирован комплексный административно-правовой режим майнинга, включающий регистрационные процедуры, энергетические ограничения, налоговый контроль и меры юридической ответственности [9, с. 31]. Дальнейшее развитие этого режима видится в стимулировании использования возобновляемых источников энергии для майнинга, развитии института саморегулирования в майнинговой отрасли, а также в гармонизации российского законодательства с международными подходами к регулированию криптовалют.

Литература:

1. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 33. Ст. 4912.
2. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. Федерального закона от 08.08.2024 № 221-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 5018.
3. Постановление Правительства РФ от 11 февраля 2025 г. № 131 «Об утверждении Правил передачи информации в федеральный орган исполнительной власти по финансовому мониторингу лицами, осуществляющими майнинг цифровой валюты» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 7. Ст. 1123.
4. Постановление Правительства РФ от 23 декабря 2024 г. № 1869 «Об установлении запрета на осуществление майнинга цифровой валюты в отдельных субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 52. Ст. 8341.
5. Постановление Правительства РФ от 1 ноября 2024 г. № 1464 «Об утверждении Правил ведения реестра лиц, осуществляющих майнинг цифровой валюты, и реестра операторов майнинговой инфраструктуры» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 45. Ст. 7123.
6. Постановление Правительства РФ от 1 ноября 2024 г. № 1466 «О порядке представления информации об объеме полученной цифровой валюты и адресах-идентификаторах в федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный по контролю и надзору в области налогов и сборов» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 45. Ст. 7125.
7. Грязнов С. А., Зинякова К. Ю. Майнинг криптовалюты: проблемы и перспективы // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. № 9–1 (115). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mayning-kriptovalyuty-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 16.02.2026).
8. Осадченко Е. А. Перспективы организации, регулирования и налогообложения майнинга в России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-organizatsii-regulirovaniya-i-nalogooblozheniya-mayninga-v-rossii> (дата обращения: 16.02.2026).
9. Скрипникова Е. Г. Перспективы развития майнинга и криптовалют в России в условиях новых законодательных изменений // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. № 11–3 (117). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-mayninga-i-kriptovalyut-v-rossii-v-usloviyah-novyh-zakonodatelnyh-izmeneniy> (дата обращения: 16.02.2026).

Особенности расследования неправомерных действий при банкротстве: криминалистический аспект

Новикова Наталья Петровна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются криминалистические особенности расследования неправомерных действий при банкротстве, предусмотренных ст. 195 УК РФ. На основе анализа научных источников и диссертационного исследования, посвящённого криминалистической характеристике указанных деяний и первоначальному этапу их расследования, раскрываются типичные способы и механизм совершения преступлений, сведения о личности виновных и элементы обстановки совершения. Обосновывается ключевая проблема: недостаточная разработанность криминалистической методики, в первую очередь алгоритмов действий следователя на первоначальном этапе при сложностях установления «наличия признаков банкротства» и выявления преступного характера действий должника.

Ключевые слова: банкротство, ст. 195 УК РФ, неправомерные действия при банкротстве, криминалистическая характеристика, следственная ситуация, признаки банкротства, первоначальный этап расследования.

Современное развитие рыночной экономики сопровождается ростом числа несостоятельных организаций и граждан, а институт банкротства, призванный служить механизмом перераспределения рисков и удовлетворения требований кредиторов, всё чаще используется в преступных целях. Неправомерные действия при банкротстве характеризуются «повышенной латентностью, сложной схемностью, многоэпизодностью и длительностью реализации преступного умысла», что существенно осложняет их выявление и расследование.

Исследователи отмечают, что неправомерные действия при банкротстве образуют самостоятельное направление экономической преступности, затрагивающее интересы частных кредиторов, работников организации и публично-правовых образований. При этом, несмотря на развитие уголовно-правовой доктрины и накопленный массив судебной практики, криминалистические аспекты расследования, особенно на первоначальном этапе, остаются фрагментарно разработанными.

Криминалистическая характеристика неправомерных действий при банкротстве включает систему типичных способов совершения и сокрытия преступления, особенности движения активов должника, устойчивые признаки документационного слеодообразования, а также сведения о личности виновных и потерпевших.

Исследователи выделяют, по меньшей мере, три взаимосвязанных блока способов: манипулирование имущественной массой должника; искажение учётной и иной юридически значимой информации; неправомерное перераспределение конкурсной массы через предоставление преференций отдельным кредиторам и противодействие арбитражному управляющему [7, С. 158].

В. Ю. Калугин, анализируя конкурсное оспаривание сделок, подчёркивает, что значительная часть таких сделок представляет собой элементы схем искусственного обеднения должника, реализуемых накануне банкротства и направленных на вывод из конкурсной массы наиболее ликвидного имущества [6, С. 15].

Искажение учётной информации проявляется в ведении «двойной» бухгалтерии, оформлении задним числом договоров и актов, создании фиктивной кредиторской задолженности, уничтожении первичных документов и электронных баз данных. Ю. С. Пестерева и соавторы отмечают, что фальсификация отчётности выполняет двойную функцию: маскирует истинное финансовое состояние и легализует уже совершённые операции по выводу активов [8, С. 410].

Неправомерное удовлетворение требований отдельных кредиторов выражается в нарушении очередности и пропорциональности погашения долгов, преимущественном удовлетворении требований аффилированных кредиторов, зачёте встречных однородных требований непосредственно перед введением конкурсного производства. Современные исследования объективной стороны ч. 2 и 2.1 ст. 195 УК РФ показывают, что ключевым элементом является не факт платежа как таковой, а сознательное лишение других кредиторов возможности получить удовлетворение за счёт конкурсной массы [1].

Отдельное место занимает воспрепятствование деятельности арбитражного управляющего, выражающееся в отказе от передачи документов и имущества, блокировании инвентаризации, сокрытии активов. При этом С. А. Железцов справедливо подчёркивает, что передача документов должника формирует самостоятельный комплекс следственных задач по восстановлению фактической картины хозяйственной деятельности [5, С. 295].

Личностные особенности субъектов неправомерных действий при банкротстве имеют комплексное криминалистическое значение. Как показано в диссертационном исследовании, для них характерны: высокий уровень правовой и экономической компетентности, устойчивый социальный статус, доступ к финансовым ресурсам и корпоративной документации, а также способность к упреждающей подготовке сложных схем вывода активов.

Основную массу виновных составляют руководители и собственники бизнеса, фактические контролирующие лица, а также часть арбитражных управляющих.

Н. В. Ткаченко отмечает, что такие субъекты умеют «подстраивать» свои действия под требования законодательства, конструируя длительно реализуемые схемы, оставляющие сложный, многослойный следовой рисунок [11, С. 599].

С точки зрения мотивации преобладают корыстные побуждения и стремление избежать имущественной и уголовной ответственности, нередко в сочетании с желанием скрыть предшествующие преступления — хищения, налоговые правонарушения, незаконный вывод капитала.

Обстановка совершения неправомерных действий при банкротстве представляет собой совокупность юридических и фактических условий, «жёстко привязанную» к специальному режиму несостоятельности. Она охватывает период от фактического возникновения признаков неплатёжеспособности (трёхмесячная просрочка обязательств) до завершения процедур банкротства, включая наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление, конкурсное производство и процедуры банкротства граждан.

А. К. Субачев подчёркивает, что типичной ошибкой практики является отождествление «наличия признаков банкротства» с фактом возбуждения дела о банкротстве, что ведёт к необоснованным отказам в возбуждении уголовных дел по ст. 195 УК РФ [10, С. 122]. П. Н. Сбирунов, в свою очередь, обосновывает необходимость опоры именно на критерии ст. 3 Закона о банкротстве, а не на формальные процессуальные стадии арбитражного процесса [9, С. 210].

К числу специфических особенностей обстановки относятся:

— многообразие и конфликтность интересов участников (должник, кредиторы, государственные органы, арбитражный управляющий, аффилированные лица);

— высокая «документоцентричность» и цифровизация (реестры требований, ЕФРСБ, банковские системы, электронный документооборот);

— выраженная информационная асимметрия, когда должник обладает существенно более полной информацией о своём положении, чем кредиторы и государство.

Эти факторы предопределяют сложность выявления и доказывания составов ст. 195 УК РФ и напрямую влияют на формирование следственных ситуаций на первоначальном этапе расследования.

Проведенное исследование позволяет выделить **ключевую проблему**, которая состоит в недостаточной работоспособности и фрагментарности криминалистической методики расследования неправомерных действий при банкротстве, особенно на первоначальном этапе, на фоне сложностей установления обстановки («наличия признаков банкротства») и разграничения уголовно наказуемых деяний от хозяйственного риска.

Данная проблема проявляется сразу в нескольких направлениях:

1. Нормативно-правовая неопределённость и бланкетность ст. 195 УК РФ.

Статья содержит отсылку к законодательству о банкротстве и использует оценочный признак «наличие признаков банкротства». При постоянных изменениях 127-ФЗ [2] и порогов крупного (особо крупного) ущерба по экономическим преступлениям (Федеральный закон от 06.04.2024 № 79-ФЗ) [3] следователь вынужден ориентироваться в изменяющейся нормативной среде. Это приводит к тому, что значительное количество проверок заканчивается отказами по мотиву «отсутствия признаков преступления», хотя фактически имеет место социально опасное поведение должника.

2. Методическая недостаточность типовых алгоритмов действий следователя.

В реальной практике часто отсутствуют утверждённые ведомственные рекомендации, ориентирующие следователя на комплексный анализ финансово-хозяйственной деятельности, взаимодействие с арбитражным управлением, налоговыми органами и анализ реестра требований кредиторов.

3. Дефицит специальных знаний и цифровых компетенций у следователей.

Расследование дел данной категории предполагает глубокое понимание финансового анализа, бухгалтерского учёта, специфики процедур банкротства, а также умение работать с цифровыми следами (банковские транзакции, электронная переписка, ЕФРСБ, системы учёта). При этом не всегда обеспечивается оперативное привлечение специалистов и назначение комплексных экспертиз.

4. Высокая латентность и сложность выявления источников доказательств.

Как подчёркивают С. В. Дерягина и А. В. Майоров, виктимологическая специфика криминальных банкротств заключается в том, что потерпевшие (кредиторы, работники, государство) часто осознают масштаб ущерба уже на поздних стадиях, когда значительная часть доказательств утрачена или искажена [4, С. 401].

С учётом указанного предлагаются следующие **пути решения**.

1. Целесообразно **уточнить в ст. 195 УК РФ отсылку к ст. 3 Закона о банкротстве**, закрепив, что «наличие признаков банкротства» определяется по фактической неспособности должника исполнить обязательства в течение трёх месяцев, вне зависимости от возбуждения дела о банкротстве. Это снизит количество ошибочных отказов в возбуждении дел по формальному признаку отсутствия арбитражного производства.

2. В качестве мягкого варианта реформы возможно введение **примечания к ст. 195 УК РФ**, раскрывающего содержание обстановки, либо разъяснение Пленума Верховного Суда РФ, детализирующее критерии её установления на основе фактических данных (просрочка, структура задолженности, наличие исполнительных документов, данные реестра требований кредиторов).

Неправомерные действия при банкротстве представляют собой сложное, многоуровневое явление экономической преступности, в котором переплетаются граждан-

ско-правовые, финансовые и уголовно-правовые аспекты. Криминалистическая специфика данной категории дел проявляется в сложных схемах вывода активов, многостадийном механизме преступного поведения, высокой латентности и информационной асимметрии между должником и потерпевшими.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954; 2025. — № 42. — Ст. 6087.
2. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 43. — Ст. 4190; 2024. — № 33 (Часть I). — Ст. 4952.
3. Федеральный закон от 06.04.2024 № 79-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 15. — Ст. 1972.
4. Дерягина С. В., Майоров А. В. Виктимологический аспект криминальных банкротств // Виктимология. 2022. Т. 9. № 4. С. 399–407.
5. Железцов М. Л. Ответственность за непередачу документов должника при банкротстве // Юридическая наука и практика. 2024. № 2. С. 293–300.
6. Калугин В. Ю. Материально-правовые и процессуальные аспекты защиты от конкурсного оспаривания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2024. 30 с.
7. Паронян К. М. Уголовно-правовая характеристика неправомерных действий при банкротстве: объективные и субъективные признаки: монография. М.: Перо, 2022. 212 с.
8. Пестерева Ю. С., Рожкова О. И., Шагланова А. Н. Уголовная ответственность за неправомерные действия при банкротстве: современное состояние, проблемы и пути их решения // Сибирское юридическое обозрение. 2022. Т. 19. № 4. С. 407–418.
9. Сбирунов П. Н. Уголовно-правовые аспекты противодействия неправомерным действиям при банкротстве // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. № 2–2 (77). С. 207–214.
10. Субачев А. К. Проблемы установления обстановки совершения неправомерных действий при банкротстве (чч. 1, 2 ст. 195 УК РФ) // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 1. С. 120–127.
11. Ткаченко Н. В. Криминалистическая характеристика механизма следообразования в неправомерных действиях при банкротстве // Вопросы российской юстиции. 2021. № 15. С. 597–606.

Развитие службы участковых уполномоченных в истории России

Онякова Елена Алексеевна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский университет МВД России

В научной статье проанализирован вопрос истории развития службы участковых уполномоченных полиции в истории России.

Ключевые слова: *участковый, полиция, милиция, служба, понятие, полномочия, компетенция, обязанности, история.*

The development of the district police service in Russian history

Onyakova Elena Alekseevna, master's student
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article analyzes the history of the development of the police district commissioner service in Russia.

Keywords: *district police officer, police, militia, service, concept, authority, competence, duties, history*

Функции участковых уполномоченных начали реализовываться на ранних этапах зарождения и развития российского государства.

Первые упоминания о реализации функций участкового уполномоченного полиции известны с XVI века, когда были введены должности губных старост.

В период правления Петра Великого деятельность органов внутренних дел претерпевала значительные изменения, в данный период времени были созданы регулярные и централизованные правоохранительные силы — полиция. Указом от 20 мая 1715 года в Санкт-Петербурге была учреждена полицмейстерская канцелярия, при ней состояли солдаты и унтер-офицеры. В мае 1718 года, в столице учреждается должность генерал-полицмейстера, при котором образуется полицмейстерская канцелярия [7].

В продолжение деятельности императора Петра Великого, Екатерина II реализовала комплекс мероприятий по преобразованию правоохранительной сферы, во время ее правления был принят «Устав благочиния» или «Полицейский устав», согласно которому города стали делиться на административно-полицейские части, одна часть охватывала от 200 до 700 дворов, где контроль за порядком возлагался на частного пристава. Внутри части формировались кварталы, по 50–100 дворов. На уровне квартала предусматривалось наличие квартального поручика, избираемого из жителей соответствующего квартала сроком на три года. Низовое звено полицейского надзора обеспечивалось околоточным надзирателем, к которому адресовались жалобы и заявления населения [7]. Таким образом, можем сказать, что «Устав благочиния» заложил существенные правовые основы организационно-правового статуса будущих полицейских урядников.

Впервые на централизованном уровне оформление правового статуса участковых уполномоченных произошло в 1878 году, когда в результате проведенной реформы был образован институт полицейских урядников. Основным нормативным документом, послужившим основой организации деятельности полицейских урядников, стала «Инструкция полицейских урядников», согласно которой, к должностным лицам, назначавшимся на должность полицейских урядников, предъявлялся ряд требований, как должностного, так и личностного характера. Полицейские урядники должны были знать основополагающие положение общего законодательства, а также весь массив ведомственного законодательства, регулировавшего и регламентирующего их деятельность. Также обязательным являлось знание территории обслуживания.

Число урядников в губернии было 100–200 человек, в среднем на уезд приходилось по 11 человек. Работа строилась по территориальному принципу — полицейский урядник отвечал за участок, как правило, равный волости. Дальнейшее развитие службы участковых уполномоченных было продолжено уже в советский период. Так, в число первых центральных органов государственного управления, созданных новой советской властью, вошел Народный комиссариат внутренних дел РСФСР (НКВД РСФСР). НКВД РСФСР был образован в соответствии с декретом «Об учреждении Совета Народных Комиссаров», принятым вторым Всероссийским съездом Советов 26 октября (8 ноября) 1917 года. 28 октября (10

ноября) 1917 года НКВД РСФСР принял постановление «О рабоче-крестьянской милиции», которое явилось юридической основой для создания милиции в нашем государстве. Основными направлениями деятельности НКВД были борьба с преступностью и охрана общественного порядка.

Следует отметить, что должность непосредственно «участкового уполномоченного милиции» не была введена изначально, с момента создания милиции. Тем не менее, необходимость реализации правоохранительных функций по обеспечению местного правопорядка была осознана советской властью сразу. Прежде всего, это было связано с напряженной обстановкой во многих регионах, на уровне местного самоуправления. Старая система была фактически упразднена, а новой создано не было. В ситуации реализации мер по так называемому «раскулачиванию» на местном уровне на постоянной основе возникали острые социальные конфликты и, как следствие, многочисленные нарушения общественного порядка. В этой связи, в период 1918–1920 гг. вместо урядников и околоточных надзирателей были введены должности старших милиционеров и волостных милиционеров, а уже в конце 1922 года в печати широко обсуждался вопрос о введении в штат всей городской милиции должности городского надзирателя [9]. Итогом широкомасштабных общественных обсуждений и дискуссий, стала разработка и принятие 17 ноября 1923 года «Инструкции участковому надзирателю» [8], именно с этого периода берет свое начало формирование института участковых уполномоченных органов внутренних дел. Задачами участковых, согласно Инструкции, выступали: охрана внешнего порядка и безопасности, защита всех и каждого от всяческих обид и насилий, соблюдение Кодекса о труде.

Одним из главных принципов организации несения службы участковых выступала территориальная привязка их деятельности. Необходимо отметить, что изначально в зависимости от правового статуса участковых уполномоченных полиции, выделялось две категории должностных лиц, сельские участковые и городские. Отличие заключалось в двух аспектах. Во-первых, это место несения службы, а именно сельская местность и городская территория, во-вторых, правовой статус указанных должностных лиц. Сельские участковые по должности являлись младшими милиционерами с ограниченными правовым статусом (в частности, не имели права на производство дознания по уголовным делам). Городские участковые являлись старшими и имели более расширенный правовой статус.

Нормативное наименование должности участкового состава было изменено приказом НКВД РСФСР № 109 от 13 февраля 1930 г.: участковые надзиратели городской милиции и сельские милиционеры районных отделений, выполнявшие службу на участках, стали именоваться участковыми инспекторами милиции. Переименование не сопровождалось пересмотром объема прав и полномочий, указанное расхождение было устранено Положе-

нием об участковом инспекторе в сельских местностях от 31 мая 1930 г., закрепившим приравнивание служебных прав сельского участкового инспектора [6].

Приказом Народного комиссара внутренних дел СССР от 9 сентября 1943 г. была объявлена «Временная инструкция участковому уполномоченному сельской местности», ориентированная на исполнение службы в условиях военного времени, включая территории, объявленные на военном положении.

В работах исследователей приводится единая Инструкция по службе участкового уполномоченного милиции, утвержденная приказом МГБ СССР от 26.06.1952 г. № 325, согласно которой участковый уполномоченный милиции отвечает за охрану общественного порядка и состояние борьбы с преступностью именно на закрепленном участке, не зависимо от занимаемой должности сельских или городских участковых.

18 апреля 1991 года был принят Закон РФ № 1026–1 «О милиции» [1]. По организационной структуре, милиция была поделена на три основные части: криминальная милиция, милиция общественной безопасности и внутренние войска. Служба участковых инспекторов входила в службу милиции общественной безопасности. Первым инструктивным документом, характеризовавшим порядок деятельности участковых инспекторов милиции, выступила соответствующая Инструкция, утвержденная приказом МВД РФ от 14 июля 1992 № 231 «Об утверждении Инструкции по организации работы участкового инспектора милиции» [2], содержащая в себе ряд разделов относительно организации несения службы участковых инспекторов. Значительной проблемой организации службы участковых инспекторов выступало их привлечение к осуществлению не свойственных им функций, что приводило к низкой эффективности работы, разрастанию преступных проявлений на обслуживаемой территории, потери связи с населением. Во многом, в связи с этим, 16 сентября 2002 года был издан приказ МВД России от 16.09.2002 № 900 «О мерах по совершенствованию деятельности участковых уполномоченных милиции», согласно которому за каждым участковым уполномоченным приказом начальника органа внутренних дел закреплялся административный участок с населением в городах не свыше 3–3,5 тысяч человек, а в сельской местности — в границах одного сельского (поселкового) административно — территориального образования, но не более 3,5 тысяч человек на одного участкового уполномоченного [3], а также было отмечено, что с одной стороны принятые меры по совершенствованию деятельности участковых уполномоченных милиции привели к значительному увеличению их роли в борьбе с пре-

ступностью, однако, с другой стороны, что коренных изменений в лучшую сторону данная служба не претерпела. В качестве недостатков деятельности были названы: отвлечение участковых уполномоченных милиции от основного рода деятельности и выполнения непосредственных обязанностей, недостаточная техническая оснащенность, кадровый некомплект.

В 2012 году принимается приказ МВД России № 1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции» [4]. Данным приказом было утверждено Наставление по организации службы участковых уполномоченных полиции. Фактически, принятым актом ознаменовался новый этап развития службы участковых уполномоченных полиции, соответствовавший по своим временным, предметным и методологическим контекстам проводившейся в тот период реформы органов внутренних дел, созданию полиции. Согласно данному приказу, за участковым уполномоченным полиции приказом начальника территориального органа МВД России на районном уровне закрепляется административный участок, исходя из численности проживающего населения и граждан, состоящих на профилактическом учете, однако конкретными цифрами численность населения не указывалась.

29 марта 2019 года был принят приказ МВД России № 205 [5], утвердивший, во-первых, Инструкцию по исполнению участковыми уполномоченными полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке, а, во-вторых, Наставление по организации службы участковых уполномоченных полиции. Таким образом, начался новый этап развития службы участковых уполномоченных полиции, в котором основной акцент направлен на **сбалансированное распределение нагрузки** между участковыми уполномоченными и сотрудниками других подразделений, **проведение работы в сфере семейно-бытовых конфликтов**, проведение профилактики с неблагополучными семьями, **повышение прозрачности и доступности информации** о деятельности участковых уполномоченных полиции. В результате проведенной реформы служба участковых уполномоченных полиции преобразилась, укрепила авторитет и общественное доверие к себе со стороны населения, повысила показатели служебной деятельности.

Каждый этап развития службы участковых уполномоченных полиции отличался, как положительными, так и отрицательными моментами. Вместе с тем, можем выделить советский период, а именно середину XX века. На данном этапе было обеспечено наибольшее развитие службы, как в правовом, так и материально-техническом и кадровом аспектах.

Литература:

1. Закон РФ № 1026–1 «О милиции» // Ведомости СНД и ВС РСФСР, 18.04.1991. № 16, ст. 503.
2. Приказ МВД РФ от 14.07.1992 № 231 «Об утверждении Инструкции по организации работы участкового инспектора милиции» // СПС Консультант Плюс

3. Приказ МВД РФ от 16.09.2002 № 900 «О мерах по совершенствованию деятельности участковых уполномоченных милиции» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти, № 1, 06.01.2003.
4. Приказ МВД России от 31.12.2012 № 1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции» (Зарегистрировано в Минюсте России 19.03.2013 N 27763) // Российская газета, № 65, 27.03.2013. Утратил силу.
5. Приказ МВД России от 29.03.2019 № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» (Зарегистрировано в Минюсте России 03.07.2019 № 55115) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2019.
6. Бреев А. В., Ларин В. Ю. История создания службы участковых уполномоченных полиции // Органы правоохранительной системы: прошлое и настоящее Сборник статей круглого стола. 2016. С. 11.
7. Емельянов В. М. Прообраз современного участкового уполномоченного полиции и этапы становления службы участковых уполномоченных // Вестник Уральского финансово-юридического института. 2018. № 1 (11). С. 56.
8. Инструкции участковому надзирателю от 17 ноября 1923 года // <http://petrovka-38.com/arkhiv/item/ot-okolotochnykh-nadziratelej-do-inspektorov-i-upolnomochennykh> (дата обращения 05.02.2025).
9. Селезнев М. С. Законодательные акты начального периода развития Советского государства. — «Информационный бюллетень ГАУ МВД СССР», 1958, № 7. С. 104–106.

Судебная система РФ в условиях правовых реформ: тенденции и противоречия

Прудникова Елизавета Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Бушуева Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, доцент
Брянский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В статье рассмотрены основные направления развития судебной системы Российской Федерации в условиях современных правовых реформ. Особое внимание уделено анализу тенденций институционального и процессуального преобразования, а также противоречий, возникающих на пути формирования эффективного и независимого правосудия. Проанализированы реформы, касающиеся структуры судов, внедрения цифровых технологий, совершенствования процедур пересмотра судебных актов и обеспечения судебного контроля над публичной властью. Освещаются проблемы независимости судей, доступности правосудия, единообразия судебной практики, а также влияния внешнеполитических и конституционных изменений на функционирование судебной системы. Делается вывод о необходимости не только административно-технических преобразований, но и укрепления доверия к правосудию за счёт прозрачности и справедливости судебной деятельности.

Ключевые слова: судебная система, правовые реформы, Российская Федерация, независимость суда, судебная практика, цифровизация правосудия, судебная власть.

The Russian judicial system in the context of legal reforms: trends and contradictions

The article examines the main directions of development of the judicial system of the Russian Federation in the context of modern legal reforms. Special attention is paid to the analysis of trends in institutional and procedural transformation, as well as the contradictions that arise in the process of forming an effective and independent judiciary. The article analyzes reforms related to the structure of courts, the introduction of digital technologies, the improvement of procedures for reviewing court decisions, and the provision of judicial control over public authorities. The article highlights the issues of judicial independence, accessibility of justice, uniformity of judicial practice, and the impact of foreign policy and constitutional changes on the functioning of the judicial system. The article concludes that it is necessary not only to carry out administrative and technical reforms, but also to strengthen trust in the justice system through transparency and fairness in judicial proceedings.

Keywords: judicial system, legal reforms, Russian Federation, court independence, judicial practice, digitalization of justice, judicial authority.

Судебная система Российской Федерации на протяжении последних десятилетий развивается в режиме практически непрерывных преобразований. При этом ре-

формы затрагивают не только организационную структуру судов и процессуальные правила, но и более глубокие пласты правовой реальности: баланс ветвей власти,

понимание независимости судьи, стандарты справедливого судебного разбирательства, роль судебной практики, доступность правосудия, цифровизацию, кадровую политику и механизмы ответственности. На уровне официальной риторики реформы ориентированы на повышение качества правосудия, укрепление доверия к суду, обеспечение единообразия практики и ускорение рассмотрения дел. Однако в реальной правоприменительной среде эти цели сталкиваются с целым рядом противоречий — институциональных, политико-правовых, социально-экономических и культурных. В результате судебная система одновременно демонстрирует модернизацию отдельных процедур и сервисов, но при этом сохраняет устойчивые проблемы, связанные с независимостью, состязательностью и реальным равенством сторон.

Судебная система РФ конституционно закреплена как самостоятельная ветвь власти и включает Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, федеральные суды общей юрисдикции (включая военные суды) и арбитражные суды, а также мировых судей субъектов РФ. Ее устройство и компетенция определяются Конституцией РФ, федеральными конституционными законами и отраслевым процессуальным законодательством. Формально система обладает всеми атрибутами современного правосудия: многоуровневой структурой, процедурами апелляции и кассации, специализацией по категориям дел, механизмами пересмотра и надзора, институтами судебного контроля, кадровыми гарантиями статуса судьи, а также развитой нормативной базой.

Если рассматривать реформы как длинную историческую траекторию, то можно выделить несколько крупных линий. Во-первых, это линия институционального строительства и реструктуризации: изменение компетенций высших судов, создание новых звеньев, перераспределение юрисдикции, оптимизация сети судов. Во-вторых, линия процессуальной модернизации: развитие административного судопроизводства, уточнение апелляционных и кассационных фильтров, расширение особых порядков, попытки разгрузки судов и ускорения рассмотрения дел. В-третьих, линия цифровизации правосудия: электронная подача документов, дистанционные заседания, автоматизация документооборота, развитие информационных систем. В-четвертых, линия кадрово-дисциплинарных изменений: порядок назначения судей, аттестации, дисциплинарной ответственности, роль квалификационных коллегий. И, наконец, линия «ценностного» переосмысления роли суда в системе власти, особенно заметная в последние годы: усиление акцента на суверенитете правопорядка и внутреннем источнике легитимности судебных решений при одновременном сокращении внешних контуров контроля (включая изменение отношения к международным механизмам защиты прав).

Одним из ключевых событий институциональной реформы стала реорганизация высшего судебного уровня, связанная с объединением высших судов и упразднением

самостоятельного Высшего Арбитражного Суда РФ. Это решение часто оценивается как шаг к унификации судебной практики, устранению «двух верхов» и формированию единого центра толкования права. Действительно, единый Верховный Суд позволяет формировать более согласованные подходы по вопросам, находящимся на стыке гражданского, административного и экономического регулирования, а также усиливает вертикаль разъяснений через постановления Пленума и обзоры практики. В то же время данная реформа породила и противоречивые последствия. Арбитражная система долгое время воспринималась как более специализированная и, в ряде аспектов, более «технически» ориентированная на экономические споры, с высокой ролью правовых позиций и с устойчивой практикой анализа сложных коммерческих конструкций. После объединения возникли опасения относительно размывания специфики арбитражного подхода, роста централизованного административного контроля, а также усиления роли унифицирующих разъяснений в ущерб гибкости и развитию доктрины. Для бизнеса и профессионального юридического сообщества вопрос предсказуемости и стабильности практики по экономическим спорам остается принципиальным, а любое изменение «правил игры» воспринимается через призму юридических рисков и инвестиционного климата [1].

Процессуальные реформы также демонстрируют двойственность. С одной стороны, заметно развитие административного судопроизводства и укрепление судебного контроля в публично-правовой сфере. Принятие Кодекса административного судопроизводства РФ стало важным шагом к отделению публичных споров от гражданско-правовых, к более ясным правилам рассмотрения дел против органов власти, к закреплению принципов активной роли суда в сборе и оценке доказательств там, где гражданин объективно слабее административного аппарата. Административное судопроизводство, будучи по своей природе «асимметричным», требует от суда большего внимания к реальному равенству сторон и к тому, чтобы процесс не превращался в формальную процедуру подтверждения позиции государства. Введение специализированных норм о бремени доказывания, о стандартах проверки решений органов власти, о возможности истребования материалов административного производства и о повышенных требованиях к мотивировке решений в публичных спорах — важные элементы модернизации [2].

Отдельного внимания заслуживают реформы, направленные на разгрузку судов и повышение скорости рассмотрения дел. Судебная система РФ традиционно работает с очень большим массивом дел, включая массовые категории: взыскания задолженностей, споры по кредитам, ЖКХ, административные правонарушения, некоторые категории семейных и трудовых конфликтов. Для работы с таким объемом неизбежно расширяются упрощенные и приказные процедуры, развиваются механизмы рассмотрения дел без вызова сторон, вводятся фильтры для пересмотра, стимулируется досудебное урегулирование.

С точки зрения управленческой эффективности, это логично: нельзя загружать полноценным устным разбирательством каждое типовое дело, иначе система перестанет функционировать.

Но противоречие состоит в том, что ускорение и упрощение почти всегда вступает в напряжение с глубиной судебного исследования и индивидуализацией подхода. Там, где речь идет о «массовом правосудии», возрастает риск конвейерности, шаблонных мотивировок, автоматизма в оценке доказательств, а также риск недостаточного внимания к социальным последствиям решения. Например, формально несложное дело о взыскании долга может иметь серьезные последствия для гражданина (удержания, ограничение выезда, арест счетов), а потому требует не только юридической, но и фактической точности. Чем более процесс «стандартизирован», тем выше вероятность, что слабая сторона не сможет эффективно реализовать свои права, особенно если не понимает последствий или не умеет своевременно возражать.

Кадровый контур реформ связан с тем, как государство обеспечивает одновременно независимость судей и их ответственность. Судья по смыслу конституционного статуса должен быть независим и подчиняться только Конституции РФ и федеральному закону. Независимость включает гарантии несменяемости, иммунитета, особого порядка привлечения к ответственности, достаточного материального и организационного обеспечения. Но независимость не может пониматься как безответственность: обществу нужен механизм, который защищает от произвола, коррупции, грубых процессуальных нарушений и недобросовестности. В результате возникает сложная задача: выстроить дисциплинарные механизмы так, чтобы они не превратились в инструмент давления и управляемости, но при этом реально работали против злоупотреблений.

В российской модели существенную роль играют квалификационные коллегии судей, органы судебного сообщества, а также процедуры назначения. Здесь обнаруживается основное противоречие: формально система призвана поддерживать самоорганизацию судебной власти, но фактически ключевые точки карьерной траектории судьи (назначение, продвижение, переход в другой суд, управленческие должности) могут восприниматься как зависимые от административных оценок и от внешнего контекста. В такой среде у судей появляется естественный стимул к осторожности и конформизму: выбирать наиболее «безопасную» позицию, избегать решений, которые могут вызвать конфликт. Особенно остро это противоречие обсуждается применительно к резонансным делам, к вопросам свободы и безопасности личности, к спорам с публичной властью и к уголовному судопроизводству.

Уголовное правосудие — наиболее чувствительная зона для оценки реального баланса системы. Здесь сходятся вопросы прав и свобод, полномочий государства, общественного запроса на безопасность, доверия к пра-

воохранительным органам и одновременно — страха перед ошибкой или злоупотреблением. Российская уголовная юстиция традиционно критикуется за обвинительный уклон, высокую долю согласительных и особых процедур, значительную зависимость исхода дела от качества предварительного расследования и от позиции обвинения. В теории суд является центральной фигурой, которая проверяет доказательства, оценивает их допустимость, прекращает уголовное преследование при отсутствии состава преступления, выносит оправдательные приговоры при недоказанности обвинения. На практике же, по оценкам многих наблюдателей, суд нередко занимает позицию, близкую к подтверждению уже сформированного обвинительного нарратива, особенно если дело дошло до суда и прошло стадию утверждения обвинительного заключения [3]. При этом нельзя упрощать картину: суды рассматривают огромный массив дел, среди которых много очевидных преступлений, где доказательства действительно убедительны. Но структурная проблема заключается в том, что механизмы проверки слабых и спорных дел могут работать недостаточно эффективно, а процессуальное равенство защиты и обвинения часто оказывается формальным.

Гражданское и арбитражное правосудие в целом воспринимается как более «правоцентричные», но и здесь есть свои противоречия. В экономических спорах ключевыми ценностями являются предсказуемость, единообразие толкования и скорость. Однако единообразие, достигаемое сверху через обзоры и разъяснения, может вступать в напряжение с принципом независимости судьи и с необходимостью учитывать специфику конкретной ситуации. Кроме того, в условиях сложной экономики возрастает роль экспертиз, специальных знаний, оценки корпоративных конфликтов и финансовых инструментов. Это требует от суда высокой квалификации и времени, а система при высокой нагрузке стремится к стандартизации. Возникает риск, что сложные дела будут решаться «по шаблону», либо что качество мотивировки будет страдать.

Особый пласт реформ связан с развитием альтернативных способов урегулирования споров и общим трендом на снижение судебной конфликтности. Медиация, третейское разбирательство, переговорные процедуры, претензионный порядок — все это в идеале должно разгружать суды и давать сторонам более гибкий и быстрый способ разрешения конфликтов. Но в России распространение таких инструментов ограничено рядом факторов: низкой культурой переговоров в некоторых сферах, недоверием к частным механизмам, неравенством сторон (когда слабая сторона боится «договориться» под давлением), а также экономическими стимулами участников. Реформирование третейского разбирательства и повышение требований к арбитражным учреждениям призваны обеспечить качество и надежность, но одновременно могут сужать рынок и снижать доступность таких механизмов.

Серьезное влияние на судебную систему оказывают конституционно-правовые изменения и общий контекст правового суверенитета. Конституционные поправки 2020 года, наряду с другими последствиями, укрепили определенные механизмы взаимодействия ветвей власти и расширили возможности по кадровым решениям в отношении судей высших уровней. В оценке этих изменений снова проявляется двойственность. С точки зрения публичного управления, государство стремится к стабильности и управляемости, особенно в условиях кризисов и внешнего давления. С точки зрения теории правового государства, слишком сильная включенность судов в вертикаль политико-административных решений может снижать воспринимаемую независимость и доверие. Доверие же — ключевой капитал судебной власти: без него даже формально правильное решение воспринимается как навязанное, а правосудие теряет легитимность.

Отдельно необходимо учитывать международно-правовой контур, который в последние годы радикально изменился. Для российской правовой системы длительное время значимым фактором были стандарты Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и практика Европейского суда по правам человека, которые влияли на развитие процессуальных гарантий, на мотивировку судебных решений и на правовое сознание профессионального сообщества. Изменение характера отношений России с европейскими институтами и прекращение участия в ряде механизмов привели к снижению роли внешнего контроля и внешнего стандарта. Это может рассматриваться как усиление суверенитета правового порядка, но одновременно — как сокращение возможностей для граждан добиваться защиты при системных нарушениях и как ослабление одного из стимулов к внутренней правовой модернизации. Внутренние механизмы контроля и самоисправления системы в таких условиях становятся еще более важными, но именно здесь общество часто фиксирует дефицит прозрачности и недостаточную эффективность обратной связи [4].

Если попытаться обобщить основные тенденции реформ, то, во-первых, можно говорить о поступательной институциональной централизации и унификации. Создание межрегиональных апелляционных и кассационных инстанций, усиление роли Верховного Суда как центра правовых позиций, развитие единого информационного пространства, стандартизация процедур — все это укрепляет вертикальные связи и делает систему более управляемой. Во-вторых, наблюдается технократическая модернизация: цифровые сервисы, электронный документооборот, упрощение массовых процессов, внедрение регламентов, KPI-подобных подходов к срокам и нагрузке. В-третьих, сохраняется и усиливается акцент на стабильности и безопасности, что особенно заметно в публично-правовых и уголовных сегментах. В-четвертых, идет поиск баланса между доступностью правосудия и «фильтрацией» потоков дел, что выражается в расширении при-

казного и упрощенного производства и в усложнении некоторых процедур пересмотра.

В перспективе ключевым вызовом для судебной системы РФ остается вопрос доверия. Доверие не формируется только законами, цифровыми платформами или новыми инстанциями. Оно формируется ежедневной практикой: понятной и убедительной мотивировкой решений, предсказуемостью и равенством подходов, готовностью суда слушать и слышать стороны, реальной возможностью оспорить решение и быть услышанным в пересмотре, прозрачностью дисциплинарных процедур, профессионализмом и этикой судейского корпуса, уважением к правам личности и к принципу соразмерности вмешательства государства. Без укрепления этих составляющих любая институциональная реформа будет восприниматься как перестановка элементов внутри системы, не меняющая ее сути.

Тем не менее, нельзя игнорировать и объективные ограничения. Судебная система работает в контексте общей правовой культуры, экономических ресурсов, кадрового потенциала и политико-правовой модели государства. Реформы, которые стремятся одновременно ускорить рассмотрение миллионов дел, обеспечить высокие стандарты мотивировки, расширить доступность и сохранить независимость — сталкиваются с пределами управляемости и финансирования. Поэтому важнейшим направлением дальнейшего развития могла бы стать не только очередная структурная перестройка, но и последовательное повышение качества правосудия «на земле»: снижение перегрузки судей через разумную декриминализацию и деконфликтологизацию отдельных сфер, повышение роли досудебного урегулирования там, где это действительно добровольно и справедливо, усиление профессиональной подготовки и специализации, развитие правовой помощи для социально уязвимых групп, а также повышение прозрачности и открытости судебных процедур при сохранении необходимых ограничений для защиты частной жизни и безопасности.

В итоге судебная система РФ в условиях правовых реформ демонстрирует сложное сочетание модернизации и инерции. С одной стороны, происходит институциональное укрепление, технологическое обновление и рост процедурной рациональности. С другой стороны, сохраняются системные противоречия, связанные с независимостью, качеством контроля над публичной властью, состязательностью и реальной доступностью пересмотра. Судебные реформы, ориентированные на долгосрочный эффект, требуют не только изменения структуры и процессуальных кодексов, но и укрепления доверия через качество и справедливость повседневной судебной практики. Именно в этом — главная развилка: либо реформы останутся преимущественно административно-техническими, либо они приведут к усилению суда как самостоятельной, уважаемой и действительно независимой власти, способной эффективно защищать права человека и обеспечивать верховенство закона.

Литература:

1. Верховный Суд Российской Федерации. Итоги деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации за 2022 год [Электронный ресурс]. — М., 2023. — URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 15.05.2024).
2. Голосов, Г. В. Судебная система России: анализ реформ и их последствий // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. — 2022. — Т. 26, № 4. — С. 137–150.
3. Мишина, Е. В. Судебная реформа в России: современные тенденции и вызовы // Государство и право. — 2023. — № 8. — С. 21–33.
4. Сергеева, А. А. Влияние цифровизации на развитие судебной системы Российской Федерации // Российский юридический журнал. — 2022. — № 5. — С. 55–67.
5. Тихонова, М. А. Противоречия совершенствования правосудия в условиях реформирования судебной системы // Конституционное и муниципальное право. — 2023. — № 2. — С. 74–89.

Информационно-технологическое обеспечение криминалистического учета: теоретико-прикладные аспекты

Русакова Ольга Викторовна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье автором рассматриваются основные виды криминалистических учетов, их классификация по субъектам ведения, объектам учета и объему информации. Описываются методы фиксации информации в учетах, включая описательный, дактилоскопический, фотографический, графический, коллекционный и смешанный. Особое внимание уделяется автоматизированным системам, используемым в криминалистике, таким как АДИС «Папилон», «Папилон Растр», АБИС («ТАИС», «Поиск», «Арсенал») и АИПС («Картотека», «Опознание», «ФР-оповещение», «Досье»). Анализируются функциональные возможности этих систем и их роль в повышении эффективности раскрытия и расследования преступлений.

Ключевые слова: криминалистические учеты, автоматизированные системы, АДИС, АБИС, АИПС, дактилоскопия, баллистика, идентификация, трасология, розыск, преступления, информация, базы данных.

В современных реалиях расследование преступлений, относящихся к компетенции органов внутренних дел, неразрывно связано с использованием специализированных информационно-аналитических систем. Данные системы обеспечивают фиксацию сведений, необходимых для установления объективных и субъективных признаков преступления, а также идентификации лиц, причастных к его совершению.

Основой функционирования указанных систем является криминалистическая регистрация — научно обоснованная система формализации, систематизации и анализа криминалистически значимой информации, включая сведения о преступлениях, личностях преступников, способах совершения преступлений и иных обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела. Криминалистическая регистрация представляет собой комплекс мер по созданию и поддержанию информационных массивов, позволяющих сопоставлять данные, выявлять закономерности и взаимосвязи для раскрытия и расследования преступлений.

В рамках криминалистической регистрации можно выделить несколько категорий объектов, подлежащих учету. В частности, к ним относятся: лица, регистрация которых осуществляется на основании общефизических,

биологических, анатомических и других характеристик; предметы, непосредственно связанные с преступной деятельностью; события, попадающие в поле зрения криминалистического анализа [10, с. 83].

Виды криминалистических учетов классифицируются по различным основаниям. По субъектам ведения выделяют учеты, осуществляемые органами предварительного расследования, экспертно-криминалистическими подразделениями, оперативно-розыскными подразделениями и другими субъектами, наделенными соответствующими полномочиями. По объектам учета различают учеты лиц (например, учеты лиц, задержанных за совершение преступлений, лиц, находящихся в розыске, лиц, пропавших без вести), учеты вещей (учеты похищенного имущества, учеты огнестрельного оружия, учеты следов преступлений) и учеты событий (учеты нераскрытых преступлений, учеты несчастных случаев) [3, с. 89].

Как видится, объекты, подлежащие криминалистической регистрации, разнообразны, вся информация, содержащаяся в указанных объектах, может быть зафиксирована различными методами: описательным — с использованием текстового описания, создания словесного портрета; дактилоскопическим — путем получения

отпечатков определенных объектов; фотосъемкой, а также аудио- и видеозаписью; графическим — с помощью чертежей, схем, спектрограмм и прочего; коллекционным — через фактический сбор самих объектов, таких как оружие, вещества, изделия и т. д.; смешанным — использование нескольких методов одновременно [4, с. 77–80].

Данные учеты ведутся с целью установления взаимосвязей между преступлениями, выявления лиц, причастных к их совершению, розыска скрывшихся преступников и похищенного имущества, а также для использования в профилактических целях. В зависимости от объема информации учеты подразделяются на централизованные (федеральные), региональные и местные. Централизованные учеты содержат информацию общенационального значения и ведутся центральными аппаратами правоохранительных органов. Региональные учеты ведутся на уровне субъектов Российской Федерации и содержат информацию, актуальную для соответствующих регионов. Местные учеты ведутся на уровне городов, районов и других муниципальных образований и содержат информацию, имеющую значение для местной оперативной обстановки. Правовую основу ведения криминалистических учетов составляют Конституция Российской Федерации [1], федеральные законы, подзаконные нормативные акты, регламентирующие деятельность правоохранительных органов, а также международные договоры Российской Федерации. Порядок ведения видов учетов определяется ведомственными нормативными актами соответствующих правоохранительных органов.

В качестве примера специализированной технологии идентификации выступает автоматизированная дактилоскопическая идентификационная система АДИС «Папирон». Данная система, в частности, представляет собой программно-аппаратное решение, предназначенное для систематизации дактилоскопических данных и анализа следов рук, обнаруженных на местах нераскрытых преступлений, посредством сопоставления с базами дактилокарт, и реализует следующие функциональные возможности: внесение и хранение в базе данных дактилокарт, фотографических изображений, описаний особых примет и словесных портретов субъектов; ввод и архивирование следов пальцев и ладоней, изъятых при проведении оперативно-следственных мероприятий; автоматизированный поиск для установления личности проверяемого индивида, идентификации лица, оставившего следы на месте преступления, а также для установления факта серийности преступлений одним и тем же лицом; поиск и идентификация следов и отпечатков ладоней; автоматизированное определение дактилоскопической формулы [5, с. 214].

Другой идентификационной системой выступает «Папирон Растр». Функции данной системы заключаются в: разработке специализированных защищенных баз данных для хранения изображений, документов и экспертных заключений в цифровом формате; получении и добавлении в базу данных изображений предметов исследования из разнообразных источников; неразрушающем преобра-

зовании цифровых изображений для улучшения их восприятия и выделения труднодоступных деталей; исследовании изображений, включая сравнительные анализы, с обязательным сохранением оригиналов и истории их изменений, а также выводом изображений на печать; формировании документов по результатам экспертизы с использованием как оригинальных, так и обработанных изображений, а также печать экспертных заключений.

В сфере автоматизации криминалистических учетов важное место занимают автоматизированные баллистические идентификационные системы (АБИС), примерами которых служат «ТАИС», «Поиск» и «Арсенал», которые позволяют создавать электронные коллекции пуль и гильз неограниченного объема, значительно повышая эффективность трасологических экспертиз при расследовании преступлений, связанных с применением огнестрельного (как нарезного, так и гладкоствольного) и травматического оружия [8, с. 173]. Так, к примеру, АБИС «Арсенал» содержит следующий функционал: формирование структурированных баз данных, содержащих изображения пуль, гильз и патронов, полученных как от зарегистрированного оружия, так и изъятых с мест преступлений; автоматизированное сопоставление изображений, направленное на идентификацию объектов, выстрелянных из одного и того же экземпляра огнестрельного оружия, что позволяет установить связь между различными преступлениями; автоматизация процесса проведения трасологических экспертиз пуль, гильз и патронов, в результате чего происходит снижение трудозатрат и повышение точности исследований; выявление и объединение эпизодов преступной деятельности, совершенных с использованием огнестрельного и травматического оружия, что способствует раскрытию серийных преступлений; предоставление территориально распределенных систем идентификации оружия с многоуровневым доступом к базам данных, направленное на обеспечение обмена информацией между различными регионами [6, с. 66].

Стоит упомянуть и автоматизированные системы поиска информации (АИПС), которые помогают вести криминалистические записи. Например, АИПС «Картотека» — это база данных с информацией о гражданах РФ, иностранцах и лицах без определенного места жительства, включая данные о судимостях, сроках, освобождениях, даже случаях смерти в тюрьме, а также об их жизни до осуждения, розыске, группе крови и дактилоскопии [7, с. 174]. АИПС «Опознание» — это большая база данных о пропавших, неопознанных телах и людях, чью личность нужно установить. Она включает информацию о приметах, обстоятельствах исчезновения, фото и видео пропавших. Для неопознанных тел есть данные экспертиз и 3D-модели. Система также содержит данные о пациентах больниц без документов. АИПС «ФР-оповещение» помогает в федеральном розыске, позволяя быстро вводить данные о разыскиваемых, проверять их, формировать ориентировки. В ней содержится информация о преступлениях, приметах, месте нахождения. Система анализи-

рует эффективность розыска и оперативно рассылает уведомления. АИПС «Досье» — это подробная база данных об особо опасных преступниках, включающая не только основные данные, но и информацию о внешности, работе, месте жительства и социальных связях.

ФКУ «ГИАЦ МВД России» обеспечивает информационное сопровождение деятельности органов внутренних дел и иных федеральных органов государственной власти в сфере выявления, предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. В рамках своих функций, ГИАЦ формирует и ведет централизованные криминалистические и розыскные учеты, включая подсистемы ИБД-Ф «АБД-Центр», «Номерные вещи», «Оружие» и «Автопоиск» [9, с. 658].

Подсистема «АБД-Центр» включает модули «Лицо» и «Преступление», предназначенные для сбора, хранения и обработки данных о преступлениях и лицах, причастных к ним. Законодательное обоснование функционирования системы основывается на нормах уголовно-процессуального права, регламентирующих документальное оформление уголовных дел и сбор доказательств (ст. 74 УПК РФ [2]). ИБД-Ф «Номерные вещи» централизует учет похищенных и изъятых номерных вещей и документов. Пра-

вовую основу для ее функционирования составляют нормы УПК РФ, регулирующие порядок изъятия, фиксации и хранения вещественных доказательств (ст. 81 УПК РФ), а также ведомственные инструкции МВД России. Подсистема ИБД-Ф «Оружие» представляет собой базу данных, обеспечивающую хранение и оперативный поиск информации об огнестрельном и ином вооружении. Подсистема ИБД-Ф «Автопоиск» является централизованным учетом разыскиваемых транспортных средств.

В заключение следует подчеркнуть, что рассмотренные специализированные информационно-аналитические системы и криминалистические учеты являются критически важным инструментом в современной деятельности органов внутренних дел по расследованию преступлений. Эффективное применение этих систем позволяет существенно повысить оперативность и результативность раскрытия преступлений, выявлять серийные преступления и устанавливать лиц, причастных к их совершению, а также осуществлять профилактику преступлений. Перспективы дальнейшего развития криминалистической регистрации и информационно-аналитических систем видятся в расширении спектра объектов учета, совершенствовании методов фиксации и анализа информации.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: по состоянию на 01.07.2020. Собрание законодательства РФ. 2020. Ст. 1416.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: от 18 декабря 2001 г.: по состоянию на 17.12.2025. Собрание законодательства РФ. 2001. Ст. 4921.
3. Александров И. В. Криминалистика в 5 т. Том 3. Криминалистическая техника: учебное пособие. — М.: Издательство Юрайт, 2024. 216 с.
4. Барковская Е. Г. Биометрические параметры человека в системе криминалистической регистрации // Философия права. 2011. № 1. С. 77–80.
5. Бастрыкин А. И. Криминалистика: учебное пособие. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2017. 799 с.
6. Гаврилин С. А. Современные возможности использования специальных знаний при комплексном криминалистическом исследовании документов // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2021. № 6. С. 66–72.
7. Драпкин Л. Я. Криминалистика. Методика расследования отдельных видов преступлений: учебное пособие. — М.: Издательство Юрайт, 2024. 391 с.
8. Иванов К. Г. Криминалистика: учебник для вузов. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 599 с.
9. Кушнарев А. С. Информационные технологии криминалистических учетов // Вопросы российской юстиции. 2022. № 21. С. 657–669.
10. Элькин В. Д. Информационные технологии в юридической деятельности: учебное пособие. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 472 с.

Корпоративное управление акционерным обществом с государственным участием: особенности, проблемы и возможные варианты их решения

Симарова Анастасия Александровна, студент магистратуры
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

В рамках настоящего исследования автор раскрывает особенности и ключевые проблемы, встречающиеся на пути выстраивания системы корпоративного управления в акционерных обществах с государственным участием. На фоне

обозначенных проблем предлагаются рекомендации и пути решения проблем корпоративного управления в отношении акционерных обществ с государственным участием.

Ключевые слова: корпоративное управление, акционерное общество, государство, проблемы, экономика, показатели, правовое регулирование, акции, контрольный пакет.

Введение

В условиях нестабильной геополитической и экономической ситуации, акционерные общества могут успешно выживать только при условии эффективного корпоративного управления. Их ценность в экономической системе заключается в том, что они играют ключевую роль в развитии различных отраслей, поддержании национальной экономики в целом. Поэтому вопрос их результативности, стабильной деятельности приобретает особую актуальность. Эффективная система корпоративного управления необходима для любого корпоративного общества [9, С. 336–338]. Именно она позволяет добиться улучшения показателей прозрачности, подотчетности и достижения корпоративных целей, оказывает положительное влияние на инвестиционную привлекательность и финансовые показатели.

Цель исследования — раскрыть актуальные проблемы корпоративного управления акционерных обществ с государственным участием и предложить пути решения указанных проблем.

Методы исследования. В ходе написания настоящей статьи были задействованы методы индукции и дедукции, анализа, синтеза, сравнения и др.

Основная часть

Исчерпывающего, понятного и содержательного определения категории «корпоративное управление» в современном российском законодательстве, к сожалению, сегодня не встретить. Правда, оно упоминается на уровне отдельных нормативно-правовых актов, документы регуляторов (Банк России). В них предусмотрены положения, в которых описываются принципы, суть и содержание корпоративного управления. Если ознакомиться с положениями Кодекса корпоративного управления, опубликованного Банком России, то в данном документе указано, что под корпоративным управлением стоит понимать «систему, назначением которой выступает контроль и управление деятельностью предприятия».

В век цифровых решений и тотальной трансформации общества, мы сталкиваемся с постоянным усложнением экономической системы страны. Все эти условия предопределяют необходимость пересмотра, постоянного улучшения методов и форм организации деятельности юридических лиц, специализирующихся в сфере коммерции.

Корпорацию можно, по праву, считать наивысшей точкой развития юридического лица, специализирующегося в области коммерции. Корпорацию можно охарактеризовать как коллективный хозяйственный субъект, спо-

собный оказывать влияние на состояние региональной, национальной экономики, ее ключевые отрасли.

Ни одна корпорация не способна успешно функционировать вне эффективной системы управления. Ее управлением зачастую занимаются специальные внутренние органы. Они направляют и организуют деятельность компании.

В перечень управленческих органов смело можно включить учредителей — физических и (или) юридических лиц, публичные образования, которые приняли решение о создании корпорации, осуществив конституционное право на свободное использование имущества и иных материальных объектов для реализации в предпринимательской, экономической, любой другой деятельности, не попадающей под запрет законодательства.

Представители научного сообщества верно указывают на то, что корпоративное управление в контексте акционерного общества занимает особое место. Ученые, специализирующиеся в области корпоративного права, едины во взглядах по поводу того, что управление в корпорации — эффективное средство поддержания и исполнения интересов и стратегических целей корпорации. При этом, приходится констатировать факт того, что корпоративное управление и его практическая реализация осложнены отсутствием легальной и общепринятой дефиниции.

В доктрине корпоративного права сложилось два подхода к определению понятия корпоративного управления в акционерных обществах. Один из них именуется как «узкий», второй — «широкий». Далее рассмотрим подробнее каждый из них [8, С. 674–680].

В контексте функционирования акционерных обществ корпоративное управление, в широком понимании, базируется на положениях ГК РФ, отраслевого законодательства. В широком смысле слова, корпоративное управление отождествляется как система взаимоотношений, сложившихся между субъектами управления.

Много споров сохраняется по поводу закрытого перечня лиц и органов, имеющих полномочия в области корпоративного управления. Согласно научным воззрениям А. Н. Беженара, прямое управление акционерным обществом, как правило, производится со стороны наблюдательного совета, совета директоров, общего собрания. А вот опосредованным управлением, в свою очередь, зачастую занимаются иные акционеры (владельцы голосующих и привилегированных акций).

О. В. Гутников неоднократно высказывал позицию о том, что понятие корпоративного управления намного шире. А управленческими субъектами выступают помимо органов управления и акционеров, также и представители органов и лиц, контролирующих корпорацию. В этот перечень можно включить инвесторов, кредиторов, бенефи-

царов и прочих лиц, которые не указаны в корпоративном законодательстве в качестве субъектов корпоративного управления, однако, в полной мере, выполняют соответствующие функции [8, С. 674–680].

Системе корпоративного управления предусматривает распределение между органами и прочими субъектами управления прав и обязанностей, устанавливает процедуры принятия решений, правила и порядок. Структурные компоненты корпоративного управления обеспечивают основу для стабильного, эффективного функционирования акционерного общества.

Совет директоров, выполняя функции одно из ключевых управленческих органов акционерного общества, должен состоять из компетентных и независимых членов. Так, если в его состав войдут специалисты по стратегическому планированию, представители узкопрофильных профессий (финансисты, юристы), независимые директора, в том числе независимые эксперты и наблюдатели, то растет вероятность того, что решения, принимаемые данным органом, будут максимально взвешены, объективны и рациональны.

В. В. Ивахно подчеркивает, что корпоративный менеджмент — эффективный инструмент повышения эффективности финансового состояния предприятий. На сегодняшний день научно доказана корреляция между благоприятными финансовыми показателями акционерного общества и зрелой системой корпоративного управления.

Можно смело заявлять о том, что корпорации, в которых сложилась достаточно эффективная система корпоративного управления, зачастую отличаются высокими показателями рентабельности, финансовой устойчивости, способностью генерировать прибыль на каждый вложенный рубль активов, инвестиционной привлекательности. Также нельзя не отметить у таких корпораций отличные показатели конкурентоспособности и стратегического развития.

Т. Г. Линиченко в целом с таким мнением солидарен. Он в своих научных трудах также пишет о том, что акционерные общества, где присутствует грамотное корпоративное управление, характеризуются высоким уровнем инвестиционной привлекательностью, делают успехи в развитии и достижении запланированных корпоративных целей.

Таким образом, смело можно заявлять о том, что корпоративное управление выполняет фундаментальную роль в жизнедеятельности любой корпорации. В контексте акционерных обществ оно отвечает за их эффективность, финансовые показатели, в целом устойчивое развитие. Учитывая важность корпоративного управления и его особое влияние на функционирование предприятия (в том числе акционерного общества), нужно на регулярной основе отслеживать эффективность и качество рассматриваемой системы, двигаться по пути совершенствования корпоративного управления, повышения квалификации и профессиональной подготовки управленческих кадров, внедрять самые передовые и лучшие управленческие практики [9, С. 336–338].

Также хочется уточнить разницу, между корпоративным контролем и управлением. Так, под управлением стоит понимать поддержание деятельности предприятия в нормальном, стабильном состоянии, а контроль — это рычаг воздействия [10].

Целью, назначением корпоративного управления выступает идея обеспечения долгосрочного процветания компании, улучшения финансовых показателей, стабильности.

Преобладающую долю в национальной экономике развитых стран мира сегодня занимают крупные корпоративные системы. Они участвуют с государством в партнерских отношениях, оптимизируют макроэкономическое регулирование производства, способствуют модернизации национальной и мировой экономик в целом.

Если мы остановим внимание на корпорациях в контексте национальной экономики, то ее дальнейшее развитие и процветание сегодня во многом связано с тем, насколько эффективно функционируют корпорации. А это, в свою очередь, зависит от уровня корпоративного управления изнутри. Вместе с тем, модель корпоративного управления, подбираемая для применения в акционерных обществах, зависит от экономических, социальных и технологических условий государства, характеристик законодательной системы.

Принципы корпоративного управления предприятиями в контексте национальной системе изложены на рис.1.

Хочется отметить, что решающее влияние на то, какая именно модель корпоративного управления будет практиковаться на уровне конкретного предприятия, во многом зависит от давления следующих факторов и условий:

- уровень стабильности национальной и мировой экономики, макроэкономическая ситуация в стране присутствия;
- структура собственности предприятия;
- соотношение источников финансирования;
- особенности правовой культуры, законодательной системы;
- опыт деловых отношений;
- уровень государственного вмешательства в экономику и деятельность конкретного предприятия [11, С. 64–68].

Далее остановим внимание на разборе особенностей правового регулирования системы корпоративного управления акционерными обществами в современной России.

В качестве обособленной организационно-правовой формы юридических лиц акционерные общества в нашей стране получили развитие на заре 1990-х гг. Примерно в это время начала развиваться современная гражданско-правовая система, регулирующая их деятельность на территории страны.

Законодательное видение относительно содержания категории «акционерное общество» можно лицезреть в ч. 1 ст. 96 ГК РФ. В обозначенной норме представлена формулировка следующего содержания: «акционерное об-

Рис. 1. Принципы корпоративного управления предприятиями в национальной системе

щество — хозяйственное общество, уставный капитал которого разделен на акции». Также законодатель подчеркивает, что участники не отвечают по его обязательствам, в пределах стоимости принадлежащих им акций несут риск убытков, связанных с деятельностью общества.

Деятельность акционерного общества в современной России регулируется также на уровне ФЗ № 208 1995 г. «Об акционерных обществах». В указанном правовом документе законодатель дает ответы на порядок создания, ликвидации и реорганизации, регламентирует условия деятельности органов управления акционерного общества, формирования уставного капитала и т. д.

Нормативное регулирование деятельности акционерных обществ в современной России обеспечивается за счет Конституции РФ [1], федеральных законов, в том числе ФЗ № 129 «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [4], ФЗ № 39 «О рынке ценных бумаг» [5] и ФЗ № 135 «О защите конкуренции» [6].

Система правового регулирования деятельности акционерных обществ в целом и их корпоративного управления в частности полна пробелов, что требует незамедлительного исправления сложившегося положения дел.

Законодательные коллизии создают препятствия для участников рынка, мешая им эффективно заниматься ведением хозяйственной деятельности. О проблеме правовой неопределённости писали многие ученые.

Важно понимать, что члены совета директоров способны допускать намеренные и ненамеренные ошибки, которые негативно сказываются на финансово-хозяйственной деятельности компании. Факт того, что в положениях российского законодательства, в том числе статьях ФЗ «Об акционерных обществах», отсутствуют четкие требования к членам совета директоров относительно их квалификационных навыков, профессиональной подготовки, порождает ситуацию, при которой к управлению деятельностью акционерного общества могут быть допущены совершенно некомпетентные в этом вопросе лица. Поэтому смело можно говорить о том, что руководству нашей страны необходимо уточнить на уровне законодательных норм вопрос назначения членов совета директоров, то, какие именно лица и с каким уровнем образования могут быть допущены в этот орган.

Кроме того, внимательный обзор нормативных правовых актов приводит к выводу о полном отсутствии законодательного регулирования страхования профес-

сиональной ответственности членов совета директоров акционерных обществ. Однако это неприемлемо, особенно если учитывать, что любой член совета директоров — это, прежде всего, обычный человек, которому свойственно ошибаться. Последствия таких ошибок для деятельности акционерного общества, порой, бывают фатальными. Чтобы не допустить серьёзных убытков, важно на уровне закона проработать вопрос, связанный со страхованием профессиональной ответственности членов совета директоров.

А. В. Павлюк в своих научных исследованиях высказывается о том, что страхование членов совета директоров на практике реализуется за счёт чистой прибыли компании. Соответственно, если страховой случай, все-таки, наступает, то выплата облагается налогом на доходы.

Также в рамках настоящего исследования хочется отметить и тот любопытный нюанс, что преобладающая доля акционерных обществ, функционирующих на территории Российской Федерации, отличаются значительной долей государства в уставном капитале. Безусловно, такое положение дел не может не влиять и на специфику корпоративного управления.

Сегодня государство, кроме владения контрольным пакетом акций в ряде крупнейших компаний, обладает также и миноритарными долями в них. Государство реализует своё право управления посредством двух инструментов, каждый из которых имеет как преимущества, так и недостатки. Так, более экономически целесообразным представляется передача акций в доверительное управление, чем назначение управляющего. Стоит подчеркнуть, что от действий управляющего зависит финансовое состояние компании, а следовательно, и прибыль государства.

Место представителя в корпоративном управлении акционерным обществом определяется двумя векторами: защита государственных интересов и участие в управлении компанией, направленном на устойчивый рост и развитие, повышение экономической эффективности.

Поскольку в акционерных обществах с мажоритарной долей государственного капитала принятие решений в конечном итоге остаётся за государством, профессионализм и компетентность государственного представителя имеет большое значение.

В настоящее время исследователями выделяется ряд недостатков в корпоративном управлении акционерными обществами, в которых государство владеет контрольным пакетом акций, среди которых: неповоротливость управленческого механизма, отсутствие модели оценки управленческих качеств и компетенций, низкая личная ответственность и заинтересованность, большая нагрузка на представителей, которые одновременно могут быть на-

значены в несколько компаний, непроработанность системы мотивации и часто отсутствие стимулов к труду, отсутствие персональной ответственности представителей за неэффективное управление.

На наш взгляд, экономически эффективным будет назначение в таких акционерных обществах доверительного управляющего. В этом случае, за счёт большей заинтересованности и мотивации, представители государства в лице доверительные управляющих способны решать задачи по управлению акционерным обществом более эффективно.

Вывод

Рассмотрев проблемы правового регулирования вопросов корпоративного управления акционерными обществами, приходим к следующим выводам:

1. Корпоративное право можно рассматривать как самостоятельную отрасль права, это положение определяется особым предметом правового регулирования и вопросами юридической ответственности его субъектов.

2. Законодательно непроработанным является механизм страхования ответственности членов органов управления, руководителей акционерных обществ, что создает угрозу высоких финансовых рисков.

3. Отдельного внимания заслуживает вопрос регулирования корпоративного управления в акционерных обществах с мажоритарной долей государственного участия. На наш взгляд, оптимальным вариантом решения проблемы будет назначение выбранного доверительного управляющего. Однако на уровне российских законов до сих пор не регламентированы, должным образом, вопросы его деятельности, ответственности.

В рамках настоящего исследования предложен механизм повышения результативности корпоративного управления в акционерных обществах с участием государственных представителей. При этом на уровне закона требуется внести уточнение относительно следующих вопросов [7, С. 312–317]:

- определение профессиональных критериев, которым должны соответствовать доверительные управляющие,
- механизма их назначения;
- обязанность доверительного управляющего по разработке стратегического и текущего плана развития общества;
- объём прав и обязанностей, необходимый доверительному управляющему для управления АО;
- порядок предоставления отчётности о достигнутых результатах за определённый период.

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 07.07.2025) // СПС КонсультантПлюс.

2. Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об обществах с ограниченной ответственностью» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // СПС КонсультантПлюс.
3. Федеральный закон от 26.12.1995 N 208-ФЗ (ред. от 30.11.2024) «Об акционерных обществах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // СПС КонсультантПлюс.
4. Федеральный закон от 08.08.2001 N 129-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // СПС КонсультантПлюс.
5. Федеральный закон от 22.04.1996 N 39-ФЗ (ред. от 27.10.2025) «О рынке ценных бумаг» // СПС КонсультантПлюс.
6. Федеральный закон от 26.07.2006 N 135-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О защите конкуренции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // СПС КонсультантПлюс.
7. Битар Д. Проблемные аспекты правового регулирования вопросов корпоративного управления акционерными обществами / Д. Битар // Бизнес. Образование. Право. 2023. № 2 (63). С. 312–317.
8. Васильев А. В. Корпоративное управление в акционерных обществах / А. В. Васильев // Научный аспект. 2023. Т. 6. № 11. С. 674–680.
9. Саркисян В. В. Влияние корпоративного управления на эффективность акционерного общества / В. В. Саркисян // Исследование развития экосистем в цифровой экономике. Курск, 2025. С. 336–338.
10. Урубков М. М., Працко Г. С. К вопросу об определении содержания корпоративного управления в акционерных обществах / М. М. Урубков, Г. С. Працко // Бизнес и общество. 2025. № 4 (48).
11. Шермухамедов А. К. Механизмы эффективного корпоративного управления акционерными обществами / А. К. Шермухамедов // Аспирант. 2021. № 8 (65). С. 64–68.

Особенности организации и осуществления розыска лиц в деятельности правоохранительных органов

Тарасов Сергей Константинович, студент
Челябинский государственный университет

В работе исследованы особенности организации и осуществления розыска лиц в деятельности правоохранительных органов. Розыск лиц является ключевым направлением правоохранительной деятельности, направленным на обнаружение скрывающихся преступников, пропавших граждан и установление личности неопознанных трупов.

Цель работы — анализ нормативно-правовой базы, обобщение оперативно-розыскной практики, организационных и тактических особенностей розыска лиц, системный подход. По итогам проведенного исследования сформулированы выводы и разработаны рекомендации по повышению эффективности розыска лиц.

Ключевые слова: организация розыска лиц, осуществление розыска лиц в деятельности правоохранительных органов, оперативно-розыскные мероприятия МВД РФ.

Features of the organization and implementation of the search for persons in the activities of law enforcement agencies

The study explores the features of organization and implementation of search operations for individuals in law enforcement practice. The search for individuals is a key area of law enforcement aimed at locating hidden criminals, missing citizens, and identifying unidentified corpses.

The purpose of the work is to analyze the regulatory and legal framework, summarize operational and investigative practices, and identify the organizational and tactical aspects of the search for individuals. Following the conducted research, conclusions were drawn and recommendations to enhance the effectiveness of person search operations were developed.

Keywords: organization of search for persons, implementation of person searching in law enforcement activities, operative-investigative measures of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Оперативная работа по розыску лиц представляет собой одно из приоритетных направлений деятельности правоохранительных органов Российской Федерации. В процессе оперативной работы, осуществ-

ляется важнейшая функция — розыск преступников, уклоняющихся от уголовного наказания, а также поиск без вести пропавших и идентификация неопознанных трупов.

Слово розыск в юридической терминологии имеет свое историческое значение, еще с судебников 1497 года, розыском именовалась процессуальная форма, где расследование возглавлялось государственными органами, а не потерпевшими по делу [1].

Труды ученых в области оперативно-розыскной деятельности охватывают различные аспекты, в том числе правовые, организационные и тактические. Как упоминал Р. С. Белкон, «можно по-разному относиться к оперативно-розыскной деятельности, например, любить, игнорировать, ненавидеть, однако отрицать необходимость его существования нельзя. Сыск столь же древен, как уголовный процесс, он присущ государствам всех времен и народов».

Шумилов АЮ. писал, что необходимость в розыскных действиях определяется сущностью той деятельности, которая осуществляется при спорности фактов. Именно в этом проявляется сущность поиска, которая приближена к розыску и заключается в получении достоверной информации о событиях, участниках, объектах, получаемой из непроцессуальных и процессуальных источников.

Также познавательны рассуждения Алешкиной Т. Н., которая говорит об «установленной индивидуальной определенности объекта розыска, обязательное его условие» и именно оно «служит основным критерием разграничения розыска от поиска». По мнению автора, необоснованно говорить о розыске только как о поиске объектов, так как задачи розыска — это установление местонахождения объектов, информации, следов и доказательств [2, с. 117].

Правовым основанием розыска в РФ является Конституция РФ, Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», УПК РФ, ведомственные нормативные акты.

Конституция РФ гарантирует права и свободы гражданина. Федеральный закон № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [3, с. 98] регламентирует деятельность уполномоченных государственных органов по розыску лиц, проведение тайных или гласных мероприятий, таких как опрос, наведение справок, наблюдение, исследование предметов и документов, использование технических средств, которые необходимы для выявления, предупреждения и раскрытия преступлений, а также розыска скрывающихся лиц. Уголовно-процессуальный кодекс РФ регламентирует розыск обвиняемых и подозреваемых. Ведомственные нормативные акты — регламентируют тактику и организацию розыскных мероприятий.

Структуры и подразделения, которые занимаются розыском лиц:

- Главное управление уголовного розыска МВД России: центральное подразделение.

- Отделы уголовного розыска в территориальных органах МВД: занимаются поиском без вести пропавших, скрывшихся преступников, а также идентификацией неопознанных трупов.

- Оперативно-розыскные части: подразделения, проводящие мероприятия на местах.

- ФСБ России: осуществляет поиск в рамках компетенции (государственные преступления, терроризм).

- ФСИН России: розыск лиц, уклоняющихся от отбывания наказания, и сбежавших из-под стражи.

- Интерпол: привлекается для международного розыска.

В зависимости от территориальных границ розыск может быть: местным, федеральным, межгосударственным или международным.

Местный проводится в пределах территории одного субъекта РФ.

Федеральный, производится на всей территории РФ. В федеральный розыск объявляют, если местный розыск не дал результатов.

Межгосударственный розыск производится на территории СНГ.

Международный розыск через посредничество Национального центрального бюро Интерпола при МВД России.

Сроки розыска лиц делятся на процессуальные и сроки давности преступления:

- Розыскные мероприятия проводятся в течение 2 месяцев с момента заведения дела, с возможностью неоднократного продления.

- Розыск продолжается, пока не истекли сроки давности за совершенное преступление (от 2 лет за небольшую тяжесть до 15 лет за тяжкие преступления).

- Если лицо скрывается от суда или следствия, сроки давности приостанавливаются и возобновляются только после задержания.

- При обнаружении лицо может быть задержано на срок до 48 часов, с возможным продлением судом до 72 часов.

- Сроки давности не применяются к лицам, совершившим преступления против мира и безопасности, а также тяжкие преступления, связанные с терроризмом.

Объявление в розыск лиц, как правило, может происходить после постановления о привлечении лица в качестве подозреваемого. При розыске известного лица правоохранительные органы располагают большим количеством информации (приметы, дактилоскопические карты, фотографии), при розыске неизвестного лица существует значительный дефицит информации.

Процесс розыска подозреваемых, обвиняемых это комплекс процессуальных и оперативно-розыскных мероприятий, используемых при неизвестности места нахождения лица, скрывающегося от органов следствия или суда. Он включает вынесение постановления, опросы, направление ориентировок, проверку связей и документов.

Уклонение лиц от привлечения к уголовной ответственности, характеризуются следующими обстоятельствами:

- неявка по вызову органов следствия или суда;
- необъяснимое отсутствие по месту проживания;
- срочная продажа жилья;
- нарушение ранее избранной меры пресечения;

- прекращение общения с родственниками;
- снятие средств со счетов в банковских учреждениях;
- смена номера телефона.

Также производится розыск лиц, пропавших без вести, в данную категорию входят несовершеннолетние и психически больные граждане.

Ежегодно без вести пропадает около 70 000 человек, в первые месяцы находят примерно 80 % пропавших взрослых и 90 % детей [4].

Пропавший без вести это юридический термин, определение, которое определяет положение человека, о местонахождении которого нет достоверной информации.

На безвестное исчезновение граждан правоохранительные органы реагируют безотлагательно. Сообщение проверяется путем опросов и выяснением обстоятельств имеющие значение для возбуждения дела. Информация проверяется по приметам, несчастным случаям, спецприемникам, медучреждениям [5].

При розыске пропавших без вести по определенным признакам, можно сделать вывод, что человек стал жертвой преступления, например:

- отсутствие данных о намерении человека уехать на длительное время либо смена места жительства;
- отсутствие заболевания, предполагающее скоропостижную смерть или потерю памяти;
- оставление вещей и денежных средств, без которых человек не может обойтись, или наличие ценностей, которые могли привлечь внимание преступников;
- наличие длительных или острых конфликтов в семье;
- безвестное отсутствие малолетнего до 14 лет или несовершеннолетнего до 18 лет лица;
- наличие преступных связей, угроз в адрес исчезнувшего лица;
- наличие следов, говорящих о преступлении;
- запоздалое заявление родственников;
- внезапный ремонт квартиры, пропавшего;
- исчезновение собственника вместе с имуществом;
- исчезновение несовершеннолетнего или женщины, в безлюдной местности, в вечернее или ночное время;
- безвестное отсутствие беременной женщины;
- исчезновение сотрудников правоохранительных органов;
- исчезновение женщин, занимающихся проституцией.
- жертвы убийств и похищений;
- продажа в рабство, в том числе сексуальное.

Есть категории граждан, местонахождение которых неизвестно по объективным причинам, которые устанавливаются в процессе розыскных мероприятий:

- пожилые люди и лица с психическими заболеваниями;
- лица, утратившие связь с родными (бездомные, бродяги, одинокие);
- несовершеннолетние, из неблагополучных семей, интернатов, детских домов, специальных школ;

– люди, которым выгодно инсценировать смерть или безвестное исчезновение (должники, преступники, перебежчики), такие граждане могут совершить преступление, сокрыть труп одинокого человека, и воспользоваться его документами;

– охотники, рыбаки, грибники, собиратели ягод, пропавшие в безлюдной местности, не могут выйти на связь по причине её недоступности.

Еще одна категория разыскиваемых это погибшие, факт смерти которых неизвестен, а тело не может быть обнаружено или идентифицировано (в том числе пропавшие при катастрофах):

- утопленники, тела которых унесены течением;
- люди, погибшие в местах, куда исключён или затруднён доступ;
- люди, совершившие самоубийство в неизвестном месте;
- жертвы крупных хищных животных, когда остались останки (кости) или жертву полностью съели;
- люди, погибшие под снегом или под завалами;
- люди, попавшие в технологическое оборудование, когда тело быть окончательно уничтожено;
- люди, погибшие на сильных пожарах, когда тело полностью сгорает и обнаружение или опознание останков становится невозможным;
- жертвы оружия массового поражения.

Указанные категории являются исключением, розыскные дела по ним не заводятся, трупы не обнаружены, делается отметка в документах.

Розыск несовершеннолетних имеет свои особенности осуществляется незамедлительно после получения заявления от родителей или законных представителей. Используются специальные методы, включая проверку мест скопления подростков, мониторинг камер и общение с окружением, при этом особое внимание уделяется безопасности ребенка. Сроки поиска не ограничены, а при наличии признаков преступления возбуждается уголовное дело [6].

Полиция осуществляет розыск, а прокуратура надзор за соблюдение прав детей и контроль над системой профилактики безнадзорности. При уходе несовершеннолетнего из дома, родители, усыновители, опекуны или попечители, обязаны незамедлительно заявить в полицию, в случае бездействия наступает административная ответственность.

Также важнейшим направлением является установление личности по неопознанным трупам. Опознание трупа и установление личности включает следующие действия: осмотр, фотосъемку, дактилоскопированные рук, изъятие одежды для передачи на опознание и экспертизу. Внимание уделяется особым приметам трупа, которые позволяют провести опознание личности. Одновременно с этим производятся опросы граждан, обнаруживших труп.

При исследовании трупа происходит его описание, составляется словесный портрет, делается рентгенографи-

рование, фото рубцов, физических недостатков, увечья, устанавливается возраст, измеряется длина тела, стопы, производится слепок зубов, анализ крови и волос [7].

По полученным данным составляется опознавательная карта трупа, в случае необходимости останки направляются на судебно-медицинское исследование, производится реконструкция трупа.

Следует отметить, что захоронение неопознанных трупов производится только с официального разрешения, в специальных местах, отведенных на кладбище местной

администрацией. По факту захоронения составляется акт с указанием пола, возраста, время обнаружения трупа и место захоронения. Кремация неопознанных трупов запрещена.

Организация розыска лиц — это динамичный процесс, требующий совершенствования правовых механизмов и внедрения новых технологий. Повышение эффективности розыскной деятельности невозможно без цифровизации, усиления межведомственного взаимодействия и строгого соблюдения законодательства РФ.

Литература:

1. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 14.08.1995. — № 33.
2. Елинский, В. И. Об исторических этапах становления функции уголовного сыска в России (X — начало XX вв.): учеб. пособие / В. И. Елинский. — М., 2018. — 117 с.
3. Алешкина, Т. Н. Практикум по криминалистике / Алешкина Т. Н.. — Тула: Институт законовещения и управления ВПА, 2019. — 98 с.
4. Министерство внутренних дел Российской Федерации за январь — декабрь 2025 года — URL: <https://xn—b1aew.xn—p1ai/wanted> (дата обращения: 10.02.2026).
5. Беломоров, А. В. Как пропадают люди. // Образование и право. — 2022.
6. Астафьева, А. О. Защита прав и интересов несовершеннолетних по УК РФ / А. О. Астафьева, Е. И. Сизова // Актуальные проблемы публичного права: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. — Вып. 11. — Владимир, 2020.
7. Козлов, Д. Д. Применение биометрических технологий в установлении личности по неопознанным трупам. — Варшава: Издательство Эксперт, 2022.

Проблемы правовой защиты исключительного права на секрет производства (ноу-хау)

Тихомирова Алина Дмитриевна, студент

Научный руководитель: Фольгерова Юлия Николаевна, кандидат юридических наук, доцент

Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Киров)

В статье автор исследует состояние и проблемы нормативно-правового регулирования правовой защиты исключительного права на секрет производства (ноу-хау), ответственности за его нарушение, проводит анализ судебной практики по делам в сфере нарушения исключительного права на секрет производства.

Ключевые слова: *исключительное право, секрет производства, ноу-хау, правовая защита, ответственность, убытки.*

В современном мире происходит стремительное развитие технологий и инноваций, которые играют ключевую роль в повышении конкурентоспособности как отдельных предприятий, так и целых государств. Одним из результатов такой инновационной и интеллектуальной деятельности является секрет производства (ноу-хау), количество использований которого с каждым годом увеличивается. Так, за четыре года общее количество использований секрета производства (ноу-хау) как результата интеллектуальной деятельности увеличилось на 39,8 % [1]. Секрет производства как объект правовой защиты явля-

ется сравнительно новым для российского права институтом. Долгое время этот институт был лишен должного правового регулирования, поэтому его положение в системе объектов интеллектуальных прав осталось противоречивым. Широкая распространенность секрета производства как результата интеллектуальной деятельности также говорит об актуальности глубокого изучения исключительного права на секрет производства (ноу-хау), особенностей его защиты и ответственности за его нарушение.

Секрет производства среди всех иных результатов интеллектуальной деятельности является наиболее неза-

щищенным в силу своей правовой природы и особенностей своего содержания. Риски при распоряжении исключительным правом на секрет производства являются достаточно высокими, что связано с рядом факторов. Во-первых, с возможностью наличия на рынке нескольких правообладателей идентичного секрета производства. Во-вторых, с особенностями охраны и защиты секретов производства, а именно с отсутствием их государственной регистрации и необходимостью сохранения конфиденциальности.

Проблема защиты секретов производства (ноу-хау) и исключительного права на них кроется в отсутствии должной правовой регламентации. Часть четвертая Гражданского кодекса РФ не регулирует и не раскрывает особенности правовой защиты исключительного права на секрет производства. Вопросы защиты исключительного права остаются без внимания законодателя, что создает ряд проблем и большой массив для исследований. Сложность также заключается в том, что судебная практика по вопросам защиты исключительного права на секрет производства только начинает складываться, поэтому не позволяет в должной мере устранять пробелы в действующем законодательстве.

Нарушение исключительного права на секрет производства предполагает неправомерное получение сведений, составляющих секрет производства, их разглашение или использование. Также гражданско-правовую ответственность за нарушение исключительного права на секрет производства будет нести лицо, которое обязано сохранять конфиденциальность секрета производства, но нарушило ее.

Анализ п. 1 ст. 1472 ГК РФ позволяет прийти к выводу, что единственным законодательно закрепленным способом защиты исключительного права на секрет производства (ноу-хау) является возмещение убытков. Если информация, составляющая секрет производства, станет доступной для третьих лиц, которые не имели законных оснований на получение этой информации, то будут не только нарушены права правообладателя секрета производства, но и исчезнет сам статус данной информации как секрета производства, так как согласно ст. 1467 ГК РФ исключительное право на секрет производства действует до тех пор, пока сохраняется конфиденциальность сведений, составляющих его содержание [2].

Теоретическую и практическую проблему представляет вопрос об определении размера взыскания убытков при нарушении исключительного права на секрет производства в связи с отсутствием критерия различия между такими способами исчисления убытков, как упущенная выгода и доход, полученный нарушителем. Нарушитель, получающий сведения, составляющие секрет производства, может производить аналогичный товар или предоставлять аналогичную услугу, становясь конкурентом для правообладателя, соответственно, правообладатель упускает материальную выгоду. У судов может быть различный подход к определению размера упущенной выгоды и взыскиваемых убытков в целом.

В качестве примера рассмотрим решение Арбитражного суда Саратовской области от 2 августа 2022 г. по делу № А57–28023/2021. Общество с ограниченной ответственностью «Бизнес Инновации» обратилось в Арбитражный суд Саратовской области с исковым заявлением к индивидуальному предпринимателю Королеву Д. Н. о взыскании убытков в размере 148 000 руб. 00 коп. по договору о передаче (предоставления доступа) секрета производства (ноу-хау). При определении размера подлежащих к взысканию убытков, суд первой инстанции учел размер вознаграждения, определенного договором от 27.07.2020, и взыскал 148 000 рублей в качестве упущенной выгоды. Решением Арбитражного суда Саратовской области от 29.06.2022 с Королева Д. Н. в пользу общества «Бизнес Инновации» взысканы убытки в размере 148 000 рублей. При определении размера подлежащих к взысканию убытков суд первой инстанции учел размер вознаграждения, определенного договором от 27.07.2020, и взыскал 148 000 рублей в качестве упущенной выгоды. Таким образом, в данном случае размер взыскиваемых убытков был определен, исходя из размера вознаграждения, предусмотренного договором о передаче (предоставления доступа) секрета производства (ноу-хау) [3].

В качестве примера другого подхода к решению вопроса об определении размера упущенной выгоды при нарушении исключительного права на секрет производства рассмотрим решение Арбитражного суда Новосибирской области от 28.02.2021 по делу А45–14237/2018. Общество с ограниченной ответственностью «Рельеф Плюс» обратилось суд с исковым заявлением к обществу с ограниченной ответственностью «Галс» о взыскании убытков в виде упущенной выгоды в размере 255 497 рублей 75 копеек, убытков от передачи секретов производства в размере 373 804 рублей 34 копейки. Согласно материалам дела, занимая должность директора общества «Рельеф Плюс», Павлова Л. В. получила доступ к сведениям, составляющим коммерческую тайну истца, а также секретам производства. Павлова Л. В. 23.04.2015 была освобождена от должности директора, а 02.06.2015 стала соучредителем общества «Галс», в котором также была назначена на должность генерального директора, где она раскрыла секрет производства первой компании и предложила выпускать аналогичный товар (страховочные жилеты), который стали продавать на рынке по более низкой цене. При расчете размера упущенной выгоды от использования секрета производства суд сопоставлял доходы ООО «Рельеф Плюс», составляющие разницу от продажи страховочных жилетов за периоды 3, 4 квартал 2014 года (324 092 рублей 54 копеек), и 3, 4 квартал 2015 года (68 594 рублей 75 копеек). Таким образом, упущенная выгода составила 255 497 рублей 75 копеек. Требования истца в части взыскания упущенной выгоды судом были удовлетворены [4].

Кроме того, в качестве проблемы защиты исключительного права на секрет производства можно выделить вопрос, связанный с распределением бремени доказывания

при рассмотрении дела в суде, доказывания наличия у информации признаков ноу-хау, с необходимостью при этом сохранения конфиденциальности сведений. Ранее в п.14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.06.2006 № 15 указывалось на то, что при рассмотрении споров о защите исключительного права на секрет производства именно истец обязан доказывать наличие у него соответствующего права. В настоящее время Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.06.2006 № 15 утратило силу, но за многие годы правоприменительной практики данная позиция стала своего рода «стандартом», суды продолжают применять эту практику, не уточняя ее источник. При этом целесообразным было бы законодательно закрепить подобное положение о бремени доказывания, чтобы исключить субъективное толкование судами данного вопроса.

Способы защиты исключительных прав также перечислены в ст. 1252 ГК РФ, согласно которой защита исключительного права может быть осуществлена путем предъявления требования о признании права, о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, об изъятии материального носителя в соответствии с п. 4 ст. 1252, о публикации решения суда о допущенном нарушении с указанием действительного правообладателя. Ограничиваясь данными способами защиты, законодатель упускает из внимания особенности секрета производства как результата интеллектуальной деятельности.

Также согласно ст. 12 ГК РФ к способам защиты гражданских прав относятся признание права, восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, самозащита права, взыскание неустойки и иные способы. Исследователи расходятся во мнении касательно допустимости и возможности применения данных способов для защиты исключительного права на секрет производства. Так, по мнению Суханова Е. А., при защите исключительного права на секрет производства (ноу-хау) не представляется возможным использование такого способа, как восстановление положения, существовавшего до нарушения права, так как нарушение исключительного права на секрет производства и нарушение конфиденциальности сведений, его составляющих, влечет за собой прекращение этого права [5]. Иного мнения придерживается Сергеев А. П., который считает, что данный способ защиты может быть применен, если неправомерное использование сведений, составляющих секрет производства, не повлекло их становление общеизвестными [6].

Литература:

1. Уляшина, С. Ю. Аналитические исследования сферы интеллектуальной собственности 2022: использование результатов интеллектуальной деятельности в регионах Российской Федерации / С. Ю. Уляшина, О. И. Бабикина, А. В. Суконкина [и др.]. — Москва: Федеральный институт промышленной собственности (ФИПС), 2023. — 54 с. — С.5. — ISBN 978-5-907602-12-0. — Текст: непосредственный.

Таким образом, несмотря на оформление правового института секрета производства (ноу-хау) остается ряд пробелов в его правовом регулировании, которые требуют своего исследования и особого внимания со стороны законодателя. Секреты производства среди всех иных результатов интеллектуальной деятельности являются одними из самых незащищенных. Защита исключительного права на секрет производства (ноу-хау) имеет свою специфику, так как секрет производства имеет свое коммерческое значение для правообладателя только в случае, если он остается втайне от третьих лиц, не имеющих законного доступа к этим сведениям. Соответственно, при отсутствии должных мер защиты исключительного права на секрет производства у предпринимателей будет отсутствовать стимул для развития своих производственных мощностей и для осуществления инновационной деятельности, а также возможность для защиты результатов соответствующей интеллектуальной деятельности.

Исследование вопроса защиты исключительного права на секреты производства (ноу-хау) и ответственности за его нарушение позволило прийти к выводу о том, что защита исключительного права на секрет производства не реализуется в полной мере в связи с наличием ряда проблем. Во-первых, это связано с невозможностью применения некоторых предусмотренных гражданским законодательством способов защиты гражданских прав в силу особенностей самой правовой конструкции секрета производства. Во-вторых, это связано со сложностью в доказывании фактов раскрытия и неправомерного использования сведений, которые составляют ноу-хау. Это говорит о уязвимости и незащищенности такого результата интеллектуальной деятельности, как секрет производства (ноу-хау), а также о необходимости особого внимания со стороны законодателя к вопросам защиты исключительного права на секрет производства.

Подводя итог по всему исследованию, следует отметить, что секрет производства в настоящее время играет ключевую роль в инновационной и интеллектуальной деятельности, в связи с чем представляется целесообразным рассмотреть вопрос о принятии специального законодательного акта, который носил бы комплексный характер и в должной мере регулировал все вопросы, связанные с таким правовым институтом, как секрет производства, учитывая его особенности и специфику содержания: права и обязанности обладателей секрета производства, порядок использования исключительного права на секрет производства, распоряжения этим правом, а также его защиты.

2. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации часть IV: текст с изм. и доп. вступ. в силу с 21.10.2024: [принят Государственной Думой 24 ноября 2006 года: одобрен Советом Федерации 8 декабря 2006 года]. — Москва, 2024. — Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.
3. Российская Федерация. Арбитражный суд. Решение Арбитражного суда Саратовской области от 2 августа 2022 г. по делу № А57–28023/2021. — Саратов, 2022. — Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.
4. Российская Федерация. Арбитражный суд. Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 28.02.2021 по делу № А45–14237/2018. — Новосибирск, 2021. — Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.
5. Суханов, Е. А. Российское гражданское право: Учебник: В 2-х томах. Т. I. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Е. А. Суханов. — 2-е изд., стереотип. — Москва: Статут, 2011. — 958 с. — Библиогр.: С. 817–839. — ISBN 978–5–8354–0592–3. — Текст: непосредственный.
6. Сергеев, А. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: Учебник / А. П. Сергеев. — 2-е издание, переработанное и дополненное. — Москва: Проспект, 2001. — 752 с. — Библиогр.: С. 686. — ISBN 5–98032–319–8. — Текст: непосредственный.

Доктринальные основания противодействия злоупотреблению процессуальными правами: сравнительный анализ советской и современной российской юридической мысли

Турчанинов Иван Алексеевич, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Ключевые слова: злоупотребление процессуальными правами, недобросовестность, гражданский процесс, арбитражный процесс.

Трансформация научных взглядов на проблему противодействия процессуальным злоупотреблениям отражает глубинный сдвиг в правовопонимании: от этатистских, коллективистских догм советской эпохи к современным концепциям, ориентированным на поиск оптимального равновесия между частными и публичными началами. Актуальность данной проблематики обусловлена как судебной реформой в России, так и лавинообразным ростом процессуальной активности, требующим адекватного теоретического фундамента. Компаративный анализ двух исторических периодов развития юридической доктрины позволяет не только проследить линию преемственности, но и зафиксировать качественные сдвиги в интерпретации сущности процессуальных прав.

Несмотря на легальное закрепление принципа недопустимости злоупотребления правом, современное правоприменение испытывает дефицит унифицированного доктринального подхода к квалификации подобных деяний — наследие советской правовой традиции, так и не преодоленное до конца. Следствием этого является фрагментарность судебной практики и низкая эффективность превентивных механизмов. Обращение к историко-правовому контексту позволяет вскрыть глубинные причины сохраняющейся теоретической неопределенности.

Цель настоящей работы заключается в сравнительном анализе доктринальных оснований противодействия процессуальным злоупотреблениям в советской и постсоветской юридической науке. Данный ракурс исследования дает возможность систематизировать фундаментальные расхождения в понимании пределов осуществления процессуальных прав, критериев добросовестности и мер юридической ответственности. Полученные выводы призваны углубить теоретическую базу для дальнейшего осмысления феномена злоупотребления правом в контексте эволюции всей правовой системы.

В советской доктрине процессуальные права рассматривались как инструменты реализации государственных и коллективных интересов, а их сущность определялась через функцию обеспечения социалистического порядка. Такая функциональная интерпретация придавала приоритет общественным целям и задачам, в результате чего индивидуальные процессуальные гарантии системно подчинялись государственным и партийным задачам. Идеологические предпосылки плановой экономики и коллективистской модели ответственности формировали соответствующие процессуальные конструкции и ограничивали автономию участников процесса. Вследствие этого процессуальные гарантии выступали преимуще-

ственно как средство обеспечения эффективности управления и сохранения установленного политико-правового порядка, а не как независимый инструмент защиты индивидуальной правовой автономии.

Идеологические основы советского подхода к злоупотреблению процессуальными правами формировались под влиянием марксистско-ленинской теории права, где приоритет отдавался классовым и государственным интересам. Частные правомочия рассматривались как производные от общественных потребностей строительства социализма, что исключало легитимность их использования вопреки коллективным целям. Данная позиция находила отражение в партийных документах, где злоупотребление правами квалифицировалось как антиобщественное явление, подлежащее политическому осуждению. Как отмечал французский процессуалист Кремье: «Право выступать в суде, как и всякое другое право, не является абсолютным. Оно вырождается и превращается в злоупотребление всякий раз, когда его осуществляют без законного мотива, в целях причинить вред» [4, с.88].

Правовые предпосылки концепции злоупотребления процессуальными правами в советский период определялись особенностями плановой экономики и централизованной системой управления. Институциональная структура предполагала доминирующую роль органов прокуратуры в надзоре за законностью и активное участие партийных органов в судебных процессах. Нормы гражданского законодательства закрепляли превентивные меры против действий, противоречащих государственным интересам и общественному порядку. Такая правовая конструкция формировала понимание злоупотребления как социально опасного феномена, требующего пресечения со стороны властных институтов.

В советском процессуальном законодательстве противодействие злоупотреблению процессуальными правами осуществлялось через комплекс правовых и процессуальных средств. В советский период основными инструментами противодействия процессуальным нарушениям выступали: нормативные ограничения на совершение процессуальных действий (включая запрет шиканы), санкции за их несоблюдение, а также широкие дискреционные полномочия прокуратуры и суда, позволявшие квалифицировать действия как противоречащие интересам государства. Существенную роль играла система административного и превентивного контроля, минимизировавшая процессуальную самостоятельность участников.

Постсоветская трансформация ознаменовала собой отказ от доктрины, девальвировавшей частный интерес. Современное процессуальное право инкорпорировало защиту индивидуальных интересов в качестве самостоятельного объекта правовой охраны. Данный сдвиг, обусловленный пересмотром основ правопонимания, нашел нормативное закрепление в принципах состязательности и диспозитивности (ГПК РФ, АПК РФ), что знаменовало признание автономии воли субъектов процесса. Юридическая доктрина и судебная практика, адаптируясь

к новым реалиям, легитимировали индивидуальный интерес как неотъемлемый элемент правового регулирования, что создало основу для поиска баланса между частноправовыми и публичными началами.

В качестве методологической базы современного правопонимания утвердилась концепция баланса частных и публичных интересов, предполагающая согласование процессуальной свободы индивида с императивами правовой определенности и эффективности правосудия.. «В российской научной доктрине выделяются различные мнения в отношении правового конструкта добросовестности. Ю. В. Гаврилову развитие принципа добросовестности представляется логичным следствием общего развития российских гражданско-правовых институтов [2, с. 88–90] [1, с.92]». Принцип добросовестности стал инструментом гармонизации интересов отдельных лиц и общества в процессуальной сфере.

В современной российской доктрине ведутся активные дискуссии о природе злоупотребления процессуальными правами, разделившие исследователей на сторонников материально-правового и процессуального подходов. Е. А. Борисова рассматривает данный феномен как институт гражданского права, утверждая, что «злоупотребление правом возникает при наличии специальной цели причинить вред другому лицу». Противоположную позицию занимает И. В. Решетникова, акцентирующая процессуальную специфику: «Злоупотребление процессуальными правами следует отличать от материально-правовых злоупотреблений по субъектному составу и правовым последствиям». А. Т. Боннер предлагает синтетический подход, объединяющий оба аспекта в единой концепции.

Ключевым направлением современных исследований стала разработка критериев злоупотребления процессуальными правами через призму принципа процессуальной добросовестности. Данный принцип трактуется как требование добросовестного использования предоставленных законом полномочий без нарушения баланса частных и публичных интересов. Е. А. Борисова отмечает, что «добросовестность предполагает оценку как субъективного отношения лица, так и объективных последствий его действий». В доктрине сформировался двухуровневый подход, сочетающий анализ целей поведения участника процесса и соответствия его действий требованиям разумности и справедливости.

Современные исследователи систематизировали основные формы злоупотребления процессуальными правами, выделив три наиболее распространенные категории. К первой относится недобросовестное затягивание процесса посредством подачи необоснованных отводов или запросов об отложении заседаний. Вторая форма охватывает подачу заведомо необоснованных ходатайств, направленных на усложнение процедуры рассмотрения дела. И. В. Решетникова особо выделяет третью форму — злоупотребление правом на обжалование, подчеркивая, что «систематическая подача апелляционных и кассаци-

онных жалоб без новых доводов создает искусственные препятствия для исполнения судебных актов». Данная классификация легла в основу современных законодательных и судебных подходов к противодействию рассматриваемому явлению.

В нормативной базе современной Российской Федерации закреплены различные меры противодействия злоупотреблению процессуальными правами. К ним относятся компенсация процессуальных издержек (ст. 111 АПК РФ) и взыскание компенсации. Указанные нормы, различаясь по своему правовому статусу и будучи инкорпорированы в тексты соответствующих процессуальных кодексов, детерминируют специфику процедурных последствий в каждом конкретном случае квалификации деяния как злоупотребления. В своей совокупности данные меры призваны обеспечить восстановление правопорядка и нивелировать мотивацию субъектов к девиантному использованию процессуальных инструментов.

Однако анализ правоприменительной практики высших судебных инстанций — Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ — выявляет ряд системных проблем. К числу наиболее существенных относятся: несогласованность подходов к определению критериев злоупотребления, излишняя формализованность доказательственной базы, а также межотраслевая дифференциация при применении санкций (в частности, расхождения между гражданским и арбитражным процессом). Отсутствие унифицированной методологии, позволяющей транслировать нормативные предписания в плоскость единообразных правоприменительных стандартов, существенно затрудняет прогнозирование судебных актов и подрывает эффективность существующего превентивного механизма. Устранение названных проблем требует дальнейшей кодификации подходов и выработки системных разъяснений для судов, которые могли бы обеспечить сопоставимость решений и правовую определенность.

Советская правовая доктрина сформировала институциональные основы противодействия злоупотреблению процессуальными правами через призму классового подхода. Данная концепция базировалась на марксистско-ленинской идеологии, рассматривавшей право как инструмент защиты интересов трудящихся масс. Учение о классовом характере судопроизводства предопределяло отрицание автономии воли участников процесса и приоритет общественных интересов над индивидуальными. Такой подход создавал теоретическую базу для ограничения процессуальных прав в случае их несоответствия социалистическому правосознанию. Идеологическая установка на приоритет общественных интересов находила прямое отражение в процессуальном законодательстве и судебной практике. В советский период злоупотребление процессуальными правами квалифицировалось как деяние, противоречащее целям социалистического правосудия и государственным интересам. Судебные органы обладали широкой дискрецией в пресе-

чении таких действий, не будучи строго связанными наличием конкретных законодательных запретов. Данный подход обосновывал превентивную функцию правосудия, призванного ограждать общественный строй от действий, формально легальных, но расходящихся с телеологией закона.

В постсоветский период произошла концептуальная ревизия данного института. Современная российская доктрина, развивающаяся в контексте рыночной экономики и демократизации общественных отношений, сместила фокус внимания с исключительно публичных начал на поиск баланса между частными интересами участников процесса и публичными целями судопроизводства. Доктринальное обоснование получил принцип добросовестности как критерий допустимого использования процессуальных прав. Такая эволюция отразила переход от идеологизированного классового подхода к либеральной модели, признающей автономию воли субъектов права при сохранении механизмов защиты правопорядка.

В советской юридической доктрине злоупотребление процессуальными правами интерпретировалось как форма социально вредного поведения, подрывающего основы социалистического правопорядка. Идеологическая составляющая играла ключевую роль в оценке действий участников процесса, поскольку любое отклонение от предписанных целей рассматривалось как противоречащее интересам общества. «Субъективное право по обжалованию судебных постановлений должно быть направлено исключительно на защиту нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов участников процесса, а также иных лиц, права которых были затронуты принятыми судебными актами. В советской доктрине «необоснованный выход за пределы данного субъективного права мог расцениваться судами в качестве злоупотребления процессуальным правом» [4, с.88], что акцентировало примат коллективных ценностей над индивидуальными процессуальными гарантиями.

Современная российская правовая мысль переориентировала критерий злоупотребления на нарушение принципа добросовестности. В отличие от идеологизированной советской модели, нынешние исследования фокусируются на прагматических аспектах: анализе экономических последствий, необоснованных судебных издержках и факторах затягивания процесса. Процессуальные последствия злоупотреблений оцениваются сквозь призму нарушения баланса интересов сторон и снижения эффективности правосудия, что знаменует переход от абстрактных оценок к конкретному анализу процессуального поведения.

Данная эволюция критериев проявилась в смещении фокуса с формального соблюдения процедурных норм на исследование материально-правовых последствий. Если советская практика ограничивалась констатацией внешнего соответствия/несоответствия действий процессуальным предписаниям, часто игнорируя реальный ущерб, то современный подход интегрирует оценку фактического

вреда (например, при злоупотреблении правом на обжалование или манипулировании доказательствами). Это свидетельствует о развитии доктрины в направлении защиты процессуальной экономии и обеспечения справедливого равноправия сторон.

Перспективным вектором развития видится гармонизация национального законодательства с международными стандартами добросовестного судопроизводства. Анализ эволюции правовой мысли указывает на необходимость имплементации принципов процессуальной экономии и соразмерности, выработанных практикой Европейского суда по правам человека. Интеграция данных положений призвана преодолеть исторический дисбаланс между индивидуальными и общественными интересами, унаследованный от советской парадигмы.

Наконец, совершенствование процессуальных механизмов требует разработки дифференцированной системы санкций, учитывающей степень общественной вредности деяния. Современная доктрина нуждается в четкой классификации мер ответственности — от процессуальных штрафов до ограничения конкретных прав недобросовестной стороны. Подобный подход обеспечит неотвратимость наказания, сохраняя гибкость правоприменения, и станет логическим завершением эволюции от советской унификации к современной персонализации правового регулирования.

Сравнительный анализ доктринальных оснований противодействия злоупотреблению процессуальными правами выявил принципиальную дихотомию подходов. Советская концепция, как показано в исследовании, формировалась под влиянием идеологии коллективизма и примата государственных интересов, что находило от-

ражение в механизмах процессуального регулирования. Современная российская парадигма, напротив, акцентирует необходимость баланса индивидуальных прав участников процесса и общественных интересов, что соответствует принципам правового государства.

Исследование подтвердило наличие институциональной преемственности в понимании природы злоупотребления как социально вредного явления. Несмотря на радикальную трансформацию правовой системы после 1991 года, сохранились базовые подходы к нормативному запрету недобросовестного поведения. Особенно ярко это проявляется в превентивной функции судебного усмотрения, унаследованной от советской процессуальной традиции.

Анализ современных механизмов противодействия выявил их существенное отличие от директивных методов советского периода. Однако текущие подходы демонстрируют недостаточную доктринальную проработанность критериев злоупотребления, что приводит к фрагментарности судебной практики. Решение этой проблемы требует систематизации теоретических положений с учётом международных стандартов процессуальной добросовестности.

Проведённое исследование обладает значимым практическим потенциалом для совершенствования судебной системы. Выявленные доктринальные закономерности создают основу для уточнения законодательных дефиниций злоупотребления процессуальными правами. Они также способствуют выработке единообразных подходов к применению санкций, сочетающих исторический опыт с современными требованиями правоприменительной практики.

Литература:

1. Абросимов А. В. Принцип добросовестности в российском гражданском праве и зарубежных правовых системах // *Legal Bulletin*. — 2022. — № 4. — С. 90–94.
2. Гасанов З. Э. К вопросу об ответственности за злоупотребление процессуальными правами в рамках арбитражного процесса // *Бюллетень науки и практики*. — 2022. — № 6. — С. 635–637.
3. Загидуллин М. Р. Юридическая ответственность в российском цивилистическом процессе: историко-правовое исследование. — Москва: Статут, 2019. — 143 с.
4. Мельникова А. В. Злоупотребление процессуальным правом при пересмотре судебных актов в цивилистическом процессе // *Теоретическая и прикладная юриспруденция*. — 2023. — № 2. — С. 87–91.
5. Рожнов А., Пономарев В. К вопросу о криминализации злоупотреблений правом в сфере отправления правосудия по гражданским делам // *Власть*. — 2010. — № 10. — С. 99–103.
6. Федин И. Г. Актуальные вопросы развития принципа добросовестности в арбитражном и гражданском процессе // *Актуальные вопросы науки и практики*. — 2021. — № 3. — С. 3–7.

Надзор прокурора за предварительным следствием по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года: проблемы и противоречия

Шебырева Татьяна Васильевна, студент магистратуры
Сочинский институт (филиал) Российского университета дружбы народов

В статье автор исследует институт прокурорского надзора за предварительным следствием, учрежденный Судебными уставами 1864 года в Российской империи. Основное внимание уделяется не только анализу нормативно-правовых основ, закрепленных в Уставе уголовного судопроизводства, но и, что более важно, исследованию реальной практики реализации надзорных полномочий прокурора.

Ключевые слова: прокурор, полномочия прокурора, надзор за следствием, предварительное следствие, уголовное преследование, судебная реформа 1864 г.

Согласно Уставу уголовного судопроизводства 1864 года предварительное расследование рассматривалось в качестве самостоятельной и обязательной стадии уголовного судопроизводства. По общему смыслу положений Устава уголовного судопроизводства лицо не могло быть подвергнуто судебному преследованию до установления фактических обстоятельств преступления и осуществления проверки обоснованности уголовного преследования (статья 1). Статьей 5 Устава уголовного судопроизводства предпринята попытка разграничения полномочий в рамках осуществления предварительного расследования, направленное на дифференциацию задач и функций различных участников уголовного судопроизводства [1].

Проблема оптимизации взаимодействия и баланса на досудебных стадиях уголовного процесса является одной из наиболее дискуссионных в науке и практике отечественного правоприменения. Центральное место в научной полемике занимает вопрос о природе и границах прокурорского надзора за предварительным следствием. Согласно позиции И. Я. Фойницкого, основная роль прокурора была направлена на наблюдение за охранением законов при производстве следствия [8, с. 373–374]. Вместе с тем, разрешение данной проблемы в рамках проведенной судебной реформы 1864 года находилось на стыке компромисса между двумя фундаментальными, однако конфликтующими между собой принципами: независимость судебного следователя и императивность установления объективной истины по делу через воздействие органов прокуратуры.

С момента действия Устава уголовного судопроизводства 1864 года прослеживается стремление законодателя к созданию системы сдержек и противовесов на стадии предварительного следствия. Судебный следователь представляется как независимая фигура в системе органов государственной власти, основная функция которого заключалась в осуществлении объективного и беспристрастного расследования. Вместе с тем, независимость судебного следователя, закрепленная нормами статьи 264 Устава уголовного судопроизводства (осуществление всех мер «собственной властью»), не была абсолютной, поскольку была сбалансирована контрольно-надзорными

полномочиями со стороны других органов власти: прокурора и суда [1].

Законодатель в рамках Устава уголовного судопроизводства 1864 года разграничивает функции между судебным следователем и прокурором. В соответствии со статьей 278 Устава уголовного судопроизводства прокурор и его товарищи не имели право проводить следственные действия, что юридически отделяло надзор от непосредственного руководства следствием. Роль прокурора на указанной стадии выражена в статье 281 Устава уголовного судопроизводства и заключается в наблюдении за производством следственных действий. Прокурорский надзор на стадии предварительного следствия реализовывался через ряд императивных полномочий, обеспечивавших всеобъемлющий доступ к ходу следствия: присутствие при осуществлении следственных действий (статья 280), дача предложений о направлении следствия (статья 281), получение уведомления о задержании обвиняемого (статья 283), прекращение уголовного дела (статья 277).

Особое значение имело присутствие прокурора при производстве дознания по государственным преступлениям в силу их особой государственной и общественной важности. Как отмечает В. П. Горбачев, в сфере государственных преступлений практика прокурорского надзора кардинально отличалась от обычной [4, с. 67]. Юридическая практика, рассматриваемого периода, свидетельствует, что при расследовании общеуголовных дел присутствие прокурора на дознании не было частым явлением, однако по делам политического характера его личное участие становилось обязательным правилом и строгим требованием инструкций. Об этом также свидетельствуют ряд правовых документов, утвержденных в последующие годы после проведения судебной реформы 1864 года (например, Циркуляр от 09.01.1899 № 51, циркулярное предписание прокурора Киевской судебной палаты от 30.04.1898 № 397).

Формально обозначенные полномочия были направлены на обеспечение законности, всесторонности и полноты осуществляемого расследования. Исследователь С. И. Викторский отмечает, что фигура прокурора на стадии предварительного расследования выступала га-

рантом от произвола следователей и сопутствующих процессуальных ошибок, что в свою очередь создавало сбалансированную систему уголовного процесса [3, с. 115]. В то же время с учетом двойственной природы прокурора в уголовном судопроизводстве (с одной стороны, его задачей было обеспечение законности на любой стадии, а с другой стороны, он выступал стороной по делу — государственным обвинителем).

Глубинной проблемой была институциональная коллизия между судебным следователем и прокурором. Следователь, воплощавший идею объективного и независимого исследования, часто воспринимал прокурорский надзор как вторжение в свою исключительную компетенцию. Прокурор же, неся ответственность за итог дела в суде, видел в независимости следователя препятствие для достижения законного, с его точки зрения, результата — обвинения.

Вместе с тем, институциональный анализ положения органов прокуратуры на стадии предварительного следствия позволяет выявить механизм скрытого давления, заложенный в Уставе уголовного судопроизводства. Роль прокуратуры на указанном этапе уголовного судопроизводства выстраивалась на основе сочетания трех функций: санкционирование начала производства, наблюдение за ходом осуществления следствия, окончательная оценка результата расследования.

Двойственность положения прокурора на стадии предварительного следствия после проведения судебной реформы 1864 года породила неоднозначную позицию и в отечественной доктрине. Анализ научно-исследовательской литературы позволяет выделить несколько сформулированных позиций.

Значительная часть правоведов и практиков дореволюционного этапа, в частности из прокурорского состава, отрицала наличие системной зависимости следователя от прокурора. Категоричность указанной позиции отражена, например, в работах П. Н. Обнинского (бывший прокурор Московского окружного суда), который отмечал, что зависимость следователя, внушаемая рядом представителей обществу, есть явление «кажущееся», а давление прокуратуры — «иллюзорно» [6, с. 260]. По мнению автора, перечень полномочий, определенных в Уставе уголовного судопроизводства [1], был строго ограничен нормами закона, при этом исходя из буквального толкования положений следует, что функционал прокурора сводился именно к осуществлению надзора. Кроме того, осуществление фактического руководства следствием представлялось невозможным в силу высокой нагрузки органов прокуратуры. Схожей позиции придерживался также юрист Б. Л. Бразоль. Указанные авторы отмечали, что законом были предоставлены достаточные средства для отстаивания следо-

вателем собственной позиции перед прокурором, включая и обжалование его незаконных действий.

В то же время имеет место и противоположная точка зрения, в соответствии с которой, несмотря на строго очерченные рамки деятельности прокурора в части контроля над следственной деятельностью, фактически существовали и иные механизмы влияния. Указанной позиции придерживаются юристы В. К. Случевский [7, с. 243] и А. А. Квачевский [5, с. 305]. По мнению исследователей, решающее значение имели не формальные полномочия, обозначенные в Уставе уголовного судопроизводства, а административный фактор. Прокурор, обладая авторитетом и являясь представителем государства, обладал реальной возможностью формировать мнение о профессиональных качествах следователя; фактически от прокурора зависела и последующая карьера судебного следователя.

В качестве дополнительного административного влияния необходимо также отметить следующее. Прокуроры подчинялись министру юстиции, одновременно являющегося генерал-прокурором. Указанное подчинение, равно как и иные каналы внешнего государственного воздействия (губернские власти, полиция, жандармерия по делам о государственных преступлениях, в том числе могли влиять на осуществление полномочий следователя).

В соответствии со статьей 281 Устава уголовного судопроизводства прокурору предоставлялось право на дачу указаний о производстве дополнительных следственных действий. Сторонники рассматриваемой позиции указывали, что действие данной статьи фактически сдвигало расследование в пользу обвинительного заключения, что в свою очередь искажало нейтралитет фигуры следователя.

Таким образом, анализ положений Устава уголовного судопроизводства, а также взглядов классиков отечественной правовой доктрины позволяет сделать вывод, что законодатель 1864 года сделал попытку сформулировать взвешенную, хотя и не лишенную внутренних противоречий, модель. Прокурорский надзор за осуществление предварительного следствия был направлен на обеспечение внутреннего баланса правовой системы, соблюдение принципов законности и всесторонности расследования. Задачей прокурорского надзора, по замыслу законодателя, не являлось упразднение самостоятельности судебного следователя при осуществлении предварительного следствия. Несмотря на это, исторический опыт демонстрирует, что имело место нарушение баланса в каждую сторону: как ослабление прокурорских функций при осуществлении надзора, так и его излишнее усиление. Надзор прокурора за предварительным следствием по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года стал воплощением переходной процессуальной модели.

Литература:

1. Судебные уставы 20 ноября 1864 года: с изложением рассуждений, на коих они основаны: Ч. 1 — / изданные Государственной канцелярией. — 2-е издание, дополненное. — С.-Петербург: в типографии 2 отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1867. — 25 см. Режим доступа: <https://www.prilib.ru/item/372592>

2. Бразоль, Б. Л. Очерки по следственной части: История. Практика / Б. Л. Бразоль. — Петроград: Гос. тип., 1916. — 215 с.
3. Викторский, С. И. Русский уголовный процесс / С. И. Викторский. М., 1912. — 443 с.
4. Горбачев, В. П. Личное присутствие прокурора при производстве дознания по государственным преступлениям как способ осуществления прокурорского надзора в Российской империи / В. П. Горбачев // Велес. 2017. № 12–3(54). С. 65–71.
5. Квачевский, А. А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года: Теорет. и практ. Руководство. Ч. 1 / А. А. Квачевским. — Санкт-Петербург: тип. Ф. С. Сущинского, 1866–1870, 1867. — [2], II, 371 с.
6. Обнинский, П. Н. Закон и быт: Очерки и исслед. в обл. нашего реформируемого права. Вып. 1 / П. Н. Обнинский. Предварительное следствие; Судебные прения; Адвокатура; Юридические вопросы / 17. — Москва: тип. А. И. Снегиревой, 1891, — [2], IV, 424, IV с.
7. Случевский, В. К. Учебник русского уголовного процесса: Судоустройство — судопроизводство / В. К. Случевского, преп. уголов. судопроизводства в Уч-ще правоведения, чл. консультации М. Ю., и. д. тов. обер-прокурора Уголов. касс. деп. Сената. — 4-е изд., доп. и испр. — Санкт-Петербург: тип. М. М. Стасюлевича, 1913. — XIV, 670 с.
8. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Том II. Изд. 3-е / И. Я. Фойницкий. — СПб.: Сенатская типография, 1910. — 573.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 8 (611) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 04.03.2026. Дата выхода в свет: 11.03.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.